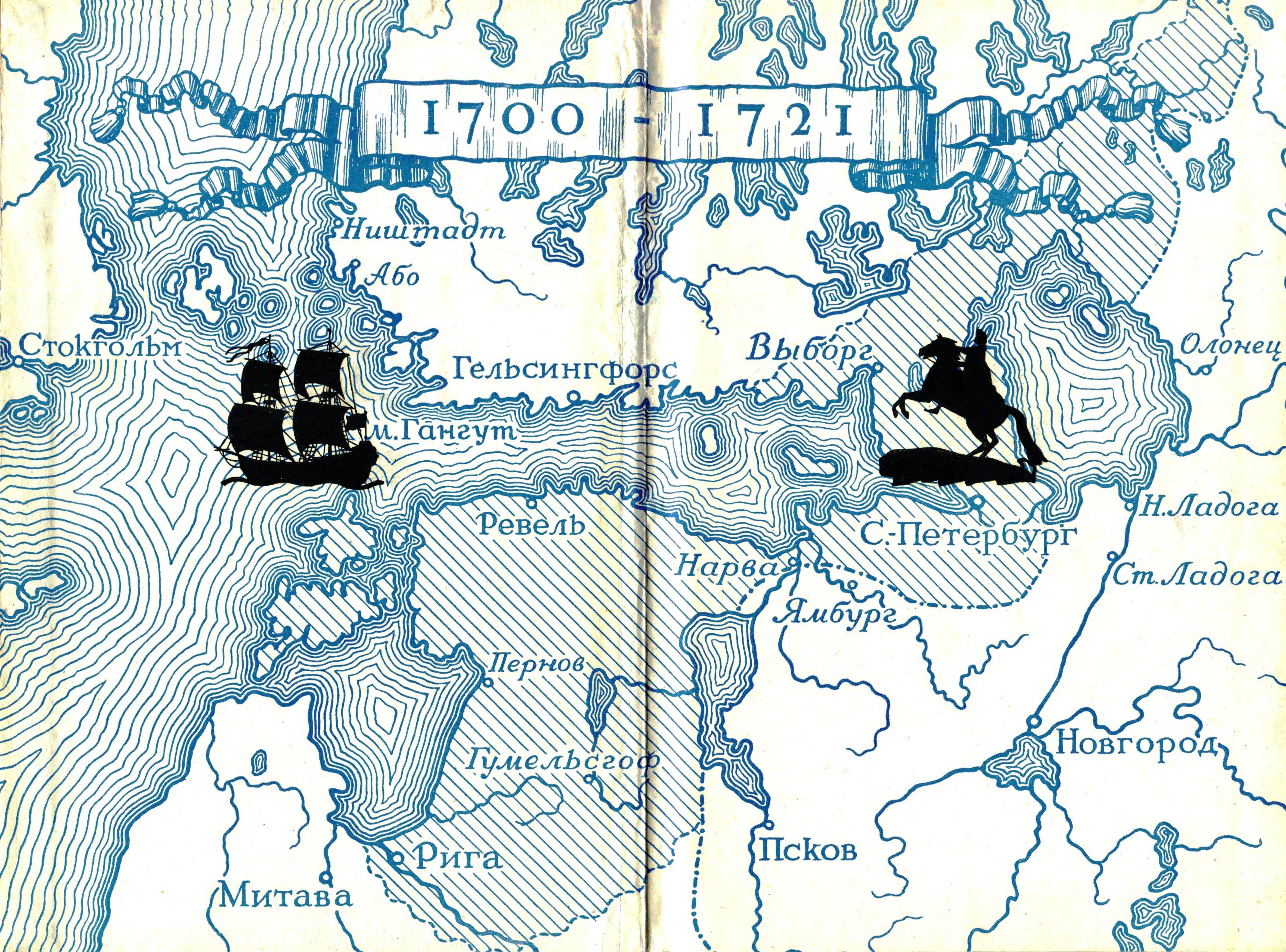
ПОЛКОВНИК
Б. С. ТЕЛЬПУХОВСКИЙ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1946

1700 - 1721
Ништадт
Або
Стокгольм
Гельсингфорс
Выборг
Олонец
м.Гангут
Ревель
Н.Ладога
С.-Петербург
Нарва
Ст.Ладога
Ямбург
Пернов
Новгород
Гумельсгоф
Рига
Псков
Митава

гр. М. БЕЛОВ
Петр I

ПОЛКОВНИК
Б. С. ТЕЛЬПУХОВСКИЙ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

1700 - 1721

ПОЛКОВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПЕТРА I

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
МОСКВА
1946

Полковник Б. С. Тельпуховский

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

В книге о Северной войне изложен ход этой войны, на конкретных операциях показаны полководческая деятельность Петра I и новые оперативно-тактические принципы ведения войны, разработанные им. Рассказано о героической партизанской борьбе русского, украинского и белорусского народов против шведских захватчиков. В книге изложен ряд других вопросов, связанных с организацией, обучением и воспитанием русской регулярной армии, ставшей при Петре I одной из самых сильных армий в Европе.

Настоящий труд является результатом длительного исследования автором этой темы. Материалом для исследования служили документы о Северной войне, опубликованные в XVIII, XIX веках и в начале XX века. Кроме этого, были привлечены новые архивные материалы Центрального военно-исторического архива. По Государственному архиву феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) использованы два фонда — кабинетные дела Петра I и дела Министерства иностранных дел.

Книга рассчитана на офицерский состав Красной Армии, преподавателей истории военного искусства, преподавателей вузов и партийный актив.

ВВЕДЕНИЕ

Почти четверть века длилась война России со Швецией за выход к Балтийскому морю, за возвращение искони русских земель, захваченных у России Швецией в конце XVI и начале XVII века. В этой длительной и тяжелой войне с иноземными захватчиками вместе с великим русским народом боролись братские народы Украины и Белоруссии.

Возвращение побережья Балтийского моря было жизненно необходимым для Русского государства: без выхода к морю оно не могло преодолеть свою экономическую отсталость и занять надлежащее место среди передовых европейских государств.

Начатая еще Иваном Грозным в XVI веке борьба за Балтийское море была успешно завершена только в первой четверти XVIII века Петром I.

Крупный русский историк С. М. Соловьев в рецензии на «Историю царствования Петра I» Н. Г. Устрялова справедливо заметил: «Мысль о Северной войне была мыслью веков. Она была начата Иваном IV... Она жила в Годунове. Она воскресла в царе Алексее и его министрах и досталась в наследство Петру как вековое предание. Это Петр сам ясно сознавал и признавал, гордясь великим значением совершителя того, что было начато, чего так сильно желали его предшественники»[1].

Военно-политический гений Петра I обеспечил России выход к берегам Балтийского моря. «Петр I овладел всем, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны», писал К. Маркс.

Исход Северной войны имел колоссальное значение для дальнейшего развития России. После войны Россия стала играть огромную роль в международной политической жизни, превратившись

[1] «*Антеней*», журнал критики, современной истории и литературы, 1858 г., № 27—28, стр. 81.

в одно из могущественных государств Европы. В ходе этой войны Петр I создал русскую регулярную армию и военно-морской флот, разработал основы русского военного искусства, которые в течение долгого времени — до Румянцева и Суворова — были тем фундаментом, на котором строилась, обучалась и воспитывалась русская армия. Созданные им русская армия и военно-морской флот менее чем за четверть века достигли таких результатов, для достижения которых многим наиболее передовым странам Западной Европы понадобились десятки и сотни лет.

Положив в основу многовековый военный опыт своего народа, усвоив все лучшее из опыта европейских армий, Петр I повел русское военное искусство самостоятельным путем и во многом опередил военную науку Западной Европы. Полководческое искусство Петра I для своего времени было самым передовым.

К изучению Северной войны и личности Петра не случайно проявлен большой интерес не только со стороны русской дворянской и буржуазной историографии, но также и западноевропейской.

Ученик Соловьева В. О. Ключевский писал: «Весь смысл русской истории сжимался в один вопрос — о значении деятельности Петра». По мнению Ключевского, эпоха Петра и его реформы «стали камнем, на котором оттачивалась русская историческая мысль более столетия» [1].

Источники и литература, посвященные царствованию Петра I и Северной войне, весьма обширны.

Значительная часть документов опубликована в различных сборниках и журналах в XVIII—XIX веках и в начале XX века. На основе этих материалов русскими дворянскими и буржуазными историками написан ряд монографий; кроме того, эти материалы использованы также и в общих курсах по истории Петра I.

Однако дореволюционная литература не дает нам подлинно научного, объективного освещения истории Северной войны, а политические суждения ее авторов должны быть подвергнуты строжайшему критическому разбору [2]. Особенно крупным недостатком дореволюционных работ является то, что в них не показана героическая борьба русского, украинского и белорусского народов против шведских захватчиков, а описание Северной войны дается в отрыве от общей политики Петра I. Это относится к работам как гражданских, так и военных историков. Казалось бы, что военные историки должны были дать научное исследование полководческой деятельности Петра I. Но и эти вопросы не нашли глубокого освещения в их работах.

В оценке преобразовательской и полководческой деятельности Петра I еще при его жизни наметилось два направления: прогрессивное, представители которого поддерживали реформы Петра, и

---

[1] *В. Ключевский*, Курс русской истории, т. IV, стр. 214.

[2] *М. Полиевктов* в своей работе «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира», изд. 1907 г., на стр. 18 справедливо заметил, что историки еще до сих пор не создали научной истории Северной войны.

реакционное, возглавлявшееся противниками петровских преобразований. Эпоха Петра привлекала к себе внимание многих историков, писателей, общественных деятелей, вызывала среди них горячие споры, различные оценки. Как в царствование Петра I, так и в последующее время все прогрессивные общественно-политические направления давали положительную оценку реформам Петра, справедливо считая, что благодаря им Россия значительно продвинулась вперед по пути прогресса.

Канцлер Головкин в своей речи по случаю заключения в 1721 году Ништадтского мира, поднося Петру титул императора, говорил:

«Единыя вашими неусыпными трудами и руковождением мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены» [1].

Другой современник Петра Неплюев говорил: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать, что и мы люди, — одним словом, на что в России ни взгляни, все от него начало имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут».

Наиболее сильно подчеркивал эту мысль Феофан Прокопович: «Всю Россию, каковая уже есть, сделал и создал».

Во всех этих высказываниях мы видим одну общую мысль: прошлое Русского государства отгораживается китайской стеной от настоящего, упускается из виду связь реформаторской деятельности Петра с условиями XVII века, которые подготовили петровские реформы.

Выразители взглядов отсталой части угнетенного населения называли Петра «антихристом» и «сыном погибели». «Антихристом» Петра называли и противники реформаторской деятельности, боярская оппозиция. Такое совпадение объясняется тем, что на первых ложились тяжелым бременем издержки, связанные с реформами и войнами, которые вел Петр I; вторые в лице Петра видели нарушителя их старинных привилегий и обычаев, от которых они не хотели отказаться в пользу всего класса крепостников-помещиков.

Великий русский ученый и писатель Ломоносов в «Слове похвальном Петру Великому» (1755 г.) дает положительную оценку внутренней и внешней политике Петра I. «Я в поле меж огнем; я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями; я в разных художествах между многочисленными махинами; я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народа множеством; я меж стенанием валов Белого, Черного, Балтийского, Каспийского моря и самого океана духом обращаюсь: везде Петра Великого вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени; я не могу сам себя уверить, что один везде Петр, не многие; и не краткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню великого государя!.. Итак, ежели человека, богу подобного по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю».

---

[1] Полное собрание законов Российской Империи, т. VI, № 3840.

До второй половины XVIII века не было еще научного подхода к изучению реформаторской деятельности Петра. Деятельность Петра объяснялась проявлением сверхъестественной силы.

Русские дворянские историки второй половины XVIII века М. М. Щербатов, Н. Болтин, Н. И. Новиков положили начало научному освещению реформ Петра I. Они, не унижая его достоинства как преобразователя, одновременно подчеркивали, что в области реформаторской деятельности много сделало придворное дворянство, воспринявшее западноевропейскую культуру. Для этих историков была совершенно ясна огромная роль Петра в деле быстрого прогресса России.

Щербатов, осуждавший Петра за крутые меры, все же пришел к выводу, что без помощи Петра России потребовалось бы не менее семи поколений — 210 лет (1682—1892), чтобы пройти путь, проделанный ею в петровское время: «да и то, считая, что в течение бы сего великого времени не было никакого помешательства (препятствующих обстоятельств.— *Б. Т.*) — ни внутреннего, ни внешнего».

Дворянский историк Карамзин первоначально давал положительную оценку деятельности Петра. «Как Спарта без Ликурга, так Россия без Петра не могла бы прославиться», — писал Карамзин. Однако позже, восхищаясь деятельностью государя Ивана III, Карамзин указал, что вот Иван мог возвысить русское государство и без крутых мер, которые применял Петр I. В своей знаменитой «Записке о древней и новой России» (1811 год) Карамзин выражает особенное недовольство насильственными методами Петра и подвергает их резкой критике. Живший в обстановке начавшегося кризиса феодально-крепостнической системы, Карамзин был яростным противником решительных поворотов в истории развития русского государства. Этим именно и объясняется его резкая критика, которую он дал реформам Петра, их исторической необходимости. Ленин же писал: «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [1].

В середине XIX века в русской общественной мысли боролись два направления: западники и славянофилы, различно оценившие преобразования Петра I.

По мнению славянофилов братьев Киреевских, Аксаковых, Петр I своими реформами нанес непоправимый вред самобытному развитию России; «классовый мир», безмятежная тишина и спокойствие, которые существовали до Петра I, были нарушены рабским подражанием Западной Европе. Беда современной России, по их мнению, состоит в том, что она не в состоянии избавиться от вредных последствий петровских реформ. Славянофилы утверждали, что Петр I вбил клин между крестьянами и помещиками и даже между помещиками и самодержавием и тем самым ввергнул страну в анархию; крестьяне не хотят подчиняться помещикам, часть помещиков оппозиционно настроена к самодержавию; все стремятся к власти.

---

[1] *В. И. Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 517.

Славянофилы призывали вернуться назад, к старой до-петровской Руси, призывали воспрепятствовать проникновению «язвы западноевропейской цивилизации». Славянофилы определенно стремились к реставрации патриархально-крепостнических отношений.

Иных взглядов держались западники в лице Белинского, Чаадаева и Герцена. В петровских реформах они усматривали прогрессивное начало. По их мнению, реформы Петра I значительно продвинули вперед русское государство в экономическом и политическом отношении. Чаадаев, полемизируя со славянофилами, утверждал, что без реформ Петра I Россия превратилась бы в провинцию Швеции.

В горячих спорах со славянофилами Белинский с присущей ему страстью, подчеркивая большие заслуги Петра в деле исторического прогресса России, утверждал, что «Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского». В своих статьях Белинский отмечал огромное значение военной реформы и внешней политики Петра.

Герцен называл Петра «коронованным революционером» и «истинным представителем революционного принципа, скрытого в русском народе».

Конечно, Белинский и Герцен неправильно усматривали в петровских реформах революцию. Изменения, произведенные Петром в русской жизни, не были революцией. Власть попрежнему оставалась в руках дворянства, а крепостная зависимость крестьян еще более усилилась.

Буржуазные историки, начиная от известного русского историка С. М. Соловьева и кончая его учениками, немало занимались изучением реформ Петра.

Впервые на связь преобразований Петра с предшествующей эпохой обратил внимание С. М. Соловьев в трудах «Взгляд на историю установления государственного порядка в России» и «Публичные чтения о Петре Великом» (1872 г.). В них Соловьев указывал, что вся экономическая, внешнеполитическая и административная политика Петра I являлась прямым продолжением того, что намечалось и было осознано до него, что XVII век подготовил реформы начала XVIII века. «Необходимость движения на новый путь была сознана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя — вождь явился» [1].

В оценке Соловьева петровская эпоха в жизни русского народа представляется переходом от одной ступени, когда «преобладает чувство», к другой, когда «господствует мысль». Он писал: «Наступает вторая половина народной жизни, народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало-по-малу свое господство мысли. Сомнения, стремление поверить в то, во что прежде не верилось, задать вопрос — разумно или неразумно существующее, потрясти, пошатать то, что считалось до сих пор непоколебимым, — знаменует вступление народа во вторичный возраст или период господства мысли» [2].

---

[1] *С. М. Соловьев*, Публичные чтения о Петре Великом, стр. 46.
[2] Там же, стр. 10.

Соловьев справедливо указывал на связь внешней политики Петра I с политикой Ивана Грозного, который также стремился овладеть побережьем Балтийского моря.

Придавая большое значение реформам Петра, правильно указывая на связь их с предшествующим XVII столетием, Соловьев, однако, не мог вскрыть причин, подготовивших реформы Петра, так как он исходил не из развития производительных сил страны, не из внутриполитического и внешнеполитического положения русского государства, а выводил корни реформ из господства идеи и сознания отсталости русского народа сравнительно с другими народами Западной Европы. Реформы Петра Соловьев сравнивал с революцией во Франции конца XVIII века. «Наша революция начала XVIII века уяснится через сравнение ея с политическою революцией, последовавшею во Франции в конце этого века... В России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направления революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства» [1]. Ясно, что это — идеалистическое объяснение причин реформ и роли личности Петра.

Говоря об искажении истории историками-идеалистами, Маркс указывал: «...происходит это по существу от того, что на место человека прошлой эпохи подставляют всегда среднего индивида позднейшей эпохи, а прежним индивидам подсовывается позднейшее сознание» [2].

Ученик Соловьева В. Ключевский в оценке преобразовательской деятельности и внешней политики Петра в основном стоял на позициях своего учителя. Он более сильно, чем это делал Соловьев, связывал преобразовательскую деятельность Петра с войной. «Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы... Война была главным движущим рычагом преобразовательской деятельности Петра, военная реформа — ее начальным моментом, устройство финансов — ее конечной целью» [3].

По мнению Ключевского, реформы производились без всякого плана и последовательности. Ключевский, связывая преобразовательскую деятельность Петра с текущими делами и указывая на войну как на движущую пружину реформ, делал следующий вывод: реформа была «бурной весенней грозой», которая, «ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева» [4].

Северная война и полководческая деятельность Петра у Ключевского получили неправильную оценку. Полтавская битва, по его мнению, была лишь разгромом «отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга». Неправильную оценку Ключевский дает и внешней политике Петра. Ништадтский мир он рассматривает не как блестящее достижение русской дипломатии, каким он был в действительности,

---

[1] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. III, т. XI—XV, стр. 1055.

[2] Архив К. Маркса, кн. первая. М., 1930, стр. 251.

[3] *В. Ключевский*, Курс русской истории, ч. IV, стр. 63—64.

[4] Там же, стр. 234.

а как «запоздалый конец войны». Ключевский не заметил крупных военных и дипломатических дарований Петра; по его мнению, Петр был лишь «хозяин-чернорабочий, самоучка, царь-мастеровой».

Из многочисленных учеников Ключевского изучением петровского времени занимался проф. Московского университета П. Н. Милюков — идеолог русской буржуазии. Он резко критиковал реформы Петра, в которых не видел ни плана, ни системы, и квалифицировал их как «отдельные эксперименты». Всю преобразовательскую деятельность Петра Милюков считал «слепым стихийным творчеством». Он недооценивал или не видел прогрессивного значения внешней политики Петра и считал ее «несоответствующей экономическому уровню страны». По его мнению, издержки на войну, армию и флот не оправдали желаемых результатов. Экономическая политика Петра, в особенности строительство мануфактур, «не увенчалась успехом, так как мануфактуры после Петра были закрыты». Идеолог русского империализма, боясь надвигающейся революции в России, принимал все меры к тому, чтобы разжечь ненависть своего класса ко всему передовому, которое ломает старое и прокладывает путь новому, прогрессивному.

В общем большинство буржуазных историков считало, что война явилась движущей пружиной преобразовательской деятельности Петра; до Полтавы все петровские реформы направлялись на изыскание средств для ведения войны; после Полтавы реформаторская деятельность переносится в сферу гражданского управления. Несостоятельность этой точки зрения была вскрыта историком М. Богословским, который в своей работе «Областная реформа Петра Великого» справедливо указывал, что нельзя обусловливать петровские реформы только интересами войны. Он подчеркивал, что Петр ставил «задачи более широкие, чем простая организация сил и средств для борьбы со Швецией, что той целью, тем идеалом, к достижению которого он стремился, было регулярное государство, такое, каким его в то время знала западно-европейская политическая практика, и такое, о каком учила западно-европейская политическая теория» [1].

Богословский реформаторскую деятельность Петра называл просвещенным абсолютизмом. Он утверждал, что реформы Петра носят надклассовый характер. Их отправным началом является разум.

Вскрыть классовый характер реформ Петра Богословский не сумел, оставшись на позициях идеализма.

Советская историческая наука значительное время мало занималась изучением истории войн и военного искусства России. Этим отчасти объясняется то, что по истории Северной войны нет ни одной советской военно-исторической работы. Однако последнее обстоятельство определяется еще влиянием так называемой «исторической школы Покровского». Покровский не понял исторически прогрессивного значения реформаторской деятельности Петра I и его внешней политики, объясняя все петровские преобразования только влиянием

---

[1] *М. Богословский*, Областная реформа Петра Великого. М., 1902 г., стр. 18.

торгового капитализма. Он дал ложную, антиисторическую оценку петровской эпохи, как эпохи временного завоевания феодальной России торговым капитализмом. По мнению Покровского, реформы Петра — реформы торгового капитализма. «Набег торгового капитализма на Россию обошелся ей очень дорого».

Покровский не заметил стремлений Петра вывести страну из рамок отсталости, стремлений, направленных к тому, чтобы укрепить обороноспособность страны.

Совершенно неверную оценку дает Покровский внешней политике Петра. Он искажает самую постановку «Балтийского вопроса», которую мы находим у Маркса и Энгельса.

Покровский писал: «торговый капитализм... заставил Петра биться двадцать лет за Балтийское море», а позже «гнал его на Каспийское» [1]. В оценке внешней политики Петра, его полководческой и преобразовательской деятельности Покровский находился в плену у Милюкова. Он утверждал: «Банкротство петровской системы заключалось не в том, что ценою разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы, а в том, что, несмотря на разорение страны, и эта цель не была достигнута» [2].

Покровский, как и Милюков, неправильно охарактеризовал русскую армию и флот: «Русские войска находятся в весьма плачевном состоянии: офицеры никуда не годятся, между солдатами много необученных рекрутов, кавалерийских лошадей вовсе нет — словом, появись вторично противник вроде Карла XII, он с 25 тысячами человек мог бы справиться со всей «московитской» армией... Не лучше был и флот... личный состав флота не лучше его материальной части» [3]. Мы видим полное искажение исторической действительности. Несмотря на то, что правящий класс (крепостники-помещики) держал русского крестьянина в темноте и невежестве, однако ничто не могло убить в русском солдате вольнолюбивость, находчивость и храбрость. Великий русский поэт Пушкин, знаток русского народа крепостной эпохи, писал: «Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны» [4]. Русский солдат искони веков отличался исключительной храбростью и героизмом, и не случайно Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали это: «русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе» [5].

Дав неправильную оценку петровской армии, Покровский вместе с тем подчеркнул, что эта армия исполняла лишь роль жандарма. А между тем, в действительности, русская армия, при поддержке русского, украинского и белорусского народов, в период Северной войны сыграла исторически прогрессивную роль: она выполнила свой воинский долг, отстояла от шведских захватчиков независимость русского государства. На громадную важность и зна-

---

[1] *М. Покровский,* Русская история, т. II, стр. 257.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 256—257.
[4] *А. С. Пушкин.* Путешествие из Москвы в Петербург. Русская изба.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Сочинения, т. X, стр. 650.

чение «военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений» [1],— указывал и Ленин.

Этого не заметил Покровский. Не заметил он и исторически прогрессивной деятельности Петра. Насколько Покровский был далек от марксизма, показывает полное забвение им классовой борьбы: он прошел мимо народных восстаний, которыми так богато было время Петра. В общем, вся концепция Покровского находится в резком противоречии со взглядами классиков марксизма, которые называли Петра «действительно великим человеком» и с большим вниманием изучали его эпоху.

Советская историческая наука порвала с антимарксистской концепцией М. Покровского и тем самым расчистила путь для подлинно научного освещения истории народов СССР, а также и для разработки истории петровского периода. После исторических замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова советские историки взялись за изучение этих вопросов. Как известно, разоблачению взглядов так называемой школы М. Покровского посвящен специальный сборник Академии Наук СССР «Против антимарксистской концепции М. Покровского». В статьях покойного академика Е. Ярославского, чл. корр. Академии Наук СССР А. Панкратовой, М. Джервис и Б. Кафенгауза, помещенных в этом сборнике, были вскрыты ошибки Покровского в освещении петровской эпохи.

Советская историческая наука значительно продвинулась вперед также в изучении некоторых сторон деятельности Петра и его эпохи, не разработанных буржуазными историками. Советские историки приступили к разработке экономики петровской эпохи, а также истории отдельных народов, истории классовой борьбы и народных восстаний в период царствования Петра. Советские ученые занялись изучением характера государства Петра, его внешней политики, биографии преобразователя [2]. Более полно в литературе советского периода освещены вопросы классовой борьбы эпохи и отчасти административные реформы Петра.

Настоящее исследование автор рассматривает как попытку восполнить значительный пробел в нашей советской литературе в освещении военной, полководческой деятельности Петра, основоположника русского военного искусства, организатора русской регулярной армии и военно-морского флота. Автору кажется более удобным показать эти стороны деятельности Петра I путем освещения главных этапов Северной войны.

Война, строительство новых вооруженных сил, регулярной армии и военно-морского флота, строительство городов и развитие промышленности потребовали исключительного напряжения всех материальных и духовных сил страны и большого количества человеческих жертв. Все издержки, вызванные войной, ложились тяжелым

---

[1] *В. И. Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 384.

[2] Характеристика трудов советских историков и дореволюционной историографии о Петре и его эпохе дана в работе *Б. Кафенгауза* «Вопросы историографии эпохи Петра Великого» в Историческом журнале № 9, 1944.

бременем на плечи народных масс, крестьянства и мелкого посадского люда. Крестьянство помимо барщины вынуждено было нести тяжелые всевозможные повинности, высокие налоги (прямые и косвенные). Постоянные рекрутские наборы отрывали крестьян от хозяйства. Крестьяне несли тяжелую гужевую повинность. Они работали на крепостных мануфактурах, строили укрепления, города, каналы, где сотнями гибли вследствие тяжелых условий труда. Укрепление и возвышение класса помещиков и развитие нарождавшегося класса купечества происходило «за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» [1].

Тяжелое положение крестьянства и мелкого посадского люда, еще более усугубившееся в результате Северной войны, порождало крупные народные движения.

Восстания народных масс были направлены против феодалов-крепостников, они расшатывали устои феодально-крепостнического строя. В этом их прогрессивное значение. Неправы те историки, которые считают, что, поскольку реформаторская и военная деятельность Петра носила прогрессивный характер, выступления народных масс против феодалов-крепостников надо признать реакционными. Подобная оценка выступлений народных масс, конечно, не имеет ничего общего с марксизмом.

Если петровские реформы, создавая централизованную Российскую империю, были, с одной стороны, прогрессивными, то, с другой,— нельзя забывать того, что политика Петра преследовала цели возвышения класса крепостников-помещиков и нарождавшегося класса купцов.

Основой для глубокого и всестороннего изучения событий и проблем, связанных с эпохой Петра I, являются замечательные высказывания классиков марксизма-ленинизма о внешней политике, о реформах и о личности Петра I.

Маркс и Энгельс, проявлявшие большой интерес к петровской эпохе, специально занимались ее изучением. О своих исследованиях, которые Маркс проводил в Британском музее, он писал Энгельсу: «В музее я сделал несколько исторических открытий о первых десятилетиях восемнадцатого и конца семнадцатого века, касающихся борьбы между Петром I и Карлом XII (шведским)» [2]. Маркс и Энгельс особенно интересовались внешней политикой, военной деятельностью Петра I, усматривая в них корни последующего могущества России. Они указывали на положительное, прогрессивное значение внешней политики Петра. Прогрессивное значение петровских реформ отметил также Ленин. Весьма ценным для изучения эпохи Петра являются его указания об особенностях политического строя Российской империи. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничью дворянскую монархию XVIII века. В отличие от самодержавия XVII века с боярской думой, Ленин говорил

---

[1] *И. Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, 1937, стр. 6.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. XXII, стр. 112.

о самодержавии „XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»“ [1].

О положительной роли Петра говорится также в листовках Петербургского большевистского комитета, выпущенных в 1903 г. к двухсотлетию основания Петербурга. Эти листовки подчеркивают, что «Петр Великий был умным и сильным человеком» и «принес немало пользы для своего времени», он сумел «прорубить окно в Европу», его реформы были попыткой ввести Россию в семью европейских народов [2].

Товарищ Сталин с предельной ясностью дал характеристику личности Петра и его эпохи.

«Петр Великий,— говорит товарищ Сталин,— сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев» [3].

Петр I своей прогрессивной внешней политикой выражал коренные интересы Русского государства.

Внешняя политика Петра I была направлена на охрану границ России от вторжения крымских татар, получавших постоянную помощь со стороны Турции, на предотвращение шведской интервенции, а также на сближение России с Западной Европой. Петр I прекрасно понимал, что укрепление национального государства не может быть достигнуто без успешной внешней политики, поэтому из 35 лет своего царствования он 25 лет воевал, борясь за выходы к морям, за возвращение исконных русских земель.

Но в то время, когда на полях сражений разыгрывались ожесточенные битвы с врагом, внутри России совершались важные преобразования. И активной внешней политикой, и кипучей реформаторской деятельностью Петр I преследовал одну цель — сделать Россию сильным государством. Свои чувства горячего патриота он выразил следующими словами: «за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею».

Классики марксизма-ленинизма учат, что войну нельзя рассматривать изолированно от уровня развития производительных сил страны, от политики господствующих классов. Замечательное определение сущности войны дал В. И. Ленин: „В применении к войнам, основное положение диалектики... состоит в том, что *«война есть просто продолжение политики другими»* (именно насильственными) *«средствами»*“ [4].

Для того чтобы изучить характер войны и причины, породившие ее, надо внимательно изучить политику, предшествовавшую войне, причем нельзя вырывать отдельные факты, так как это увело бы нас в сторону от познания действительных причин данной войны.

---

[1] *В. И. Ленин*, Сочинения, т. XIV, стр. 18.

[2] Листовки петербургских большевиков (1902—1917), т. I, стр. 88, ОГИЗ, Госполитиздат, 1939 г.

[3] *И. Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, 1937 г., стр. 6.

[4] *В. И. Ленин*, Сочинения, т. XVIII, стр. 248—249.

Ленинизм учит нас, что «надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из самой системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война» [1].

Такую задачу и ставил перед собой автор в настоящем исследовании, стараясь показать, каким образом из всей системы экономических и политических взаимоотношений европейских государств в конце XVII века неизбежно должна была возникнуть и возникла Северная война.

Народы, населяющие нашу страну, являются миролюбивыми. Однако всякий раз, когда иноземные захватчики нападали на нас, они встречали должный отпор. Наш народ всегда уважал и уважает суверенитет других наций. Русскому народу — старшему брату среди других народов нашей страны — не раз приходилось вести войны за свою национальную независимость против иноземных захватчиков. И всегда из этой борьбы он выходил победителем. Так было и в Северной войне, которая закончилась блестящей победой русского оружия.

---

[1] *В. И. Ленин*, Сочинения, т. XXX, стр. 334.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НАКАНУНЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Северная война — одна из ярких страниц военного прошлого русского народа. Она должна была решить вековой спор между Россией и Швецией за берега Балтийского моря, решить вопрос о том, останется ли Россия отсталой страной, оторванной от естественных выходов к морю, вследствие чего она могла превратиться в колонию более мощных государств, или она выйдет на широкую международную арену и займет достойное место среди европейских стран. Так был поставлен вопрос всем ходом истории. Северная война продолжалась 21 год и закончилась блестящей победой русского оружия. Результаты Северной войны имели огромное влияние на дальнейшее развитие не только России, но и мировой истории.

Северная война происходила в очень сложной международной и внутренней обстановке. Она совпала с войной за испанское наследство, и обе эти войны оказывали одна на другую значительное влияние. После войны сложилась новая международная обстановка, и Россия выдвинулась в ряды великих европейских держав.

Северная война дала очень много для развития военного искусства. В ходе войны создалась русская регулярная армия, которая по своим боевым качествам не уступала передовым западноевропейским армиям. Петр I и его сподвижники разработали новые стратегические и тактические принципы ведения войны, которые на полстолетие до Румянцева и Суворова стали уже основой для обучения и воспитания русской армии. Война дала богатый боевой опыт, который и сейчас представляет большой интерес, несмотря на столь отдаленную эпоху.

* * *

К концу XVII века Русское государство превратилось в огромную континентальную державу: его территория на севере простиралась

до берегов Ледовитого океана, а на востоке границы подошли к Китайской Срединной империи (к реке Амур).

Однако еще не были ликвидированы последствия шведской интервенции, и выход к берегам Балтийского моря, искони веков принадлежавший русским, оставался в руках шведов. Континентальное положение государства, отсутствие естественных выходов к берегам морей задерживали экономическое развитие страны.

Карл Маркс, давая оценку положения Русского государства этого периода, писал: «. . .ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья в устьях рек были от нее оторваны; Россия не могла оставлять устья Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов, так же как устьев Дона, Днепра и Буга и Керченского пролива в руках кочевников — татар» [1].

Вплоть до конца XVII в. русскому народу пришлось вести длительную и упорную борьбу за свою национальную независимость. Ей угрожали татарские полчища, немецкие «псы-рыцари», шведские и польские интервенты, они разоряли нашу страну и задерживали ее развитие.

К концу XVII в. в западноевропейских странах шел быстрый хозяйственный и культурный рост, а в это время в России были в полном расцвете средневековые феодальные отношения: страна, отрезанная от естественных выходов, связывающих ее с Европой, находилась в стороне от этого бурного западноевропейского экономического и политического развития. Русское государство было отсталой страной, с неграмотным населением и со средневековым аппаратом власти в форме приказной системы, сложившейся еще при Иване III. Отставала от Западной Европы и армия как по организации, так и по вооружению.

Общая военная отсталость Русского государства усложняла его борьбу с врагами, придавая ей затяжной характер.

В начале XVII в. Швеция, воспользовавшись польской интервенцией и политическими осложнениями внутри России, захватила исконные русские земли. Шведский король Густав-Адольф (1616 г.) писал: «Кексгольм, Нотебург, Орешек, Ям, Копорье, Ивангород составляют ключи Финляндии и Лифляндии и заграждают Балтийское море от России. Если ей возвратить Нотебург или Ивангород, или оба города вместе и если бы Россия подозревала свое собственное могущество, то близость моря, рек и озер, которых она до сих пор не умела еще оценить, дала бы ей возможность не только вторгнуться в Финляндию со всех сторон и во всякое время года, но даже, благодаря огромным ее средствам и неизмеримости ее пределов, покрыть Балтийское море своими кораблями, так что Швеция была бы в беспрестанной опасности» [2].

---

[1] *К. Маркс,* Тайная дипломатия XVIII века.

[2] *Ф. Веселаго,* Очерк русской морской истории, ч. I, стр. 43.

Рис. 2. *Фузилер драгунского полка (1700—1720 гг.)*

Рис. 3. *Рядовые армейской пехоты (1700—1720 гг.)*

Рис. 4. *Унтер-офицеры гвардейской пехоты (1700—1720 гг.)*

Рис. 5. *Шведский воин времен Карла XII*

Рис. 6. *Шведский воин времен Карла XII*

Рис. 7. *Драбанты Карла XII*

По Столбовскому миру 1617 г. русское правительство вынуждено было признать захват Швецией русского побережья, потому что в это время оно занималось ликвидацией последствий польской интервенции.

Шведам удалось окончательно отрезать Русское государство от побережья Балтийского моря, которое они и удерживали в своих руках вплоть до царствования Петра I.

Но не только Швеция старалась изолировать Россию от Западной Европы. Эту же линию на изоляцию Русского государства проводили и другие западноевропейские державы. В области торговли и экономических связей они принимали различные меры к тому, чтобы подчинить своему влиянию Россию и превратить ее в свою колонию.

Западноевропейские страны пытались связать Россию кабальными коммерческими договорами, выговаривая в них для своих купцов такие торговые льготы, которые наносили русской торговле и промышленности большой урон, поэтому русские торговые люди начинают выступать с требованием изгнать иностранных купцов с внутреннего рынка. Они предлагают не пускать иностранцев дальше Холмогор, как раньше, в XVI в., их не пускали за Нарву.

Стремление к возвращению побережья Балтийского моря вытекало непосредственно из всего хода экономического развития Русского государства в XVII в. Выход к морским просторам, через которые открывались широкие возможности для экономических, торговых и культурных связей с Западной Европой, был для Русского государства жизненно важен и необходим. Страна, лишенная естественных путей, связывающих ее с Европой, не могла быстро развивать свои производительные силы. Между тем в развитии производительных сил России в XVII в. происходят крупные сдвиги. Они особенно ускорились после присоединения Сибири и Украины. Теснее устанавливается связь между отдельными областями внутри страны, растет внутренняя торговля Русского государства, в то же время расширяются экономические связи с Западной Европой, и уже не единицы, а десятки иностранных «купецких» судов приходят к берегам Северной Двины. Через единственный порт, которым тогда располагало Русское государство, — Архангельск — вывозились в страны Западной Европы товары «Московии»: лес, меха, кожа, пенька, смола, зерно, воск, икра, корабельный лес и др.

Развитие обмена между отдельными областями и растущее товарное обращение ускоряли концентрацию небольших местных рынков в единый всероссийский рынок. Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих

национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных» [1].

Образование всероссийского рынка было значительным шагом вперед в экономическом развитии страны: увеличивались запашки в вотчинах и поместьях, укреплялось крепостническое хозяйство.

С развитием феодального хозяйства вырастала барская запашка, увеличивался вывоз хлеба за границу.

В барщинном хозяйстве в XVII в. наряду с развитием сельскохозяйственного производства усиленно развивается ремесло. Изделия кустарного производства попадают не только на рынки ближайших городов, но и во все уголки страны. В Москве в большом количестве появляются русские и иностранные ремесленники: золотых и серебряных дел мастера, часовщики, оружейники, седельники, портные, аптекари и пр.

Начинают создаваться мануфактуры. Одна из первых мануфактур была построена голландцем Виниусом в 1632 г. в Тульском уезде, где уже к этому времени существовало много крестьянских домниц, производивших железные изделия ручным способом.

Но мануфактуры строились не только иностранцами. В Тульском и Каширском уездах действовали русские предприниматели. Б. И. Морозов построил железоделательный завод подле села Павловского, а московский купец Гаврилов — в Олонецком районе. Там же возникают медеплавильные заводы. К этому же времени относится и начало освоения Урала.

Крепостные мануфактуры обслуживали военные нужды государства и частично потребности двора. На тульских, каширских, звенигородских и олонецких заводах изготовлялись пушки, оружейные стволы, а затем уже связочное железо для строительства каменных зданий. На рынок отпускались только лишь излишки, остававшиеся от казенных заказов.

Быстро росли и стекольные заводы; наиболее крупный из них, Измайловский, лично принадлежавший царю, работал на нужды двора. Растут кожевенные предприятия в Ярославле и Казани. Кожевенная продукция большими партиями вывозилась за границу. В большом количестве вырабатывались канаты, холст из льна. Эти предметы были крайне нужны для быстро растущего парусного флота западноевропейских государств, в особенности Англии и Голландии.

В XVII в. Русское государство вело уже обширную торговлю с Европой. Русская паюсная икра вывозилась из России в количестве до 20 тысяч пудов ежегодно. Богатые иностранцы одевались в русские меха; соболя, куницы вывозилось на 1,5 миллиона рублей по курсу начала XX в. Кожевенных изделий, производившихся в России, Европа покупала на 5 миллионов рублей ежегодно.

В свою очередь для потребностей верхушки русского феодального общества Россия ввозила вина, различные пряности, табак, дорогие ткани, картины и пр. Однако главными предметами ввоза были материалы, необходимые для нужд обороны страны: англий-

---

[1] *В. И. Ленин*, Сочинения, т. I, стр. 73.

ские сукна, различные металлические изделия, в особенности оружие и прочие военные материалы.

Однако из-за отсутствия удобных путей сообщения с Европой торговые обороты России росли крайне медленно. И все же в Архангельск прибыло иностранных судов: в 1600 г.— 21, в 1618 г.— 43, в 1656 г. — 80, в 1708 г. — 154. Кроме того, значительная часть торговли, несмотря на все препятствия, чинимые соседними государствами, шла через Прибалтику и Украину.

Перед Русским государством всем ходом исторического развития ставилась альтернатива: либо попрежнему продолжать быть отсталым государством, оторванным от естественных выходов к морю, и превратиться в колонию или полуколонию наиболее мощных соседних государств, либо попытаться преодолеть свою отсталость и подтянуться к уровню развития западноевропейских государств. Условия для решения этой задачи уже созрели, и она была выполнена Россией при Петре I.

В сложной для Русского государства международной обстановке пришел к власти Петр I. В наследство ему осталась незаконченная война с Турцией, которую правительство Софьи и В. Голицына начало в союзе с Польшей, Австрией и Венецией.

Европа к этому времени стояла на пороге крупных военных столкновений. Борьба западноевропейских государств с Турцией, которая на протяжении XVII века наводила ужас на всю Европу, достигла наивысшего предела. Турецкие войска неоднократно подходили к стенам Вены, и римский император Леопольд принимал ряд мер к тому, чтобы втянуть в священный союз для борьбы против турок другие государства. Но решить эту задачу Леопольду не удалось.

Продолжалась борьба Голландии с Францией. Конец этой борьбе положил Рисвикский мирный договор 1698 г. К началу XVIII в. назревала война за испанское наследство между Францией и Австрией. К Австрии присоединились Англия, Голландия и Пруссия. Эта война, по выражению Энгельса, «была стержнем» всей европейской политики и создавала крайне неустойчивые политические группировки в Европе.

Петр I умело использовал сложившуюся международную обстановку для достижения своей цели. Энгельс писал о Петре: «Этот действительно великий человек, — великий совсем не так, как Фридрих «Великий», послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше... так и по отношению к Германии» [1].

Учитывая внешнеполитическую обстановку, Петр I и его дипломаты начали проводить свою внешнюю политику.

В начале своего царствования Петр I остро ощущает общую неподготовленность страны, в особенности армии, к ведению активной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 12.

внешней политики, поэтому он избегает военных столкновений, хотя Австрия и Польша добивались продолжения участия России в войне с Турцией.

Петр I удачно использует международную обстановку для укрепления своего внутриполитического и внешнеполитического положения. Первые годы своего царствования Петр максимально использует для строительства вооруженных сил страны, так как в наследство ему досталась такая армия, с которой нельзя было успешно вести борьбу за выход к берегам Черного и Балтийского морей, несмотря на то, что количественный состав войск представлял внушительную силу.

В 1682 г. армия состояла из 9 разрядов или корпусов. В них было 38 солдатских полков, численностью в 61 тысячу человек, 21 стрелецкий полк — 20 тысяч человек, рейтар и копейщиков 29 тысяч, дворян и детей боярских 31 тысяча. Общее число пехоты доходило до 81 тысячи, кавалерии — 60 тысяч, всего 141 тысяча. Причем эта цифра значительно увеличивалась сбором даточных людей, отрядами донских, украинских и других казаков.

Вооруженные силы Русского государства до Петра I состояли из «временных войск», которые содержали себя за свой счет и призывались в военное время. Это было дворянское ополчение, не имевшее никакой законченной военной организации. По мере надобности оно сводилось в отдельные полки. На вооружении ополчения находилось главным образом холодное оружие: сабли, палаши, ножи, луки, самострелы (арбалеты), бердыши, копья и даже топоры. И только ратники крупных землевладельцев имели огнестрельное оружие.

Помимо дворянского ополчения, были «непременные» войска, состоявшие из стрельцов и полков иноземного строя. Они делились на пехоту и конницу. Стрелецкие войска, возникшие еще при Иване IV, не представляли крепкой вооруженной силы, так как организационная структура и принцип их комплектования к этому времени уже не отвечали новым задачам.

Наиболее прочную основу вооруженных сил Русского государства представляли полки иноземного строя (другая часть «непременных войск»). Их начали создавать еще в первой четверти XVII в., но до Петра I они не получили законченной, стройной военной организации и по своему количественному составу занимали небольшой удельный вес. Эти полки делились на солдатские, рейтарские и драгунские. Нельзя согласиться с мнением некоторых историков, считающих, что полки иноземного строя состояли главным образом из наемных иностранцев. Они комплектовались в основном из русских «даточных» людей, но часть офицерского состава, особенно старшего, состояла из иностранцев.

В русских войсках имелась уже и артиллерия, носившая название «наряда». Отдельные образцы ее не уступали западноевропейской артиллерии. Однако артиллерия Русского государства была мало подвижна и употреблялась главным образом для осады крепостей.

Основным недостатком вооруженных сил Русского государства до Петра I было: отсутствие единства военной организации, отсут-

ствие единой системы комплектования, обучения, воспитания и снабжения, значительная техническая и культурная отсталость, малочисленность национальных офицерских кадров. Это крайне неблагоприятно отражалось на вооруженных силах страны и требовало их преобразования.

Военные преобразования Петра, как и другие его реформы, возникли не случайно. Они были подготовлены всем предшествующим развитием Русского государства. Развившаяся в стране промышленность позволила увеличить производство вооружения. В свою очередь возрастающее насыщение войск огнестрельным оружием, повышение роли пехоты, а также необходимость укрепления вооруженных сил страны требовали создания массовой регулярной, систематически обучаемой армии.

Основные черты регулярной армии, созданной Петром, состояли в том, что она имела прежде всего твердый принцип комплектования и содержалась за государственный счет. Это отличало ее от русской армии второй половины XVII в. Вместо поместной системы и временного набора «даточных» из крестьян были установлены ежегодные рекрутские наборы для всех сословий, исключая лиц духовного звания. Служба в армии стала пожизненной. Войска получили постоянную административную и тактическую организацию, строевые, тактические и дисциплинарные нормы. Была установлена единая система воспитания, регламентированная уставом. Одним из главных отличий регулярной армии от предшествующих форм военной организации было систематическое строевое и тактическое обучение. Все внимание Петра I направлялось на создание таких вооруженных сил, которые смогли бы укрепить внутриполитическое и внешнеполитическое положение Русского государства.

Еще юношей Петр I с исключительной энергией и настойчивостью взялся за изучение военно-морского дела. Он окружил себя сверстниками, так называемыми «потешными», которые набирались из конюхов, иноземцев и из дворян.

Корб, секретарь австрийского посольства, писал, что молодой царь предпочитал дворцовым забавам «тяжелые забавы любителей славы: военное искусство, потешные огни, пушечную пальбу, кораблестроение». От образованных иностранцев, в особенности от голландца Тимермана, шотландца Гордона, Петр получил первые знания о военно-морской науке. Из частых бесед с ними он уяснил всю важность перестройки русской армии. Правда, необходимость такой перестройки сознавалась передовыми русскими людьми и до Петра, но до него дело коренной перестройки армии с места не двигалось.

Петр понимал, что выдвинуть свое государство в ряды первостепенных европейских государств возможно только при помощи мощной вооруженной силы. Проникнутый этим сознанием, Петр I с присущей ему кипучей энергией берется за создание таких сил. В 1691 г. из «потешных» отрядов были сформированы Преображенский и Семеновский полки. Они составили основу новой регулярной армии. Дополнительно были укомплектованы два выборных московских полка, командиром одного из них (Бутырского) был

Гордон, командиром второго (1-го выборного) Лефорт; вскоре этот полк был назван полком Лефорта.

Командование всеми вооруженными силами сосредоточивается в Преображенском приказе — «Избе»; хотя формально оставались и другие военные приказы, но они уже не играли никакой роли.

Военные занятия Петра и обучение войск принимают некоторую систему. Гордон и Лефорт ведут специальные беседы с Петром. В этих беседах они касаются вопросов истории военного искусства, устройства, комплектования, содержания, обучения и вооружения войск в Западной Европе. Затрагиваются вопросы стратегии и тактики. Гордон знакомит Петра с различными способами ведения войны, с деятельностью полководцев Монтекукули и Тюренння, с их взглядами на организацию армии.

Теоретические занятия дополнялись практическим обучением войск строю: их обучали приемам с мушкетами и копьями, стрельбе залпами мелкими группами, поротно и полками. Большое внимание обращалось на одиночную подготовку, в особенности на стрельбу в цель и на действия гренадеров, которые впервые были введены в количестве одной роты в полку Гордона. После сколачивания отдельных полков переходили к обучению совместным действиям всех полков; затем проводились совместные занятия пехоты, конницы, артиллерии; применялось и устройство инженерных сооружений.

Обычно завершались такие занятия маневрами. Они проводились ежегодно. Большие маневры были проведены в 1691, 1692 и 1694 годах. Маневры в 1691 г. ставили главной задачей: научить совместным действиям пехоту и конницу. Маневры проводились двухсторонние: на одной стороне действовали четыре выборных полка, чтобы показать преимущество полков нового строя перед войсками старого устройства, а на другой стороне ставили стрелецкие полки и дворянское ополчение. В ходе маневров победа доставалась войскам нового строя.

Наряду с устройством сухопутной армии Петр особое внимание обращает на создание флота. Еще в 1688 г. на реку Яузу был спущен английский старый бот, названный Петром «дедушкой русского флота». Но так как здесь было тесно для «водяной потехи», то вскоре он был перевезен в село Измайловское. «Но и там, — говорил Петр, — немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более». В 1689 г. пришлось «потехи» перенести на Переяславское озеро.

Вскоре было спущено на воду несколько судов, в строительстве которых Петр принимал непосредственное участие. На них проводились морские учения первых русских моряков. На маневрах 1692 г. обучали пехоту действиям на судах. Однако и Переяславское озеро оказалось тесным, и Петр решил создать флот на Белом море. С этой целью он посетил в 1693 и 1694 гг. Архангельск. Это был единственный порт, которым располагало тогда Русское государство. Однако продолжительное время года он сковывался льдом. В Архангельске Петр увидел морские купеческие иностранные корабли, здесь он познакомился с торговой жизнью приморского

города и увидел, какую огромную пользу извлекают иностранцы из торговли с Русским государством, не имеющим ни удобных морских выходов, ни своего флота. Петр немедленно приказал архангельскому воеводе стольнику Ф. М. Апраксину построить подле города, на Соломбальском острове, судостроительную верфь. На ней заложили первый 44-пушечный корабль, а другое 44-пушечное судно заказали в Голландии.

Возвратившись из Архангельска осенью 1694 г., Петр I проводит грандиозные для того времени маневры. Местом маневров служили обширные равнины под Москвой, по обоим берегам реки Москвы, в окрестностях деревни Кожухово и села Коломенское. В излучине реки против деревни Кожухово выстроили пятиугольный ретраншемент, который был укреплен валом в 5 аршин высоты и рвом в 4 аршина глубины. Кожуховские маневры были для Петра I завершением первых шагов по созданию армии и репетицией к Азовским походам.

Между тем внешнеполитическое положение Русского государства все больше и больше ухудшалось. Проводить и дальше прежнюю политику стало невозможно. Чтобы не быть изолированным в области внешней политики от других государств, нужно было активно включиться в водоворот западноевропейских отношений. Кроме того, некоторые из европейских государств непрочь были пойти на сделку с вероятными противниками Русского государства. Так неоднократно пыталась сделать Польша.

До первого Азовского похода, в период мирной обстановки Петр I, используя опыт западноевропейских армий, усиленно создает русскую регулярную армию. Перестраивая армию, он устанавливает более тесные связи с Западом. Но они пока проходили по старой дороге — через Архангельск. Однако международные отношения складываются так, что они отвлекают внимание Петра к южным границам Русского государства.

На южные границы Русского государства производили непрерывные набеги турки и крымские татары. Они разоряли города Украины, уводили в плен население. Турция стремилась заключить союз с Польшей, чтобы после победы над Россией поделить между собой Украину. Создавшаяся обстановка диктовала необходимость укрепить позиции России на Украине, приобрести выход к берегам Азовского и Черного морей. А это неизбежно вело к столкновению России с Турцией.

Маркс и Энгельс подчеркивали, что это была традиционная политика России, продиктованная «ее историческим прошлым, ее географическими условиями и необходимостью иметь открытые гавани в Архипелаге и Балтийском море» [1].

Итак, борьба против татар и турок преследовала цель укрепления южных границ Русского государства, а также способствовала уничтожению сепаратистских тенденций отдельных групп казачества на Украине. А укрепление позиций Москвы на Украине и выход

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Сочинения, т. IX, стр. 439.

к берегам Азовского и Черного морей были показателями дальнейшего роста многонационального государства.

Нельзя точно определить, когда у Петра I сложилось решение об организации похода против турок. Однако одно ясно, что после кожуховских маневров, с одной стороны, и осложнения внешнеполитического положения Русского государства, с другой, поход против турок стал неизбежным.

Всю осень 1694 и зиму 1695 г. велась тщательная подготовка к походу. К весне уже все было готово. Характерно отметить, что Петр I в войне с Турцией отказался от старого стратегического направления — через Крымский перешеек. Он избрал новое направление — через Азовское море. Это застигло турок врасплох.

В конце июня 1695 г. русские войска осадили Азов. После ряда неудачных штурмов, происходивших на протяжении весны и лета, русские с наступлением осени вынуждены были снять осаду Азова. Кампания 1695 г. показала ряд крупных недостатков русской армии: не было общего начальника над всеми отрядами, в плане операций не предусматривалась необходимость флота для полной блокады Азова, была еще слаба тактическая и инженерная подготовка войск для штурма крепостей, инженерные работы велись беспорядочно вследствие отсутствия знающих людей.

После неудачи первого похода Петр I не пал духом. Он с необыкновенной энергией взялся за подготовку ко второму походу. Главное, на что теперь обращает внимание Петр I, это на постройку флотилии. Она должна была запереть Азов с моря и этим лишить врага возможности получить подкрепления. К весне флотилия была построена. На протяжении всей зимы велась и тактическая подготовка войск; они тренировались главным образом в штурме крепостей. Командование всеми войсками было поручено боярину Шеину — первому русскому генералиссимусу. 19 мая[1] 1696 г. армия Шеина прибыла к Азову. Русская флотилия блокировала Азов. Начался ожесточенный штурм Азова. 19 июля мощная турецкая крепость капитулировала.

Во втором Азовском походе отчасти были устранены недостатки первого: хорошо разработан план операции; установлено единое руководство армией; применено комбинированное действие пехоты и флота, что обеспечило полную блокаду крепости; однако артиллерийское и инженерное дело попрежнему находилось еще на низком уровне.

Но взятие Азова было только началом обширных планов Петра I: овладением Азовским побережьем создавался только трамплин для дальнейшего продвижения к Черному морю.

Победа под Азовом подняла авторитет Русского государства в Западной Европе.

Взятие Азова еще не решало задачи выхода в Черное море. Для этой цели нужно было овладеть другой турецкой крепостью — Керчью, которая закрывала русскому флоту проход в Черное море. Но этого можно было достичь только дальнейшей борьбой с Тур-

[1] Все даты даны по старому стилю.

цией, для чего требовался сильный флот. После Азовских походов Петр I сразу же берется за создание такого флота.

По приказу Петра I для строительства флота были организованы «кумпанства» из светских и духовных феодалов; светские феодалы — бояре и дворяне должны были построить по одному оснащенному и вооруженному кораблю с каждых 10 тысяч крестьян, духовные феодалы — с 8 тысяч. Всего было организовано 18 светских и 17 духовных «кумпанств». Кроме светских и духовных феодалов, привлекались к строительству флота и посадские люди. Они должны были построить 12 судов.

Петр I выписал из Голландии, Англии, Венеции и Дании ряд опытных мастеров, которые были наняты на службу «кумпанствами» и должны были строить корабли и обучать корабельному искусству русских.

Однако, внимательно изучив создавшееся положение, Петр убедился, что ни Азовское море, ни Черное не открывали прямого пути в Европу. Война с Турцией была лишь прелюдией к войне против Швеции.

Чтобы подготовиться к войне со Швецией, Петр проводит ряд крупных мероприятий по развитию промышленности и торговли, по переустройству армии и государственных учреждений.

Для него стало ясно, что без коренной перестройки вооруженных сил нельзя укрепить внешнее и внутреннее положение Русского государства. Еще до путешествия за границу у Петра сложился в основном план реформы армии, к выполнению которого он и приступил. Поездка за границу и изучение там вопросов организации армии, а также наем иноземных офицеров и военных специалистов представляли собой часть задуманного плана реформы. Будучи за границей, Петр, кроме того, смог проверить свои взгляды в отношении перестройки армии и флота, учесть иностранный опыт. В Россию он возвратился с твердым решением немедленно покончить со многими отжившими принципами комплектования армии, ее устройства и обучения.

1699 год надо считать переломным годом в истории образования русской регулярной армии. В этом году Петр I распустил стрелецкое войско и издал указ об учреждении постоянной регулярной армии численностью в 60 тысяч человек. Затем ее состав был значительно увеличен.

Армию начали формировать из даточных людей, которые поставлялись с определенного количества дворов. Для проведения наборов, комплектования и обучения набранных людей в с. Преображенском была учреждена комиссия. Во главе ее стояли Ф. Головин и Вейде. Рекруты принимались под непосредственным наблюдением Петра. Из принятых было укомплектовано 27 пехотных полков и 2 драгунских. Пехотный полк состоял из 2 батальонов, по 5 рот в каждом, причем в некоторых полках одна рота была гренадерской, остальные фузилерные. Состав полка — 1200 нижних чинов, 35 обер-офицеров и 3 штаб-офицера. Драгунские полки формировались в Москве. В состав драгунского полка входило около 1 000 человек. Каждый полк делился на 10 рот. Полки нового

строя были сведены в высшие тактические соединения — дивизии, генеральства. Во главе дивизий стояли Автоном Головин, Аникита Репнин и Адам Вейде.

Вейде, сын иностранца, поступивший в «потешные» отряды Петра и вместе с ним самостоятельно по литературе изучивший военное дело, стал одним из ближайших помощников Петра в создании регулярной армии.

На Головина Петр возложил подготовку строевых офицеров из русских дворян для пехоты. Обучение офицеров и солдат проводилось уже не по ратному обычаю, как в XVII столетии, а по «артикулу», т. е. по единому строевому уставу. Таким уставом было составленное А. М. Головиным «Строевое положение 1699 года», затем в ближайшие годы оно было дополнено «Учением для гренодеров», которое под названием «Краткое обыкновенное учение и т. д.» служило без особых изменений официальным строевым уставом армии до 1716 г.

В 1699—1700 гг. А. Головиным и А. Вейде, по поручению Петра, были составлены еще два уставных документа: «Ротные пехотные чины» и «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать, в строю и в учении как обходиться». Эти документы были отредактированы Петром и являлись официальными уставными положениями для обучения войск до введения Воинского Устава 1716 года. Они вместе с дополнительными инструкциями, разновременно отданными Петром и проверенными опытом войны, явились основой при составлении Воинского Устава 1716 года. В уставных положениях были учтены и опыт военного искусства Западной Европы, и особенности русской действительности. Уставы четко определили должности всех чинов и званий в армии, дали правила — «артикулы» для строевого и тактического обучения войск. Уставы Головина и Вейде были крупным шагом вперед в истории развития русского военного искусства. По ним обучалась русская армия тактике и строю.

На вооружении русская пехота имела «фузеи» (ружья с багинетом) и шпагу. Дальность стрельбы из «фузеи» не превышала 300 шагов, и меткость ее была тоже крайне незначительна. Часть пехоты вооружалась пиками. Драгуны вооружались «фузеей» 12-фунтового веса без штыка, а для боя в конном строю — палашом и двумя пистолетами.

Петр I ввел новую, более удобную форму обмундирования и снаряжения; пехота имела зеленые кафтаны, а драгуны — синие мундиры.

Вновь сформированные полки обучались ежедневно, кроме праздничных дней. Основным строем пехоты был развернутый строй в 6 шеренг, а с 1704 г. — в 4 шеренги. Производились перестроения, вздваивание рядов и шеренг. Ружейные приемы были очень просты: заряжание для стрельбы, приемы для отдания чести, для ношения «фузеи» на походе и «положи мушкет».

Конница первоначально не имела особого устава, она обучалась по пехотному уставу. Основным строем драгун был развернутый строй в 3 шеренги. Отдельные всадники в шеренге размещались на интервалах, равных 3 шагам. Повороты всадников производи-

лись каждым отдельно. Заезд производился всей шеренгой — фронтом. Построения в петровской армии были очень просты. Это давало возможность в кратчайший срок подготовить войска к боевым действиям.

К июлю 1700 г. вновь созданные полки были обучены ружейным приемам и перестроениям и с внешней стороны производили хорошее впечатление. Главным препятствием, тормозившим обучение войск, являлось отсутствие командных кадров. Многие из принятых на русскую службу иностранцев имели весьма слабую подготовку, а некоторые из них недобросовестно относились к делу. Вследствие этого Головин предпочитал готовить офицеров из русских дворян, чем пользоваться услугами иностранцев.

Вскоре развернувшиеся события показали, что нужно еще много сделать, чтобы создать такую армию, которая по своим боевым качествам не будет уступать передовым европейским армиям. В исключительно трудных условиях, во время войны, на полях битвы, при штурмах крепостей пришлось накапливать боевой опыт молодой русской армии. Но эта тяжелая обстановка плодотворно влияла на нее в дальнейшем. Все изменения, которые она переживала и в организации, и в боевом устройстве, являлись не продуктом хитрых измышлений в мирной обстановке, а результатом боевого опыта и влияния той социально-экономической и международной обстановки, в которой проходила Северная война.

Глава вторая

НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ. НАРВА (1700 г.)

Война со Швецией вызывалась всем ходом исторического развития России. «Мысль о Северной войне, — писал историк Соловьев, — была мыслью веков». Она была унаследована Петром и, как только сложилась благоприятная обстановка, он начал претворять ее в жизнь. Русское государство было совершенно отрезано от моря. При таких обстоятельствах «Россия не могла расти и развиваться, не открыв себе путей для торговли и доступа к цивилизации. Путь для торговли — это значило Балтийское море»[1]. Но Балтийское море находилось в руках Швеции, которая превратила его в свое внутреннее море.

Накануне Северной войны Швеция была одной из самых сильных европейских держав. Ее территории, включавшие все побережье Балтийского моря, Эстляндию, Лифляндию, Померанию, опоясывали Балтийское море. Она играла значительную роль в международных отношениях европейских государств.

Швеция располагала первоклассной по тому времени армией и флотом, во главе которых стоял один из крупнейших полководцев — Карл XII. Швеция к началу войны могла выставить большую сухопутную армию и сильный военно-морской флот: 42 линейных корабля и 12 фрегатов при личном составе в 13 тысяч моряков. Кроме того, Швеция имела 900 купеческих судов, которые можно было быстро приспособить для военных целей, так как в те времена «купцы» и в мирное время имели пушки на судах. Швеция имела большие запасы боеприпасов, снаряжения и продовольствия для нужд войны. Естественно, что борьба с таким противником требовала серьезной подготовки, энергии и большого дипломатического и военного искусства со стороны Петра I.

---

[1] *Альберт Сорель*, Европа и французская революция, т. I, стр. 399.

Рис. 8. *Карл XII*

Рис. 9. *Б. П. Шереметев*

Владычество Швеции в Прибалтике продолжалось почти столетие. Но соседние государства не могли окончательно отказаться от потерянных ими раньше территорий: Польша от Лифляндии, Дания от Сконии (южная часть Скандинавского полуострова), Россия от своих древнейших владений в Ингрии и Карелии. Положение Швеции в завоеванных областях, в особенности в Лифляндии, являлось недостаточно прочным. Лифляндское дворянство было крайне недовольно политикой Швеции, направленной к ущемлению его прав.

В напряженной политической обстановке складывался против Швеции союз трех государств — России, Польши и Дании.

Первый шаг к образованию этого союза был сделан Петром на свидании с польским королем Августом II, который одновременно был и курфюрстом Саксонии. Свидание состоялось 3 августа 1698 г. Оба монарха «друг другу обязались крепкими словами о дружбе без письменного обязательства и разъехались»[1]. В сентябре 1699 г. от Августа прибыли в Москву саксонский генерал Карлович и лифляндский дворянин Паткуль для дальнейших переговоров о заключении союза против Швеции. Переговоры велись в строжайшей тайне: Петр не хотел нарушать мира со Швецией до тех пор, пока не был заключен мир с Турцией.

В результате переговоров 11 ноября 1699 г. в селе Преображенском Россия и Польша заключили тайный договор о наступательном союзе против шведов.

В договоре было условлено, что в войне должна принять участие Дания. С ней еще 24 августа 1699 г. Петр заключил аналогичный договор, который в свою очередь также предусматривал союз с Польшей.

В договоре Петра I с Августом II говорилось: «. . .с обеих сторон, как наше Царское величество, так и его королевское величество, уже в крепком союзе и содружестве с его королевским величеством Датцким стоим».

В обоих договорах было оговорено особой статьей, что Петр вступает в войну со Швецией тогда, «когда с Турки получим мир или на довольные лета перемирье, которое ради общей пользы получати с уступкою к Турской стране намерены есми»[2].

Август II обязался принять все меры к тому, чтобы склонить Речь Посполитую к разрыву со Швецией и начать войну вводом своих войск в Ливонию еще до заключения мира России с Турцией.

Петр со своей стороны обязался немедленно после заключения мира с Турцией двинуть свои войска в Ингрию и Карелию, а до того времени, если это будет нужно, послать на помощь Августу под видом наемных свои вспомогательные войска. Но если Турция не согласится на заключение мира, а Август будет не в состоянии один вести войну, то Петр I обязался быть посредником в примирении Августа со шведами. Так сложился тройственный союз.

Военные операции союзники начали неодновременно.

---

[1] Журнал или поденная записка Петра I, ч. I, стр. 2.

[2] Письма и бумаги Петра Великого, т. I, СПБ., 1887, стр. 309.

В начале 1700 г. Август II внезапно двинул свои войска в Ливонию, но действовал очень медленно. Осада Риги приняла затяжной характер.

Король Дании в первый период войны действовал несколько успешнее: он ввел свои войска во владение герцога Шлезвиг-Голштинского и заставил его бежать под защиту шведского короля.

Петр же не мог двинуть свои войска, так как еще не был заключен мир с Турцией. Таким образом, внезапного удара против шведов не получилось. Это позволило шведам бить союзников поодиночке.

Тем временем Петр с нетерпением ожидал вестей от русского посла Украинцева, отправленного еще в апреле 1699 г. из Азова в Турцию на военном корабле «Крепость» для ведения мирных переговоров с Турцией. Появление военного корабля у Константинополя произвело на турок впечатление разорвавшейся бомбы. Однако мирные переговоры с Турцией затянулись, и Украинцеву удалось склонить турок к миру только 3 июля 1700 г. По перемирию, подписанному на 30 лет, турки отдали русским Азов с его окрестностями, территория между Азовом и Крымом была объявлена нейтральной, и русские прекратили уплату татарам дани. Так исчезли последние остатки монгольского ига.

Заключение перемирия с Турцией было большой победой русской дипломатии.

Петр обеспечил себе тыл накануне войны со Швецией.

Сообщение от Украинцева о заключении перемирия с Турцией отпраздновали «преизрядным фейерверком», а 19 августа царским указом объявили войну Швеции. В этот же день Петр сообщил польскому королю: «...сего дня к новгородскому воеводе указ послали, дабы, как наискорее, объявя войну, вступить в неприятельскую землю и удобные места занять, такожде и прочим войскам немедленно идтить повелим, где при оных в конце сего месяца и мы там обретатися будем».

Еще до начала военных действий Петра занимала мысль о взятии Нарвы и Шлиссельбурга. 2 марта 1700 г. из Воронежа Петр писал Головину о необходимости организации разведки. С этой целью в Прибалтику был послан стольник Корчмин, выученный за границей инженерному искусству. Петр приказал Головину: «Накажи ему, чтоб присмотрел города и места кругом; также, есьли возможно ему дело сыскать, чтобы побывал и в Орешек, а буде в него нельзя, хоть возле его. А место зело нужно: проток из Ладожского озера в море (посмотри на картах), и зело нужно ради задержания выручки; а детина, кажется, не глуп и секрет может снесть. Зело нужно, чтоб Книпер (шведский посол в России) того не видел, потому что он знать, что он (Корчмин) учен».

К началу войны Петру удалось сделать лишь только первые шаги в создании регулярной армии. Армия, двинутая под Нарву, не могла еще вести серьезных операций. Она состояла из 25 пехотных полков, двух кавалерийских и имела в своем распоряжении почти всю русскую артиллерию. Кроме того, выступило дворянское ополчение под командованием Шереметева. Вся армия состояла из 33 полков — около 40 тысяч человек.

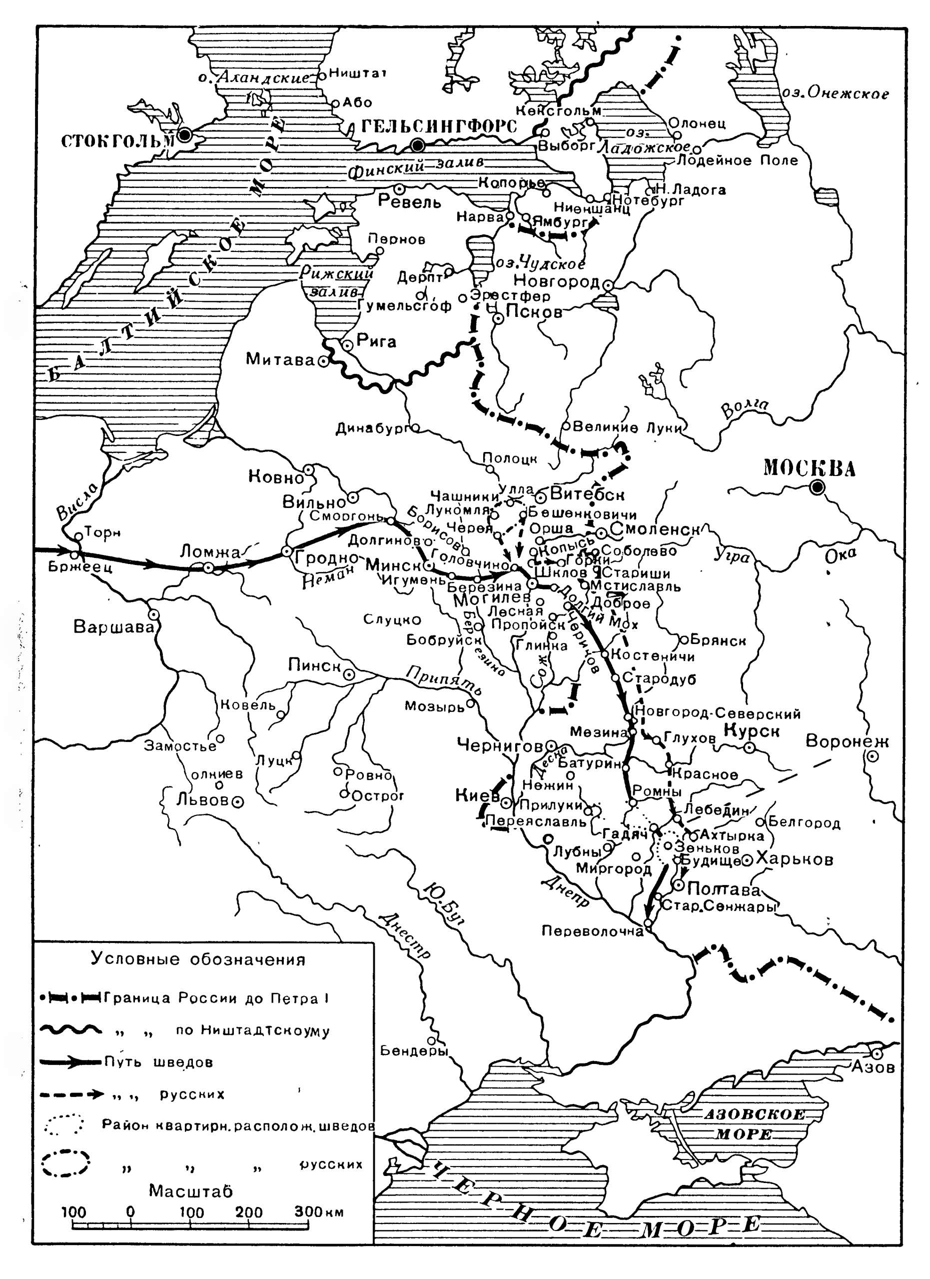

Схема 1. *Карта театра Северной войны*

К 25 октября русская армия сосредоточилась под Нарвой и обложила ее.

Пока русская армия подходила к Нарве, Карл XII уже успел вывести из строя одного союзника, датского короля. Совершенно неожиданно для Дании 15-тысячное шведское войско под предводительством короля появилось перед Копенгагеном.

Датский король Фридрих VI, не имевший сил для защиты Копенгагена, так как значительная часть его армии была брошена в Голштинию, решил пойти на мир. Договор был подписан в Травендале как раз в тот день, когда Петр получил сообщение о заключении перемирия с Турцией. По Травендальскому договору Дания обязалась выйти из коалиции и признала самостоятельность Голштинии; кроме того, она обязалась уплатить военные издержки в сумме 200 тысяч талеров.

В то время когда Карл XII воевал с Данией, Август II крайне вяло вел осаду Риги, мотивируя это тем, что русские не оказывают ему помощи.

С появлением русской армии под стенами Нарвы Август II осаду Риги мог вести энергичнее, так как его положение становилось более прочным. Однако Август именно в это время снял осаду Риги и тем самым дал возможность Карлу XII явиться со своей армией на помощь нарвскому гарнизону. Это обстоятельство имело решающее значение для исхода сражения.

Снимая осаду, Август II отводил удар шведских войск от себя и направлял его против русской армии, осаждавшей Нарву. Пока шведская армия сосредоточивалась у Везенберга, русская армия уже к половине октября обложила Нарву. 9 сентября первым прибыл к крепости отряд князя Ивана Трубецкого; 23 — отряд Бутурлина, при нем находился Петр I. Из Пскова и Новгорода была доставлена артиллерия — 66 орудий. И только 14 октября подошли отряд Головина и наскоро набранная нестройная поместная конница (5 тысяч) под командованием Шереметева. Войска Репнина в количестве 10 тысяч человек, формировавшиеся на юге, еще находились в пути следования к Нарве. Сосредоточение армии заняло более месяца. Это было обычным явлением в те времена.

Крепость Нарва, расположенная на левом берегу реки Наровы, в 15 км от ее устья, была сильно укреплена, причем предмостным укреплением на правом берегу реки явился замок Ивангород, построенный русскими при Иване III. Ивангородская крепость связывалась с Нарвой постоянным мостом. Чтобы взять Нарву, следовало разрушить мост и овладеть ивангородскими укреплениями, в противном случае гарнизон Нарвы мог уйти в Ивангород, поэтому пришлось одновременно осаждать и крепость Нарву, и Ивангород.

Петр I, прибыв к Нарве вместе с иностранными специалистами и генералами — герцогом де-Кроа и бароном Аллартом, присланными Августом II, в тот же день произвел рекогносцировку крепости и ее окрестностей.

Инженерными работами должен был руководить генерал-инженер Алларт, считавшийся крупным специалистом. На деле он не оправдал возлагаемых на него надежд. Вместо того чтобы лично

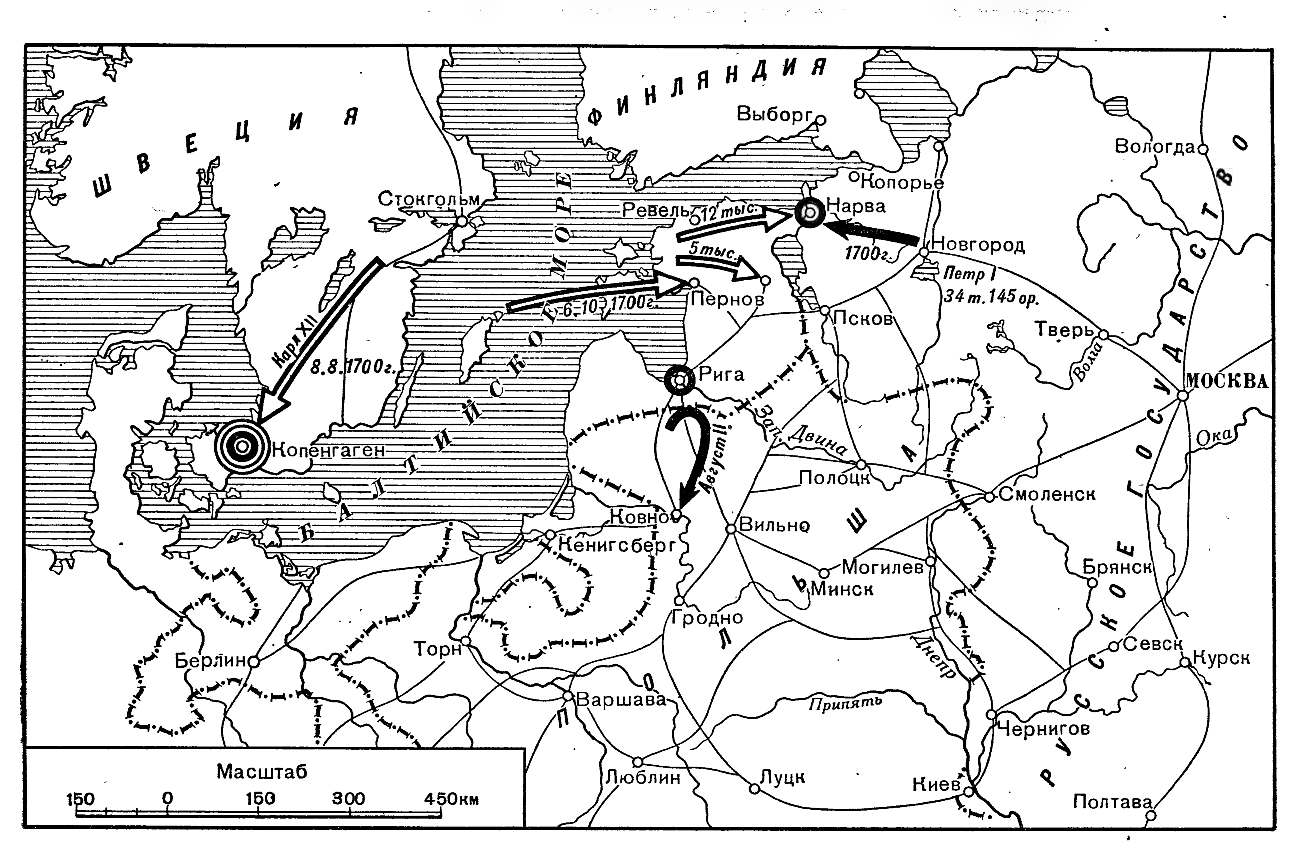

Схема 2. *Начало Северной войны*

самому заняться тщательной рекогносцировкой, он передоверил эту работу второстепенным лицам, а сам занялся критикой деятельности русских генералов. Увидя, что царь в опасной обстановке тщательно, с бумагой и карандашом в руках, производит рекогносцировку подступов к крепости, Алларт выразил удивление, сказав, что такие работы можно поручить другим. На это Петр ему заметил, что и апостол Павел говорит: «трудящийся да ясть». «А кто трусит — ступай в обоз», и продолжал работать.

После рекогносцировки был составлен план осады Нарвы. Он заключался в том, чтобы одновременно с обеих сторон реки Наровы захватить подступы к крепости. Кроме того, ожидая прибытия новых шведских войск, посланных на выручку гарнизону Нарвы, решили на левом берегу Наровы соорудить двойные линии непрерывного вала, упирающегося флангами в реку (*BB* — *CC*). Расстояние между этими линиями было неодинаково: на крайнем правом фланге оно достигало 600 сажен, на левом не более 41—50 сажен; в центре, где находилась главная позиция (*D*), расстояние между линиями равнялось 120 саженям. Узость полосы между линиями укреплений, особенно на левом фланге, и бараки, отстроенные по всей линии *CC*, стесняли маневренность войск.

Русская армия была расположена в следующем порядке: на правом фланге находилась группа генерала Головина в составе 14 тысяч человек; в центре на горе Германсберг — группа князя Трубецкого в составе 6 тысяч; на левом фланге располагалась дивизия Вейде, численностью 8 тысяч человек; левее ее между укрепленными линиями левого фланга, упираясь в берег Наровы, стояла иррегулярная конница графа Шереметева в составе 5 тысяч человек[1].

Осадный артиллерийский парк в количестве 145 орудий частью был рассредоточен по линии *CC* (22 пушки и 17 мортир), а вся остальная артиллерия действовала с позиций, устроенных против Ивангорода. Надо заметить, что, несмотря на большое количество артиллерийских орудий, оборона у русских с поля все же была крайне слаба. Кроме того, чувствовался большой недостаток снарядов.

Главная квартира русской армии находилась на правом фланге, на острове Кампергольм.

Бомбардировка Нарвы была начата 20 октября и продолжалась с небольшими перерывами почти до подхода шведов. Однако успеха русские не имели. Между тем отряд графа Шереметева, высланный еще 26 сентября по ревельской дороге, 3 октября достиг Везенберга. А к 25 октября, пройдя 180 верст, к Везенбергу приблизился шведский отряд Веллинга, выступивший из Рюйеля 12 октября.

Шереметев, не найдя здесь удобной оборонительной позиции, опасался, что шведы могут обойти левый фланг и отрезать его от главных сил. Вследствие этого он без боя отступил к деревне Пуртц (36 верст от Везенберга), даже не разведав шведских войск. Веллинг удачно использовал эту оплошность Шереметева, выдвинул свой авангард к деревне Пуртц и внезапно напал 26 октября

---

[1] Расположение дано по журналу Петра Великого.

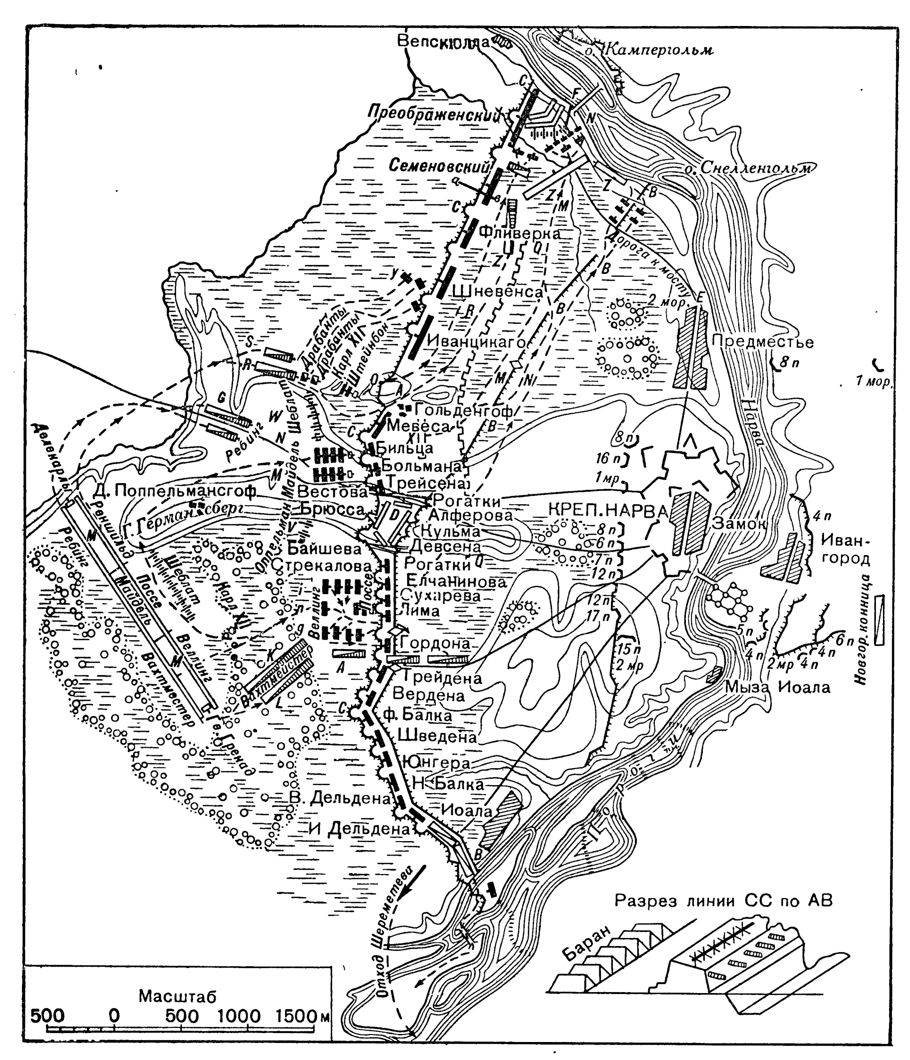

Схема 3. *План осады и штурма крепости Нарва (ноябрь 1700 г.)*

у деревни Варгле на русское прикрытие, солдаты которого беспечно стояли по домам без всяких мер предосторожности. В момент нападения шведов они вынуждены были защищаться поодиночке.

Положение русских осложнялось еще и тем, что шведы зажгли селение. Однако некоторые смельчаки пробрались сквозь шведское окружение и дали знать о нападении шведов Шереметеву, стоявшему в тылу между Повинда и Иове. Шереметев срочно выслал 21 эскадрон кавалерии, которая прибыла в самый критический момент боя. Шведы были атакованы. Часть русских эскадронов зашла им в тыл, и шведы вынуждены были пробиваться из окружения. Однако Шереметев, вместо того чтобы здесь укрепиться после одержанного успеха, решил отступить к деревне Пюхаиоги.

Петр был крайне недоволен этими действиями Шереметева, так как, по его мнению, у Пуртца нужно было организовать линию прикрытия и заставить противника развернуться. Он потребовал объяснений у Шереметева и категорически приказал держаться у Пюхаиоги.

Шереметев в оправдание своих действий писал, что местность около Пуртца невыгодна, «там не стоял для того: болота и топи несказанные и леса превеликие. И из лесу, подкрадчи один человек и зажег бы деревню и учинил бы великие беды, а паче того был опасен, чтобы обошли нас около к Ругодиву (Нарвы)» [1].

16 ноября шведские войска внезапно напали на конницу Шереметева у Пюхаиоги, находившуюся от Нарвы в 32 верстах. Она начала в беспорядке отступать к Нарве; ее отступление продолжалось всю ночь, а 17 ноября Петру уже стало известно, что шведы наступают на Нарву. Однако Петр еще не знал, что наступает Карл XII, так как необходимой разведки не велось.

В это время Петр готовился к отъезду в Новгород, чтобы подготовить резервы и начать переговоры с Августом II.

Накануне отъезда, очевидно, до получения сведений о падении позиции у Пюхаиоги, Петр I оставил в должности главнокомандующего герцога де-Кроа. Дав ему инструкции о том, как действовать, в ночь с 18 на 19 ноября он выехал в Новгород.

Между тем 18 ноября Карл XII со своими главными силами прибыл в Лагены, расположенные в 10 верстах от Нарвы. Чтобы известить гарнизон осажденной крепости о прибытии помощи, он приказал дать два орудийных залпа.

Имея разведывательные данные от лифляндского крестьянина и от своих шпионов, Карл XII сумел незаметно для русских приблизиться к окрестностям Нарвы.

В ночь на 19 ноября пал на землю густой туман; под покровом его выступила шведская армия, соблюдая строжайшую тишину. К утру туман сделался сильнее; падал крупный снег; темнота была столь велика, что невозможно было в 50 шагах различить предметы. Карл XII говорил окружающим его: «темнота эта нам полезна: неприятелю трудно будет узнать число наших». Около 10 часов утра день прояснился, и русские увидели ряды шведов. «При звуках труб и литавр, двумя пушечными выстрелами шведы предложили сражение» [2].

На этот вызов из русского лагеря ответа не последовало. У фельдмаршала собрался совет. На заседании совета Шереметев, сознавая невыгодность и растянутость русского лагеря, внес предложение оставить для наблюдения осажденного гарнизона крепости небольшую часть войска, а остальную армию собрать в единый кулак и выступить в поле для встречи шведов. Однако это единственно правильное при данной обстановке предложение не было поддержано; упорствовал против него главным образом герцог

---

[1] Письма и бумаги Петра Великого, т. I, СПБ., 1887, стр. 841.
[2] *Яков де Санглен*, Подвиги русских под Нарвой в 1700 г., стр. 22.

де-Кроа, мотивируя тем, что русские войска окажутся небоеспособными в поле; однако все последующие события опровергли этот довод.

На совете было принято решение оставаться на месте, между тем как «король шведский на свободе выбирал место для нападения и мог быть уверен, что будет иметь дело только с частью российской армии; ибо теснота места сражения не позволяла всем частям оной удобно поддерживать одна другую»[1].

Оставаясь на месте, русское командование по существу передало инициативу в действиях Карлу XII. Он не замедлил этим воспользоваться и, видя, что русские остаются в окопах, решил сам их атаковать.

Произведя рекогносцировку, а также имея данные от шпионов, Карл XII установил, что наиболее сильно укреплен центр русской позиции. Поэтому он решил атаковать ее фланги, чтобы разбить их по отдельности. На правый фланг для атаки был направлен Веллинг с 11 батальонами пехоты, 24 эскадронами кавалерии. На левом фланге находились король и генерал Реншельд. Они имели три колонны в составе 10 батальонов; кроме того, впереди каждой колонны шли 500 гренадер с фашинами. При Карле находилась еще личная гвардия — драбанты.

Король предусмотрел также выделение резерва в составе 12 эскадронов кавалерии, а артиллерию разделил на две части, согласно двум объектам атаки.

В два часа пополудни шведы ринулись в атаку; им удалось ворваться в лагерь и внести замешательство в ряды русских: конница Шереметева бросилась вплавь через Нарову; конные полки были смяты и, беспорядочно отступая, двинулись к единственному мосту у острова Кампергольм. Мост от большого скопления людей рухнул, солдаты начали тонуть. Это еще больше увеличило панику. Главное командование русских войск во главе с герцогом де-Кроа, состоявшее из иностранцев, спасаясь от солдатского возмущения, еще в начале боя сдалось шведам. Однако, несмотря на измену, русские солдаты под командой своих офицеров стойко сражались с наступающей на ретраншементы шведской армией, а также и с гарнизоном, который сделал вылазку из Нарвы.

С особым ожесточением продолжался бой на правом фланге, но здесь русские не могли оказать сопротивления, так как к мосту двинулись части, отступающие под напором шведов. Однако Преображенский и Семеновский полки, ставшие в каре, остановили шведов, прикрыли отступающие части и даже привели в расстройство шведскую колонну генерала Реншельда. Тогда здесь появился король Карл XII, но он не мог сломить силу сопротивления этих двух полков: они до вечера продолжали удерживать занятую ими позицию, несмотря на то, что «ободренные присутствием государя, шведы несколько раз бросались в атаку; но тщетно: оградив себя повозками артиллерийского парка, русские были непоколебимы и

---

[1] *Д. Бутурлин*, Военная история походов россиян в 18 столетии, т. I, СПБ., 1819, стр. 44—45.

отразили все усилия неприятеля. Наступившая ночь прекратила битву»[1]. На левом фланге продолжал упорно обороняться со своей дивизией раненный в начале боя генерал Вейде, отрезанный от правого фланга.

Однако сдача в плен главного руководства морально действовала на армию, особенно на оставшийся генералитет, и «русские генералы, не зная о взаимном положении обеих половин армии и о расстройстве шведских войск, решили заключить капитуляцию при условии сохранения оружия»[2].

Для переговоров со шведами отправился Бутурлин; он потребовал свободного отступления русских войск с их оружием через мост у острова Кампергольм. Очевидно, еще до появления его в лагере шведов король через Веллинга получил записку от Вейде, которая гласила: «Отрезанный от прочих частей армии, я решился защищаться до последней капли крови; однако я готов принять почетную капитуляцию и сдаться на разумных условиях, если таковые будут приняты».

При таких условиях, когда еще ни одна русская часть не сложила своего оружия, Карл XII, зная расстройство своей армии, согласился на предложения русских. Однако он нарушил свои обязательства. Во время переправы, отделив от солдат всех русских генералов и офицеров, он приказал им сложить оружие, а потом всех их, около 700 человек, взял в плен.

Сами шведы помогали русским быстрее наводить мост через реку, чтобы к рассвету всю русскую армию переправить на правый берег. В 4 часа ночи началась переправа остатков правого фланга. Семеновский и Преображенский полки перешли реку, не сдав оружия. Начинало светать. На поле боя оставалась еще левофланговая дивизия. Вейде и его солдаты могли наблюдать, как шведы готовились для атаки их дивизии. И несмотря на это, солдаты, «оставшиеся под начальством генерала Вейде, с твердостью ожидали в апрошах нового нападения шведов, (как вдруг.— *Б. Т.*) прискакал адъютант князя Долгорукого с повелением сдаться. Русские, которые накануне под начальством генерала Вейде отлично дрались, отвергли сначала это предложение, не хотели повиноваться генералу, находящемуся в плену, и предпочитали смерть постыдной сдаче». Вторично приехал адъютант с объявлением, что вследствие договора, заключенного с королем шведским, они должны сложить оружие, и генерал Вейде, увидев, «что большая часть русских пала на поле чести, другая отретировалась, а последняя была утомлена и изранена, сам уговаривал к сдаче солдат, которые, наконец, просили короля о позволении отступить с честью»[3]. Длинной лентой потянулась к Кампергольмскому мосту дивизия Вейде. Проходя мимо Карла XII и его свиты, войска складывали оружие. Затем они переходили мост и в беспорядке, без своих начальников,

---

[1] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. IV, СПБ., 1863, стр. 47—48.

[2] *Д. Ф. Масловский*, История военного искусства, вып. 1, стр. 78.

[3] *Яков де Санглен*, Подвиги русских под Нарвой в 1700 г., стр. 21.

направлялись к Новгороду. Многие из солдат погибли в пути от голода и холода.

Так кончилось это неудачное сражение. Русские войска потерпели поражение не только потому, что они еще не были подготовлены к серьезным боям, но прежде всего вследствие измены наемных генералов. Тем не менее русские войска в борьбе со шведами проявили исключительное упорство и храбрость.

Большой интерес представляет собой отзыв о действиях русских и шведских войск под Нарвой, который был дан Гуммертом, перебежавшим от русских к шведам. Впоследствии, когда Гуммерт решил раскаяться, он писал Петру I: «Сила вашего величества неописанна и так велика, что с тремя или четырьмя неприятелями вместе можно вести войну с пользою; люди сами по себе так хороши, что во всем свете нельзя найти лучше; но нет главного — прямого порядка и учения. Никто не хочет делать должного: думают только наполнить свое чрево и мешок, а там хоть все пропади». Далее Гуммерт рассказывает, что шведы «все выведали», между тем как русские о противнике ничего не знали. Так, например, под Ивангородом начали пролом в самом крепком месте, где за старой стеной были новые, двойные, с крепкими сводами, на которых были батареи. Тут проломом ничего нельзя было сделать. Когда русские гвардейские полки стали в каре и оказали решительное сопротивление, «шведы были в страхе и смятении и не могли дать отпора», сами были на волосок от разгрома. Письмо Гуммерта ярко показывает положение сторон под Нарвой. Вряд ли можно его обвинить в пристрастии. Об этом же свидетельствуют и показания очевидца шведа графа Вреде, королевского камергера: «Если бы русский генерал, имевший до 6 тысяч под ружьем, решился на нас ударить, мы были бы разбиты непременно: мы были крайне утомлены, не имея ни пищи, ни покоя несколько дней; при том же наши солдаты так упились вином, которое нашли в русском лагере, что невозможно было немногим оставшимся у нас офицерам привести их в порядок»[1].

Эти показания говорят о полном хаосе, который начался в шведской армии. Они показывают высокие моральные качества русского солдата и полную нераспорядительность и предательство иностранных генералов.

Однако «честь России спасена, сыны ее дрались храбро в сей жестокий день. Раскроем историю: не в менее ли критических обстоятельствах, чем под Нарвою, целые армии клали оружие, сдавались в плен без выстрела?» Петр Великий, получив известие о сражении, ознакомившись с обстоятельством разгрома и узнавши о подвигах и мужестве и храбрости солдат, сказал: «Ученики выучатся и отблагодарят своих учителей»[2].

Так и получилось впоследствии.

---

[1] *Н. Г. Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. IV, СПБ., 1863, стр. 49.

[2] *Яков де Санглен*, Подвиги русских под Нарвой в 1700 г., стр. 26.

В сражении под Нарвой шведы потеряли до 3 тысяч человек. Потери русских составили 8 тысяч убитых, 145 пушек, 28 мортир, 6 гаубиц, 151 войсковой значок и 20 знамен.

Оценивая поражение под Нарвой, Петр I писал:

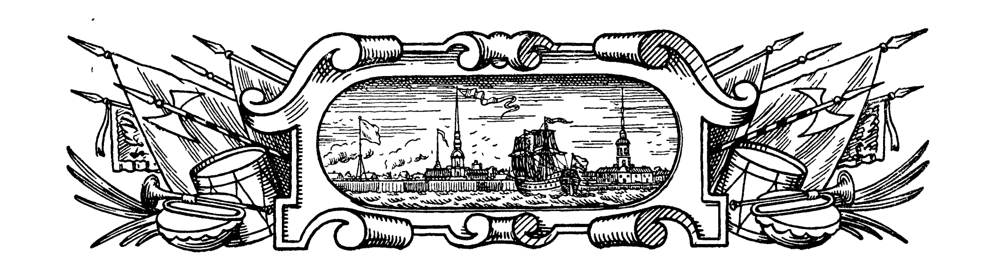
«Итак шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно; но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили. Ибо только старый полк Лефортовский был, да два полка гвардии были только на двух атаках у Азова; а полевых боев, наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые сами были рекруты; к тому же за поздним временем, великий голод был, понеже за великими грязьми провиант проводить было невозможно; и единым словом сказать, все то дело, яко младенческое играние было, а искусство ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким неискусным сыскать викторию». И дальше: «но когда несчастье (или лучше сказать великое счастье) получили, тогда неволя леность отогнала и к трудолюбию и искусству день и ночь принудила».

Поражение не заставило великого полководца сложить оружие. Так же, как и после первого неудачного Азовского похода, с исключительной энергией взялся Петр за восстановление престижа своего государства и армии, с еще большей настойчивостью он стал готовиться к борьбе со шведами.

Оценивая значение нарвского поражения, Энгельс писал:

«Нарва была первой большой неудачей подымающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. X, стр. 227.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОРЬБА ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Нарвское сражение было только началом Северной войны. Предстояла суровая и длительная борьба Русского государства за возвращение искони русских земель «отчич и дедич»; без этого «естественного выхода для сбыта продукции» [1] России не могли успешно развиваться производительные силы страны.

Поражение русской армии под Нарвой осложнило внешнеполитическое положение России и значительно повысило международный престиж Швеции и ее короля.

Положение русских послов за границей стало затруднительным. Западноевропейские дипломаты с ехидством злорадствовали по поводу поражения русских. Матвеев из Гааги писал Головину:

«Жить мне здесь теперь очень трудно: любовь их только на комплиментах ко мне, а на деле очень холодны. Обращаюсь между ними как отчужденный; а от нарекания их всегдашнего нестерпимою снедаюсь горестию» [2].

Голицын доносил из Вены, что «главный министр, граф Кауниц, и говорить со мною не хочет, да и на других нельзя полагаться: они только смеются над нами... всякими способами надобно добиваться получить над неприятелем победу. Хотя вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить. Непременно нужна нашему государству хотя малая виктория, которою бы имя его по прежнему по всей Европе славилось. А теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются».

Военные неудачи обострили отношения России с ее давнишними врагами — Турцией и Крымом.

---

[1] *К. Маркс,* Тайная дипломатия XVIII века.

[2] *ГАФКЭ,* Кабинет Петра I, 1720 г., д. № 60, л. 619.

Турки стали требовать, чтобы русские возвратили им Азов и сожгли свой флот в Азовском море. Толстой, русский посол в Турции, ответил султанскому правительству: «Корабли, которые есть в Азовском уезде, сожети и новопостроенную фортецию чтобы разорити, о сем не токмо мне доносить, ниже мыслити о доношении не возможно»[1].

Крымские татары возобновили свои набеги на русские владения. Но твердость русского правительства и мероприятия по укреплению флота на Азовском море предотвратили выступление Турции против России. Турецкое правительство даже сменило крымского хана, который добивался войны с Россией. Будучи экономически отсталыми, Крым и Турция в первые годы войны не представляли для России большой опасности. Толстой писал: «по нынешнему их состоянию вскоре того быти не может (т. е. войны.— *Б. Т.*), понеже суть казна их малоденежная» [2].

В Европе радовались создавшемуся тяжелому положению, в котором очутилось правительство Петра.

Таково было внешнеполитическое положение Русского государства.

В такой сложной обстановке большое значение приобретал для России вопрос о союзниках и поддержке дружественных отношений с другими государствами. На долю русской дипломатии выпала очень тяжелая задача. Она должна была рассеять то крайне неблагоприятное впечатление, которое создали в Западной Европе неудачи России. С этой целью надо было скрепить союз с Августом II, не допустив его до заключения сепаратного мира с Карлом, и принять все меры для того, чтобы привлечь Польшу к войне на стороне России. Необходимо было также парализовать коварные происки врагов России и укрепить внешнеполитическое положение Русского государства. Петр I сумел «обеспечить для каждого дипломатического выступления России сильных, даже подавляюще сильных союзников» [3]. Еще до Нарвы Петр вел переговоры с польским королем. Сейчас они были особенно необходимы, и в феврале 1701 г. в местечке Биржи состоялось свидание Петра I с Августом.

На этом совещании обнаружились крупные противоречия между Россией и польскими магнатами. За свое участие в войне паны требовали Украину. Литовский подканцлер Щука заявил: «По последнему договору с Россией, Польша лишилась своих прежних границ; так неугодно ли будет Вашему величеству возвратить ей хотя бы половину уступленного, например Киев с округом»[4].

Петр I категорически отказался принять подобные условия. Переговоры привели к заключению с Августом нового договора, по которому союзники обязались всеми силами продолжать войну против Швеции и без обоюдного согласия не вести с ней переговоров. Для

---

[1] *ГАФКЭ*, Сношения России с Турцией, 1703, д. № 2, л. 287.
[2] Там же, л. 197—198.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 12.
[4] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. III, СПБ, 1897, стр. 1253.

помощи Августу Петр I обязался прислать в его распоряжение от 15 до 20 тысяч пехоты.

Петру важно было возможно дольше удержать Августа в союзе с Россией, чтобы не остаться в войне со шведами один на один. Было решено посвятить в сущность нового договора датского короля и склонить его к восстановлению союза.

Война за испанское наследство в значительной степени отвлекала западноевропейские государства от событий, происходящих на востоке Европы. Это дало возможность Петру I успешно вести войну против Швеции. 5 августа 1702 г. Петр писал Шереметеву: «Война у голландцев и прочих с французом зачалась. Изволь Ваша милость рассудить нынешний случай, как увяз швед в Польше, что ему не только сего лета, но, чаю, ни будущего возвратиться невозможно; также изволь размыслить, какое дальнее расстояние от вас до Варшавы, как возможно им оттоль с войском поспеть, хотя б и похотели»[1].

Петр I с исключительным вниманием следил за внешнеполитическими событиями в Западной Европе. Он постоянно информировал своих сподвижников и умело использовал международную обстановку для укрепления положения Русского государства. Апраксину Петр писал: «Здесь вестей много. Король английский умре. . . на его место обрана Анна королева, своячина ево. . . Смертию бывшего короля зело великая перемена учинилась; война общая началась; дай боже, чтобы протянулась: хуже не будет нам. Шведы идут дале в Польшу. Изволъте проведывать с своей стороны, а здесь весть есть (хотя еще и не подлинная), бутто в Венграх начинаютца бунты»[2].

Русское правительство много внимания уделяло созданию благоприятного мнения о России в западноевропейских странах. Был выпущен специальный манифест, который разъяснял смысл войны со Швецией и призывал на русскую службу иностранных специалистов. В этом манифесте указывалось, что все мысли правительства обращены на то, «коим образом и способом мы как безопасение наших рубежей от всех неприятельских нападений извне содерживати и обороняти, тако наши и наших государств преимущества, правы и справедливости. . . паки оградити». Манифест разъяснял, почему в России создается мощная армия: «того ради мы войсковое состояние, яко единая из наибольших подпор всех государств и правительств, в государстве наших учредити трудимся таким образом, дабы наше войско во всех потребных воинских действиях искусно сочинено, подправое и порядочное обучение приведено и пристойному управлению учреждено быти могло»[3].

Укрепляя международное положение и оборону страны, Петр I одновременно пытается добиться заключения мира при условии оставления за Россией искони русских земель.

Но, упоенный успехами, Карл XII слушать не хотел о перемирии, его мысли были заняты только войной. Генерал Стенбок писал:

---

[1] Письма и бумаги Петра Великого, т. II, СПБ, 1889, стр. 74.

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же, стр. 46.

«Карл ни о чем больше не думает, как только о войне, он больше уже не слушает чужих советов, он принимает такой вид, что как будто бы бог непосредственно внушает ему, что он должен делать».

Уверенность в собственной непобедимости сопровождалась презрением к Русскому государству и его армии: «Нет никакого удовольствия, — говорил Карл XII, — биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут».

Считая главным своим противником Августа II, Карл XII простоял до 13 декабря 1700 г. под Нарвой, а затем двинулся к Дерпту, где и расположил свои войска на зимних квартирах. С наступлением весны он рассчитывал нанести сокрушительный удар по саксонской армии, а потом мимоходом окончательно расправиться с Петром.

Однако мечтам Карла не суждено было осуществиться.

Русская армия после поражения под Нарвой быстро оправилась, между тем как Карл считал, что нанес ей смертельную рану. Петра не привела в уныние «сысканная» над его армией победа. Он готовился к продолжению начатой против шведов борьбы. Особое внимание он обратил на то, чтобы больше «младенческие играния» не повторить.

Спустя две недели после Нарвской битвы Петр приказал Репнину привести в порядок разбитые под Нарвой войска. Шереметеву с дворянской конницей Новгородского разряда и казаками поручалось прикрытие границы государства. Кроме того, Петр I приказал ему частью сил перейти в наступление на шведов. Были приняты меры к укреплению Новгорода, Пскова и Печор.

Формирование новой регулярной армии, начатое еще накануне Северной войны, находилось в полном разгаре.

В декабре был проведен новый набор для пополнения старых полков и для формирования новых. Он дал возможность сформировать 10 новых драгунских полков. Гвардейские, Преображенский и Семеновский, полки были превращены в офицерские школы для подготовки командного состава. Головину поручалось обучать строевому и тактическому искусству солдат и офицеров согласно «артикулам». Особое внимание обращал Петр на приведение в более стройную систему управления и комплектования армии. Общее военно-административное руководство было возложено на Т. Стрешнева. Формированием драгун руководил Б. Голицын. «Надзирателю артиллерии» Виниусу поручалось изготовление артиллерии, так как после Нарвской битвы Петр лишился почти всей артиллерии. Виниус блестяще справился с этой задачей. За год он успел изготовить 300 пушек. Качество нового оружия вызвало похвалу и восхищение даже среди иностранцев. Для изготовления пушек были использованы «с знатных городов от церквей и монастырей снятые колокола»[1]. Принимались меры к расширению крепостных мануфактур, работающих на нужды армии.

Для удовлетворения все возрастающих потребностей в вооружении и боевых припасах Петр I спешно строил новые заводы.

---

[1] *ГАФКЭ*, Журнал походов Петра I, д. № 44/63, л. 7.

В 1703 г. были заложены Олонецкие и несколько позднее Сибирские чугунолитейные заводы, в 1710 г. были основаны пороховые заводы в Петербурге и Сестрорецкий оружейный завод, в 1712 г. — оружейный завод в Туле, в 1714 г. — Литейный двор в Петербурге, в 1715 г. — Охтенский пороховой завод. Насколько быстро выросло в России военное производство, в особенности производство артиллерийских орудий, в течение первой четверти XVIII в., видно хотя бы из того, что в 1701 г. было изготовлено 268 орудий, а в 1718 г. только на судах балтийского флота было уже 2 048 орудий. На олонецких заводах был введен усовершенствованный способ изготовления орудий, ускоривший их производство. К концу же царствования Петра I в русской артиллерии числилось 9 тысяч орудий, из них 5 тысяч орудий сухопутной артиллерии, остальные — морской.

Большое внимание Петр обращал на развитие уральской промышленности. В 1702 г. он передал Невьянский завод тульскому мастеру Демидову, который вскоре построил новый завод в Тагиле. К уральским заводам Петр прикрепил до 25 тысяч крепостных крестьян. Кроме того, крестьяне, жившие в окружности от заводов до 100 верст, должны были обслуживать заводы: возить железо, лес, изготовленную продукцию и т. д. Не меньше внимания Петр I уделял развитию суконной и шерстяной промышленности. Для снабжения армии при Петре было построено 15 шерстяных и суконных фабрик, 15 полотняных фабрик, 15 шелковых мануфактур, 11 кожевенных заводов и 5 бумажных фабрик.

Петр I заложил твердые основы для развития отечественной промышленности, он создал два центра металлургии — на Урале и в Петрозаводске. Получив в наследство от прошлого около двух десятков мануфактур, Петр оставил после своей смерти свыше 200 заводов.

Всеми этими мерами Петр старался преодолеть техническую и экономическую отсталость страны, ослаблявшую ее военную мощь.

Товарищ Сталин писал об этом: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»[1].

Развивая промышленность, Петр I сумел в кратчайший срок создать необходимые условия для вооружения и снабжения армии. Одновременно с этим он стремился совершенствовать боевую технику и разработал новые способы ее применения.

Соединение штыка с ружьем увеличило наступательную силу пехоты. Уточняются функции артиллерии: ее разделили на полковую и осадную. Драгунским полкам придали артиллерию и организовали их так, что они могли действовать и в конном и в пешем строю.

Петр I реорганизовал снабжение армии боевыми припасами и продовольствием. Он учредил систему магазинов как в тылу, так и по операционной линии предполагаемых действий армии.

---

[1] *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

Петр I вникает во все детали армейской жизни: следит за выполнением отданных приказаний, за своевременным снабжением и вооружением армии, за перевозкой войск.

При его непосредственном участии разрабатывались оперативные планы важнейших действий. Петру принадлежит план «малой войны» со шведами, которая должна была продолжаться до тех пор, пока русская армия не будет обучена искусству побеждать. По этому плану начались боевые операции русской армии после Нарвы. Петр I непосредственно руководил ими. Он в то же время всячески старался развивать инициативу у командного состава.

С наступлением весны Карл XII двинул свою армию против Августа, который после заключения договора получил от Петра вспомогательный корпус в 20 тысяч человек и вторично осадил Ригу. Но действия союзников были неудачны. Карл XII неожиданно напал на саксонцев под Ригой; 9 июля 1701 г. он переправился через реку Двину почти на виду у неприятельского войска. В двухчасовой битве шведы разбили саксонского генерала Штейнау, который потерял всю артиллерию и 2 тысячи человек, в то время как потери шведов составили только 500 человек.

Борьба Карла XII с Августом приняла затяжной характер. Шведский король, по выражению Петра, надолго «увяз» в Польше. Это обстоятельство было крайне благоприятно для русского правительства. Август являлся для России выгодным союзником не столько по своим вооруженным силам, сколько потому, что он отвлекал шведов от русских границ. Этим самым он дал возможность Петру выиграть время, чтобы принять меры к обороне страны.

Для защиты Швеции от вторжения русских Карл XII оставил 15 тысяч полевых войск, из них 8-тысячный отряд Шлиппенбаха в окрестностях Дерпта, а остальные войска в количестве 7 тысяч под командованием Кронгиорта занимали Ингрию. Главные же силы шведов были брошены против Августа. Для прикрытия государственных границ Петр расположил свою армию в следующем порядке: 30-тысячный отряд Шереметева — у Пскова, 10-тысячный отряд Апраксина — у Новгорода и Ладоги. Возвратившийся из Курляндии отряд Репнина был расположен в городе Пскове. Итак, против 15 тысяч шведов была сосредоточена русская армия численностью в 40 тысяч, а через год ее довели уже до 60 тысяч человек.

Однако неправильно было бы рассматривать боевые действия русской армии в 1701—1705 гг., как это делают некоторые военные историки, как только активную оборону. В самом деле, в этот период Петр добился очень важных стратегических результатов, позволивших ему утвердиться в восточной части Финского залива.

Петр I настоятельно требовал от Шереметева посылки отдельных отрядов в пределы Лифляндии для уничтожения мелких отрядов Шлиппенбаха. В этих набегах прошел весь 1701 год. Только в январе 1702 г. Шереметев во главе 17-тысячного отряда нанес удар войскам Шлиппенбаха у селения Эрестфера (50 верст от Дерпта). В этом бою отряд Шлиппенбаха потерял почти половину своего состава, 6 орудий и с остальной частью едва успел отступить к Сагницу.

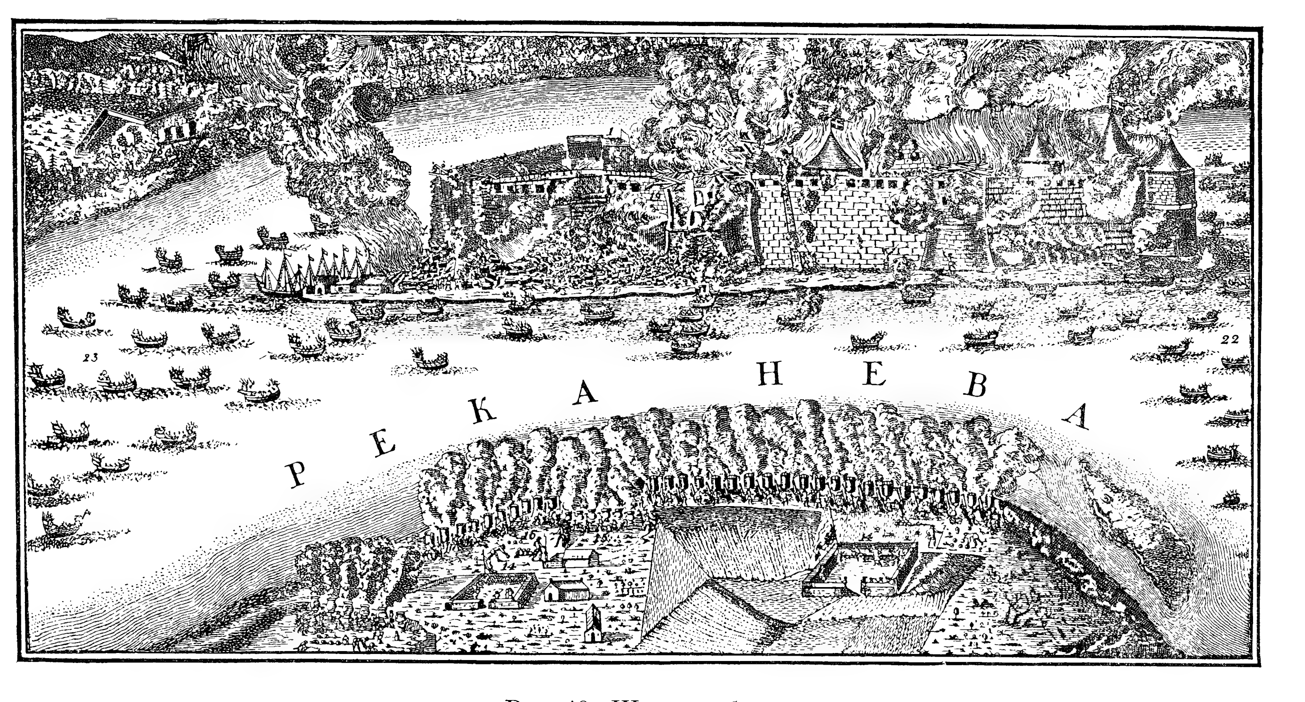

Рис. 10. *Шлиссельбург*

Первая победа над шведами чрезвычайно обрадовала Петра: убеждение в «непобедимости» шведов было поколеблено. Узнав об этой победе, Петр сказал: «мы дошли до того, что шведов побеждать можем, пока сражаясь два против одного, но скоро начнем побеждать их и равным числом».

После победы у Эрестфера русские отряды смелее стали действовать против шведов. В июле 1702 г. русские войска разбили шведские флотилии на Чудском и Ладожском озерах. В этом же месяце Шереметев вторично разгромил Шлиппенбаха при мызе Гуммельсгоф. В этом бою почти вся пехота шведов была уничтожена: из 6 тысяч осталось только 500 человек. Потеряв всю артиллерию и даже знамена, Шлиппенбах с небольшим количеством кавалерии отступил на Пернов. Русские войска после разгрома шведов лишили противника материальной базы в восточной Лифляндии и вернулись к своим границам.

В это время отряд Апраксина успешно действовал против Кронгиорта, которому он нанес поражение у реки Ижоры 13 августа 1702 г.

Эти победы убеждали русскую армию в том, что шведов можно разбить. В ходе боев русские войска приобретали боевой опыт. Правда, частичные победы еще далеко не решали задачи выхода к берегам Балтийского моря. Силы шведов в Лифляндии и Карелии пока не были разъединены. Чтобы разъединить эти силы, нужно было овладеть устьем Невы.

После ряда побед в Лифляндии Петр решил, наконец, осуществить свою заветную мечту — открыть искони принадлежавший русским путь «из варяг в греки». Для этого надо было овладеть двумя крепостями, находившимися в руках шведов: Нотебургом, бывший Орешек, расположенным у истока реки Невы из Ладожского озера, и Ниеншанцем на реке Охте.

Всю зиму и лето велась тщательная подготовка к осаде. В конце сентября 1702 г. войска Шереметева и Репнина сосредоточились около Нотебурга; сюда же из Архангельска во главе гвардейских полков прибыл и Петр I. Для окружения Нотебурга войска были расположены по обоим берегам Невы; кроме того, царь сосредоточил на Ладожском озере у истока Невы флотилию, а 50 больших лодок по его приказанию переволокли в Неву.

Около двух недель продолжалась осада. 11 октября 1702 г. состоялся штурм. Первое нападение было отбито, но храбрый князь Голицын, чтобы не дать войскам отступить, приказал оттолкнуть от берега лодки, на которых подъехали штурмующие крепость отряды, и опять возобновил штурм. Настойчивость русских поколебала силы гарнизона. Как только начался новый штурм, шведы прекратили огонь. По приказанию коменданта крепости барабаны забили «сдачу».

Таким образом крепость, находившаяся в руках шведов 90 лет, была возвращена.

Крепость Нотебург Петр I переименовал в Шлиссельбург, т. е. ключ к морю, «ибо сим ключом отворились врата» в Западную

Европу. Петр писал: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж, слава богу, счастливо разгрызен».

В следующем году весной Петр решил овладеть всем течением Невы, но для этого надо было взять другую крепость, находящуюся на правом берегу Невы вблизи устья речки Охты, — Ниеншанц. В конце апреля 1703 г. русские войска сосредоточились в Шлиссельбурге, а 1 мая осадили Ниеншанц, произведя сильный артиллерийский обстрел. Шведский гарнизон через 12 часов после артиллерийской канонады вынужден был пойти на капитуляцию.

После падения крепости 5 мая два шведских судна, вооруженные пушками, вошли в устье Невы и бросили якорь. Петр и Меншиков с двумя гвардейскими полками напали на эти суда и вынудили их сдаться. Это была первая морская победа над шведами. Со взятием Ниеншанца в руки России переходила важнейшая оборонительная линия реки Невы и окончательно нарушалась связь между шведскими войсками, находившимися в Лифляндии и Карелии.

Взяв Нотебург и Ниеншанц, Петр возвратил России древний путь «из варяг в греки». В руках Русского государства оказался открытый выход к морю.

После тщательной рекогносцировки 16 мая на острове Люст-Эланд (т. е. веселый остров) «Его царское величество по взятии Шлотбурга, в одной миле оттуда, ближе к восточному морю, на острове новую и зело угодно крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское именование прозванием Питербургом обновити указал»[1].

Так был основан Петербург, ставший потом столицей Русского государства. «Петр воздвиг новую столицу, — писал Маркс, — на первом завоеванном им куске Балтийского побережья, почти на расстоянии одного пушечного выстрела от границы, умышленно дав, таким образом, своим владениям эксцентричный центр. . . Петербург, эксцентричный центр империи, сразу указывал на периферию, которую еще надо было завоевать. Таким образом, не одно завоевание прибалтийских провинций отличает политику Петра Великого от политики его предков, а истинный смысл его балтийских завоеваний объясняется переносом столицы»[2].

Строительство Петербурга вызывало особые заботы у Петра. Надо было превратить в неприступную крепость этот «эксцентричный центр». По постановлению военного совета на острове Яни-Сари была заложена Петропавловская крепость. Для защиты подступов к Петербургу в 1703 г. на острове Котлин построили крепость, назвав ее Кроншлотом. Новую крепость вооружили 14 орудиями. Кроме того, на острове Котлин построили батарею в 60 орудий. Коменданту Кроншлота была дана строжайшая инструкция, указывающая меры предосторожности, которые нужно было соблюдать при встрече приходящих с моря кораблей. Первый пункт гласил: «Содер-

---

[1] Первые русские ведомости, СПБ, 1885, стр. 202.

[2] *К. Маркс,* Тайная дипломатия XVIII века.

жать сию цитадель... аще случится до последнего человека». Итак, вся главная водная артерия края перешла в руки Русского государства.

Еще с начала Северной войны Петр I задумал создать сильный балтийский флот. Только с таким флотом Россия могла сделаться морской державой, твердо стоящей на берегах Балтийского моря. Петр, не покладая рук, работал со своими сподвижниками над тем, чтобы построить на Балтике мощный флот. И эта задача была блестяще решена. К концу царствования Петра русский флот состоял из 48 линейных кораблей, 800 галер и мелких судов, с экипажем до 28 тысяч человек.

21 января 1702 г. Петр приказал Татищеву: «в оборону и на отпор неприятельских свейских войск, построить для Ладожского озера шесть военных кораблей по 18 пушек на реке Сяси, от Ладоги в 30 верстах и на реке Паше, что впала в Свирь». На Ладожском озере в устье реки Сяси была основана кораблестроительная верфь, на которой Петр с 1702 по 1705 г. выстроил 4 фрегата.

Продолжалось строительство кораблей и в Архангельске. Зная об этом, шведы решили в 1701 г. напасть на Архангельск, уничтожить русские корабли, разрушить судостроительную верфь и этим самым прекратить всякие сношения России с Европой. Нападение готовилось шведами в строжайшем секрете. Но русское правительство приняло меры предосторожности. Еще в 1700 г. архангельскому воеводе было предписано построить крепость в устье Двины и «иметь великое опасение и осторожность от неприятеля».

12 июня 1701 г. шведы «воровским обычаем» на семи судах под английским и голландским флагами, «якобы купецкие люди», подошли к устью Двины. Однако попытка нападения не удалась. После тринадцатичасовой перестрелки 2 шведских корабля были потоплены, а остатки разбитого шведского отряда были вынуждены убраться восвояси. В 1702 г. Петр посетил Архангельск и принял ряд мер по укреплению порта.

Успешные действия армии Шереметева в Ингрии в 1702 г. завершились очищением Ладожского и Чудского озер от шведского флота. На Ладожском озере полковник Островский с небольшим отрядом на соймах и карбасах обратил в бегство шведскую флотилию, состоявшую из шести судов под командой адмирала Нумерса. Когда Нумерс вновь появился на Ладоге, полковник Тыртов снова обратил его в бегство, причем на этот раз Нумерс, потеряв несколько судов и 300 человек, вынужден был уйти в Выборг.

На Чудском озере полковник Толбухин посадил солдат на большие лодки и взял на абордаж три яхты и все мелкие суда.

В феврале 1703 г. в Лодейном Поле на реке Свирь построили новую верфь, назвав ее Олонецкой. На ней был сразу же заложен один фрегат и семь грузовых судов. Петр, стремясь как можно скорее построить флот, в 1703 г. сам работал в течение шести недель на Олонецкой верфи. За это время было заложено 7 фрегатов, 5 шняв, 7 галер, 13 полугалер, 1 гальот и 13 бригантин.

Удаленность Олонецкой верфи от моря представляла ряд неудобств для строительства флота, поэтому на военном совете

решили, не прекращая постройки судов на Олонецкой и других верфях, приступить к сооружению в Петербурге обширного адмиралтейства. Теперь балтийский флот мог расти значительно быстрее, чем раньше. Уже к 1708 г. он состоял из 12 фрегатов (двух 32-пушечных и десяти 28-пушечных), 8 галер (вооруженных каждая 36-фунтовым орудием и семью 6-фунтовыми пушками), 6 брандеров, 2 бомбардирских судов, 10 шняв, 20 бригантин и нескольких мелких судов. О быстром росте русского флота свидетельствуют следующие данные: в 1693—1700 гг. было открыто 10 судостроительных верфей, на них построено 170 судов; в 1700—1715 гг. было открыто 12 верфей, построено 530 судов; в 1715—1725 гг. — 3 верфи, построено 195 судов.

Наряду со строительством флота внутри страны на протяжении всей войны пришлось закупать суда за границей, главным образом в Голландии и Англии. Но основной базой строительства русского флота было свое, отечественное производство.

Петр принимал все меры к тому, чтобы иметь собственные кадры кораблестроителей и флотоводцев. В 1701 г. открылась Навигационная школа, а в 1715 г. Морская академия. Для обучения русских Петр привлекал лучших знатоков морской науки из-за границы. Некоторые из них добросовестно относились к делу и многое сделали для русского флота. Такими были: голландец Крюйс, англичане — корабельные мастера Ден и Най, строитель каналов и доков Пери и профессор морских наук Фарварсон.

После того как Россия возвратила выход к Финскому заливу, предстояло окончательно закрепиться в устье Невы, а для этой цели нужно было очистить от шведов Карелию и Эстляндию.

В 1703 г. русские войска отняли у шведов крепости Ям, Копорье, Мариенбург, а в 1704 г. двинулись к Дерпту и Нарве. Нарва была быстро взята, а за Нарвой капитулировал и Ивангород.

Взятие Нарвы было крупным политическим событием. Только четыре года тому назад под этой крепостью были рассеяны нестройные, еще плохо сколоченные отряды русских рекрутов, а теперь они снова появились под Нарвой, представляя собой грозную военную силу. Русские войска научились бить шведов: на озере Пейпус они уничтожили шведскую флотилию; в Лифляндии и Эстляндии они рассеяли и отбросили к Ревелю, Пернову и Риге войска Шлиппенбаха. В Финском заливе созданный русский флот прикрывал Петербург и успешно оборонялся от шведского флота. Были возвращены искони русские земли, захваченные шведами. Ингерманландская кампания закончилась победами 1704 года. Россия вышла к берегам Балтийского моря. Молодая петровская армия в боях со шведами получила основательную боевую выучку.

На 1705 г. Петр I намечал план дальнейших операций в Прибалтике по созданию к северу от Невы прочной оборонительной линии. Стал вопрос об овладении Выборгом и Кексгольмом. Но в конце 1704 г. и в начале 1705 г. осложнилось положение в Польше, и Петр I вынужден был передвинуть значительные силы в Литву, в район Вильно, чтобы отвлечь Карла XII от Саксонии, а также получить возможность влиять на борьбу, происходившую в Польше

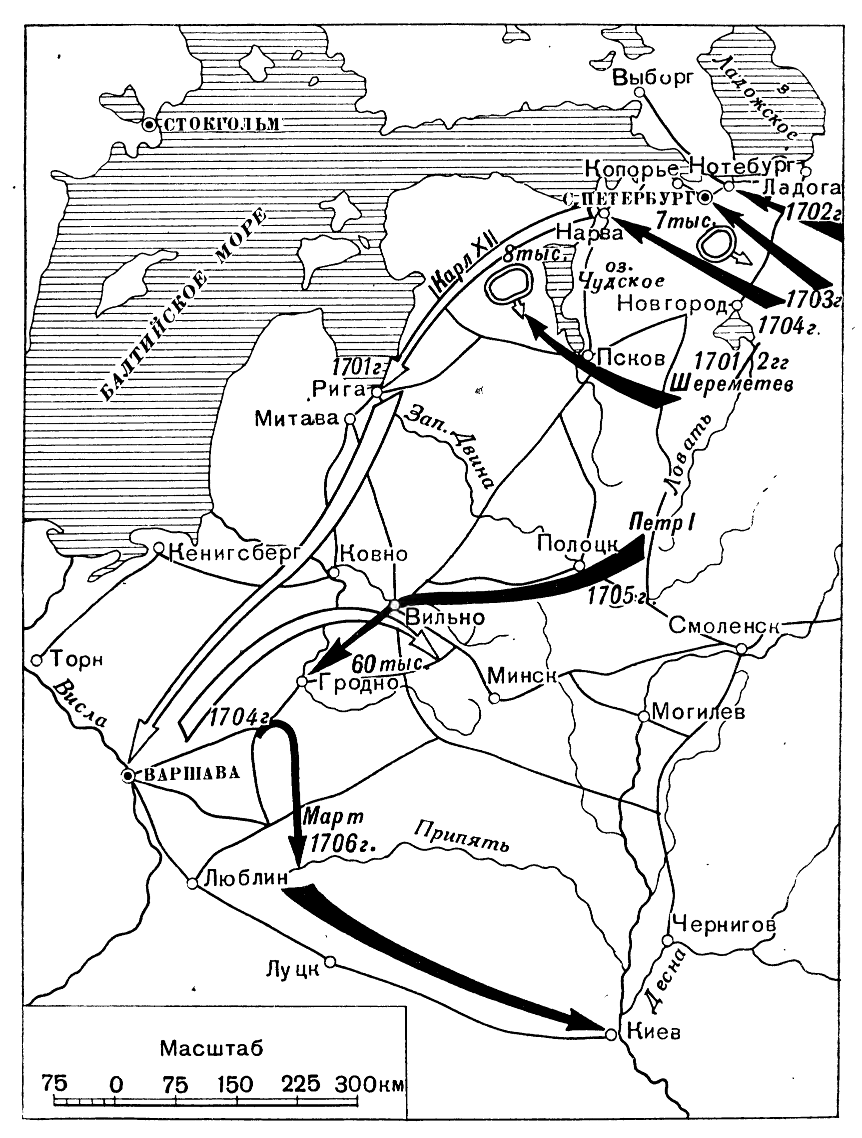

Схема 4. *Кампания 1703—1706 г.*

между сторонниками Августа II и шведским королем. Воспользовавшись этим, шведы возобновили нападение на Петербург.

С суши действовал усиленный корпус генерала Майдель. Корпусу удалось дойти до берегов Малой Невы, но здесь он был отбит комендантом Петропавловской крепости Брюсом и вынужден был с большим уроном отступить.

В июне 1705 г. с моря, к Котлину, шведы под командованием адмирала Анкерштерна двинули значительные морские силы, дохо-

дившие до 24 вымпелов. Путем бомбардировки они неоднократно пытались взять крепость, но вице-адмирал Крюйс, руководивший обороной Котлина, имея меньшие силы, отбил нападение сильнейшего шведского флота. Тогда адмирал Анкерштерн для штурма крепости решил выслать на Котлинскую косу десант. Двукратная попытка высадить десант была героически отбита солдатами отряда полковника Толбухина. При последней высадке шведы потеряли только убитыми 560 человек. Это поражение было настолько сильным, что шведы уже не рискнули повторить нападение на Котлин.

Ингерманландский период Северной войны дал очень много для боевой выучки русской армии. Переживая процесс организационного становления, она в то же время непрерывно совершенствовала себя: тактические приемы ведения войны улучшались, ее высшее командование стало более правильно разрешать стратегические задачи, в целом армия постепенно приучалась побеждать первоклассного противника, каким являлась тогда шведская армия. К этому времени у Петра I уже появляется идея комбинированных действий сухопутной армии и флота против шведов. Эта идея была широко применена Петром после Полтавской битвы на Финляндском театре войны.

В результате четко поставленных оперативных целей и частных задач, с учетом общеполитической и стратегической обстановки, Петр I успешно овладел рубежом рек Невы — Наровы и Дерптом. Этим самым облегчалось дальнейшее наступление в Прибалтику. Таким образом, боевые операции русской армии в 1701—1705 гг. носили наступательный характер и привели к замечательным стратегическим успехам. Петр решил важнейшую стратегическую задачу разрыва операционной линии противника: шведы лишились сухопутной связи между двумя армиями, действующими на Карельском перешейке и в Ливонии. Благодаря этому была обеспечена безопасность Петербурга.

———◆———

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАМПАНИЯ В КУРЛЯНДИИ, ЛИТВЕ И ПОЛЬШЕ. ВТОРЖЕНИЕ ШВЕДОВ В БЕЛОРУССИЮ И НА УКРАИНУ. РАЗГРОМ КОРПУСА ЛЕВЕНГАУПТА У ДЕРЕВНИ ЛЕСНАЯ

В то время как Петр I успешно вел военные действия по возвращению территории «отчич и дедич», учил свои войска умению побеждать, Карл XII исходил Польшу вдоль и поперек. Он долго гонялся за армией короля Августа и одержал над ней ряд крупных побед, но не мог добить живучего противника. Поняв бесцельность своих действий в Польше, он решил отрезать Августа II от его основной базы — Саксонии. К зиме 1704/05 г. шведам удалось решить эту задачу.

В результате побед, одержанных шведами над Августом, Польша разделилась на два враждебных лагеря, против Августа усилилась оппозиция. В Варшаве из польских магнатов, противников Августа, образовалась конфедерация. Она объявила его низложенным, а вместо него, на собранном в Варшаве сейме, 21 июля 1704 г. был избран на польский престол ставленник шведского короля Станислав Лещинский. Но и после своего низложения Август II вместе со своими сторонниками продолжал борьбу против шведов и Станислава Лещинского.

В противовес Варшавской конфедерации сторонники Августа образовали Сандомирскую конфедерацию. Она ратифицировала договор Польши с Россией, по которому Польша вступала в войну со Швецией.

Петр I вынужден был обратить внимание на события в Польше. Надо было во что бы то ни стало удержать в союзе Августа II и хотя бы ту часть поляков, которая шла за Сандомирской конфедерацией.

Хотя Август II и был ненадежным союзником, но, поскольку он отвлекал силы шведской армии, было важно даже разбитую Польшу удержать в союзе. Для оказания помощи Августу Петр высылает

вспомогательный корпус под командованием князя Голицына, который 20 августа неожиданно появился под Варшавой. Станислав вынужден был бежать, а шведский гарнизон сдался. Но, несмотря на помощь Петра, Август, имея в своем распоряжении до 40 тысяч войск, не сумел использовать благоприятную обстановку, чтобы преградить путь спешившей к Варшаве армии Карла XII.

В конце 1704 г. под натиском шведов Август II с кавалерией отошел к Кракову, а потом к Люблину и Брест-Литовску на соединение с русской армией. Его генерал Шуленберг, преследуемый шведами, оттеснившими саксонские войска, едва успел скрыться за рекой Одер. Карл XII временно прекратил дальнейшее преследование Августа и к зиме 1704/05 г. расположился на зимних квартирах вблизи Силезии. Такое расположение шведской армии угрожало наследственным владениям Августа — Саксонии, которая являлась основной базой, откуда он черпал средства для борьбы со шведами.

Русскому правительству удавалось удерживать Августа в коалиции до тех пор, пока шведский король не угрожал Саксонии. Но, когда Карл XII приблизился к саксонским границам, обстановка изменилась. Польский король, боясь потерять свои наследственные владения — Саксонию, теперь пошел на сделку с Карлом XII и предложил ему союз против всех неприятелей, особенно же против одного, «которого называть не нужно» (т. е. против Петра).

Петр I, опасаясь окончательного поражения Августа и видя его стремление заключить союз со шведами, решил принять более энергичные меры для того, чтобы поддержать своего союзника. Осенью 1704 г. Петр I направил к Полоцку князя Репнина, а в январе 1705 г. — Шереметева с пятитысячным отрядом. К весне 1705 г. в районе Полоцка сосредоточились главные силы русской армии — около 40 тысяч пехоты, 20 тысяч конницы и большое количество артиллерии. Сосредоточение русской армии у Полоцка давало возможность действовать на двух операционных направлениях: по тылам шведов, отвлекая их внимание от Саксонии, и против Левенгаупта в районе Риги.

Русская армия к этому времени была уже хорошо устроена и вооружена. Английский резидент в Москве Витворт писал статс-секретарю Гарлею, что Петр «мощью собственного гения, почти без посторонней помощи, к 1705 году достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей»[1].

Чтобы отвлечь внимание шведского короля от Саксонии, Петр направляет свою армию из района Полоцка к городу Гродно. Приближение русской армии к Польше давало возможность более активно влиять на внутреннюю борьбу отдельных групп польских магнатов, а также оказывать помощь военной силой Августу II в его борьбе со шведами и их сторонниками в Польше. Кроме того, сосредоточение русской армии у Гродно создавало угрозу для швед-

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. 39, стр. 60.

ской армии в ее операциях на западном направлении, так как Гродно находился на путях, связывавших армию Карла XII с его прибалтийскими провинциями. Выбор операционной линии Полоцк — Гродно давал возможность вести войну со шведами на чужой территории, не допуская их в пределы Русского государства.

1 июня 1705 г. русская армия под командованием фельдмаршала Огильви направилась в Вильно и Гродно. Для обеспечения операционной линии Полоцк — Гродно со стороны Курляндии и Риги против 9-тысячного шведского отряда Левенгаупта были выдвинуты из Полоцка войска Шереметева в составе 8 драгунских и 3 пехотных полков. Генерал Левенгаупт, осведомленный о приближении русских, занял удобную позицию у Мур-мызы (Гемауергоф) и 15 июля разбил здесь часть отряда Шереметева. Петр I спокойно отнесся к известию об этом поражении, так как он считал его маловажным эпизодом в великой борьбе русских со шведами.

Неудача Шереметева не помешала русским занять главный город Курляндии — Митаву и Бауск. Этим было достигнуто обеспечение операционной линии Полоцк — Гродно со стороны Риги. В окрестностях Гродно, кроме русских, находились саксонские и польско-литовские войска. По распоряжению Петра вокруг Гродно был устроен укрепленный лагерь и приняты меры по обеспечению Гродно большими запасами продовольствия.

К началу декабря 1705 г. союзная армия расположилась в следующем порядке: на реке Нарев у Тыкоцина — 12-тысячный авангард Меншикова; в районе Гродно, Августов — главные силы в числе 25 тысяч; по линии Нур — Брест — саксонско-литовские войска в составе 10 тысяч; гетман Мазепа с 15 тысячами казаков сосредоточился на Волыни, выходя своими передовыми частями к Замостью.

Между тем Карл XII, остававшийся почти все лето 1705 г. в бездействии на границе Саксонии, наконец, к осени двинулся к Варшаве, где должен был короновать Станислава Лещинского. Это снова отвлекло его от военных действий против России.

В это время русские и польские партизанские отряды производят ряд набегов на район расквартирования шведской армии. Однажды они напали даже на Прагу — предместье Варшавы и захватили там 6 знамен и 400 пленных из гвардии Станислава. Смелые набеги обеспокоили Карла XII.

Боясь подхода русской армии к Висле, он вывел свои войска из Варшавы и расположил их лагерем у Блони. Петр I, предполагая, что Карл XII не возобновит военные действия до весны, 17 декабря 1705 г. уехал из армии. Главное командование союзными армиями было передано Августу.

Между тем шведский король 28 декабря быстро перешел через Вислу, а потом форсировал реки Буг, Бобр и Неман, отрезал в районе Гродно русскую армию (45 батальонов и 6 драгунских полков) от главных сил. В середине января 1706 г. шведы готовились атаковать укрепленный лагерь союзников. Такое внезапное и

быстрое продвижение шведов к Гродно помешало сосредоточению в этом районе всех сил союзников. Здесь сосредоточилось только лишь 30 тысяч, остальные войска, отрезанные шведами от Гродно, отводились Меншиковым в район Минска. Август II ушел с четырьмя драгунскими полками из Гродно, а командование передал фельдмаршалу Огильви, который не пользовался авторитетом среди русских.

Как только до Петра дошла весть об открытии зимней кампании шведами, он спешно выехал к армии. На пути у Дубровно он встретился с Меншиковым, от которого узнал подробности создавшегося положения. С этого времени Петр I берет управление армией в свои руки и дает ряд распоряжений: обеспечить осажденных в Гродно продовольствием, не допускать связи Карла с Левенгауптом.

Особенное внимание обращается на укрепление старой русской государственной границы. Вдоль западной границы от Пскова через Брянск и до южных степей были устроены засеки. В наиболее важных пунктах на больших дорогах, пересекающих границу, силами местных жителей возводились укрепления. Прикрывать границу Русского государства было приказано корпусу Меншикова.

Между тем положение осажденной русской армии в Гродно, ожидавшей скорого возвращения Августа с подкреплениями, становилось все более и более тяжелым. Быстро таяли запасы. План Августа, рассчитанный на разгром Реншельда с последующим затем движением в Гродно для выручки русской армии, был разрушен: 4 февраля у Фрауштадта саксонская армия потерпела полное поражение от шведов. Август вынужден был с остатками разбитой армии отойти к Кракову. Положение русской армии становилось критическим. Оставался единственный выход — отвести армию из Гродно на Брест и дальше к Киеву. Переход русской армии был гениально осуществлен по оперативному плану, разработанному Петром I и его сподвижниками. Это было сделано вопреки мнению фельдмаршала Огильви, который хотел вести русские войска к Варшаве.

27 февраля Петр I отдал Огильви категорическое приказание отступить от Гродно.

Огильви, будучи противником оперативного плана Петра I, не хотел выводить армию из окружения от Гродно к русским границам. Он ведет переписку с Августом по поводу отвода русской армии к Варшаве.

Переписку с Августом Огильви держал в строжайшей тайне. О ней знали только немногие генералы из иностранцев. Но сведения о переписке дошли до Репнина, который сообщил о ней Петру. После этого Петр I со всех директив, посылаемых Огильви, приказал снимать копии и посылать их Репнину, который по существу возглавлял русскую армию. После этого Огильви вынужден был выполнять приказы Петра I.

22 марта на Немане тронулся лед. На другой день Огильви переправил русскую армию на левый берег Немана и выступил к Бресту, куда она и прибыла 4 апреля. Между тем построенный Карлом XII выше Гродно мост был разрушен ледоходом, и шведская армия смогла перейти Неман только 3 апреля. Карл XII, предугадывая путь отступления русской армии, решил двинуть свои войска для

преследования наперерез к Пинску. Но, несмотря на форсированный марш, он не мог догнать русской армии, так как она уже успела пройти Ковель, в то время как Карл XII подходил к Пинску. У Пинска шведская армия простояла целый месяц, а затем перешла в Луцк и Дубно, на Волыни.

Карл XII, убедившись в том, что русская армия удачно выскользнула из-под его ударов, решил вновь все свои силы бросить против Августа II и нанести ему окончательный удар в его владениях. В сентябре 1706 г. шведская армия была уже под Лейпцигом.

Август II, боясь потерять не только польскую корону, но и свои наследственные владения, капитулировал перед Карлом и 24 сентября 1706 г. заключил унизительный мирный договор в Альтрандштадте. Он отрекся от польской короны, признав Станислава Лещинского королем Польши и Литвы. Кроме того, он согласился выдать всех пленных и уплатить большую контрибуцию и отказался от союза с Петром I.

Теперь Петр I остался без союзников. Всю тяжесть войны со шведами Русскому государству предстояло взять на себя.

Несмотря на успех русской армии в Прибалтике, внешнеполитическое положение Русского государства продолжало оставаться тяжелым. В особенности осложнилось положение в связи с выходом из союза Августа II. Международная обстановка требовала исключительного напряжения от русских дипломатов, поставив перед ними очень сложную задачу: во что бы то ни стало изолировать Швецию, не дав ей возможности использовать в борьбе с Россией Польшу и Турцию. Надо было парализовать происки шведского короля, который добивался от западноевропейских государств, в особенности от Англии и Голландии, материальной помощи для войны против России.

В центре внимания русской дипломатии стоял вопрос о союзниках. Надо было всеми мерами удержать в союзе Августа и его сторонников в Польше.

Петр I принимает все усилия к тому, чтобы поддержать Сандомирскую конфедерацию, во главе которой стоял сторонник Петра I коронный гетман Адам Синявский.

7 февраля 1707 г. в городе Львове Сандомирская конфедерация на своем совете подтвердила отрицательное отношение к Станиславу Лещинскому и возобновила военный договор с Россией. Это была крупная дипломатическая победа России. Шведский король вынужден был держать в Польше усиленный корпус Крассау для того, чтобы поддерживать своего ставленника Станислава Лещинского. Хотя Карл XII и рассчитывал на Польшу, но он не мог использовать войска Лещинского, ибо тот мог держаться у власти только при помощи штыков.

В это же время не в меньшей, а еще в бо́льшей степени для Русского государства было важно не допустить сближения Швеции с Турцией. На протяжении 1706—1708 гг., а в особенности накануне Полтавской битвы, шведский король ведет усиленный дипломатический нажим на Турцию, добиваясь вовлечения ее в войну против России.

Русская дипломатия предпринимала меры (правда, не всегда удачные) против признания Станислава Лещинского западноевропейскими государствами. Русский посол в Англии Матвеев по этому вопросу делал представления Англии, Франции, Голландии, Пруссии. Ему удалось временно отсрочить признание Станислава этими странами.

Куракин посетил Рим, чтобы отклонить папу от признания Лещинского королем Польши. Ему удалось добиться только устного ответа от папы, что им Станислав Лещинский не будет признан до тех пор, пока он не будет признан всей Польшей.

Несмотря на усилия, предпринятые русской дипломатией, Станислав Лещинский все же был признан Англией, Австрией, Пруссией, Францией и Римом.

Правда, после успехов русской армии в Прибалтике отношение к России несколько улучшилось.

Таково было внешнеполитическое положение Русского государства к моменту вторжения шведов в Россию.

Так как Петру I долгое время было неизвестно о том, что Август ведет сепаратные переговоры о мире с Карлом XII, то он продолжал заботиться об оказании помощи своему союзнику. Для этой цели русская армия из Киева была выведена на Волынь и в конце ноября расположилась на зимних квартирах в следующем порядке: у Острога — пехота под начальством Шереметева, у Жолкиева — кавалерия Меншикова. У Полоцка для наблюдения за Левенгауптом, находившимся в Риге, был оставлен отряд Алларта. Петербург прикрывался войсками Апраксина.

Позднее Петру стало известно, что Август заключил мирный договор с Карлом XII и отказался от союза с Россией. Встревоженный столь неожиданным сообщением, Петр I из Нарвы быстро направился к армии. Положение становилось затруднительным.

Для разработки мероприятий по обороне государственных границ в конце декабря 1706 г. Петр I собрал в Жолкиеве генеральный совет высших военных начальников. На нем обсуждался подробный план кампании, составленный фельдмаршалом Шереметевым. После длительного обсуждения было принято решение «встретить противника в Польше», но боя «в Польше не давать, понеже ежелиб какое несчастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду, и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах и партиями, также оголожение провианта и фуражу, томить неприятеля»[1].

Этот план был единственным средством, которым можно было охладить пыл зарвавшихся шведских захватчиков. Он учитывал состояние русской армии и наличие средств борьбы в стране, а также и характер противника, который почти не беспокоился об устройстве правильного сообщения армии с базой снабжения, проходил по завоеванной стране, «как корабль по морю, не оставляя за собой никакого следа», продовольствовался тем, что попадало

---

[1] *ГАФКЭ*, Журнал походов Петра I, д. № 44/63, л. 57, об. 58.

под руки, и грабил порабощенное им население. План предусматривал активную оборону государственных границ с учетом всех материальных ресурсов страны.

Пользуясь продолжительным пребыванием шведов в Саксонии, Петр предпринимает ряд срочных мер для организации обороны границ на случай вторжения шведов в Россию. 31 января 1707 г. он писал Апраксину: «Уже нам то подлинно известно, что сия война под одними нами осталась: того для ничто так не надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель силою, а паче лукавым обманом не впал; и хотя еще и не думает из Саксонии итти, однако ж все лучше заранее управить и от внутреннего разорения охранить. Ничем, чаю, так сего избежать, как дать указ: дабы в начале весны от границы на 200 верст, между Псковом, Смоленском и Черкасским городами, ни у кого явно хлеб и сено ни в житницах, ни в гумнах не стояли и спрятаны были в лесах, от больших дорог место заготовить для того, ежели неприятель, обошед войско, похочет впасть внутрь, то нигде ничего не найдет, и захваченный войском сзади, сам не рад будет своему начинанию. Сие надлежит заранее людям объявить, чтоб не было сомнения или страха, как и в прошлом году от линейного дела; а если заранее уведают, то в несколько недель обмыслятся и успокоятся; хотя и впрямь то впадение последует, людям не так будет страшно, понеже давно уже ведали; к тому же и убытка такого не понесут от неприятеля. И сие несколькими персонами, кому надлежит ведать и которые имеют рассуждение, объяви, а не всем, и указа о том послать в первых числах апреля»[1].

Западные границы Русского государства приводились в боевую готовность.

На всем протяжении двухсотверстной пограничной полосы от Пскова через Смоленск приказывалось создать оборонительные линии путем завала дорог в лесах и сооружения специальных укреплений на перекрестках важнейших дорог. Жителям пограничной полосы предлагалось приготовиться к выселению внутрь страны.

Были приняты меры по борьбе со шпионажем. «Слободских (Немецкой слободы. — *Б. Т.)* иноземцев каждого народа меж собою перепоручить, а по ком поруки не будет, тотчас выслать к городу Архангельску, и отголь на кораблях, а ежели из мастеровых, по ком поруки не будет, послать в Казань»[2].

К весне 1707 г. Петр решил перевести армию из Волыни на северо-западный театр к Полесью в целях прикрытия путей на Петербург и Москву. Между тем Карл XII, пополнив свою армию и доведя ее до 50 тысяч, 11 сентября перешел польскую границу и остановился в Слуцке, где и пробыл до начала ноября.

Как только подмерзли дороги и лед сковал реки, Карл XII в конце декабря перешел у Влоцлавска Вислу и направился к Гродно, а 26 января 1708 г. занял его. Шведы после трехдневного стояния в Гродно двинулись на Сморгонь, стремясь догнать и разбить отступающую русскую армию. Однако это им не удалось.

---

[1] *ГАФКЭ*, Фонд № 9, д. № 24, т. I, л. 95.
[2] *ГАФКЭ*, Кабинет Петра I, д. № 54, л. 474.

Русская армия успешно вышла из-под удара шведских войск и к весне 1708 г. расположилась на широком фронте вблизи границы, основательно подготовленной к обороне. Порядок расположения был следующий:

1) Армия Шереметева — 57 500 человек — сосредоточилась около Витебска, за рекой Уллою; она занимала г. Борисов, конница генерала Гольца наблюдала за рекой Березиной.

2) В Ингрии продолжал оперировать 50-тысячный корпус Апраксина.

3) Наблюдение за Ригой поручалось 16-тысячному корпусу Боура.

4) Войска князя Голицына были расположены гарнизонами в Киеве, Чернигове, Нежине и Переяславле.

Кроме того, оборона Украины поручалась украинским казакам с гетманом Мазепой во главе, в помощь которому была выделена русская бригада в составе 2 тысяч человек.

Так как Карл XII всегда стремился держать русских в неизвестности, куда он хочет нанести главный удар, то такой порядок расположения давал возможность быстро сосредоточить силы при необходимости маневра, если бы шведы двинулись либо к Днепру, по направлению к Москве, либо к Петербургу.

К моменту решительной схватки со шведами Русское государство уже располагало 135-тысячной регулярной армией. Только в Польше к моменту вторжения шведов в Россию русские имели армию в составе 99 994 человека[1]. Руководство армией находилось в руках талантливых полководцев — Шереметева, который командовал всей русской пехотой, и Меншикова, стоявшего во главе конницы.

Выбор оборонительной линии за рекой Уллой был удачен, так как дислокация армии позволяла русскому командованию преграждать операционные направления шведской армии через Могилев, Смоленск на Москву и через Полоцк в Ингерманландию.

Главной целью шведского короля было взятие сердца России — Москвы.

12 февраля (нового стиля) 1708 г. саксонский резидент в Берлине Вестфаль писал своему правительству, что «большая часть писем с театра военных действий говорит о намерении Карла XII соединить свою армию с армией Левенгаупта, дабы затем перейти в наступление, разбить русских и потом двинуться прямо на Москву».

Тайно присланный Августом II в русский лагерь агент рассказал, что Карл XII «за 10 недель до похода из Саксонии поверил бывшему королю польскому за секрет (тогда они были еще очень согласны), что прямым путем пойдет в Московское государство, и как скоро вступит в столицу, созовет всех бояр и господ, разделит им царство на воеводства, обяжет их покинуть иноземное ружье и мундиры и учредит войско по старому»[2]. Шведы хотели свести Русское государство на положение колонии, задержать его экономическое и политическое развитие и отбросить на несколько столетий

---

[1] *ГАФКЭ*, Шведские дела, 1708 г., д. № 8, л. 1—2.

[2] «Древняя и новая Россия», т. I, стр. 6.

назад. Этой цели, которую ставили шведы при вторжении в Россию, была подчинена и стратегия Карла XII.

В русской и шведской историографии очень долго существовало мнение, что якобы до Сморгони Карл XII намеревался вести свою армию на Москву окружным путем: через Псков и Петербург с оттеснением русских от берегов Финского залива. Только привлечение новых материалов позволило выяснить оперативно-стратегический план Карла XII[1].

«В никаких источниках нельзя найти доказательств того, будто Карл XII когда бы то ни было думал двинуться на остзейские провинции, что в самых действиях Карла нельзя заметить никаких следов подобного плана», — пишет шведский историк Стилле[2].

Отсюда становится понятным, почему Карл XII прижимает русскую армию к Днепру.

С наступлением весны русские усиленно готовились к решительной борьбе со шведами.

В Бешенковичах на заседании военного совета было решено: если Карл XII двинется на соединение с Левенгауптом для действия в Прибалтике, то на помощь Боуру выслать полевую армию.

Если король вызовет на помощь себе Левенгаупта, то действовать Левенгаупту в тыл.

Если шведы станут наступать в трех разных направлениях, тогда бить шведов по частям. Движение шведов на Киев русские военачальники считали маловероятным.

Решение военного совета в Бешенковичах показывает, что русское командование было в исключительно трудном положении. Оно не знало точно намерений Карла XII и поэтому принимало меры к тому, чтобы быть готовым дать отпор противнику в любом направлении. Однако дальновидный сподвижник Петра Меншиков указывал на большую вероятность движения шведов на Смоленск и Москву. Предположения Меншикова были правильны.

Решения последующих военных консилий раскрывали два важных обстоятельства: 1) Карл XII держит в строжайшей тайне свой оперативный план и не показывает предполагаемого движения своей группировки сил; 2) русское командование находится в неизвестности о плане движения шведского короля.

Стратегический план вторжения на территорию Русского государства, разработанный Карлом XII еще в Саксонии, был один: в ближайшее время и кратчайшим путем достигнуть Москвы. Но в ход выполнения этого стратегического плана героическая борьба русской армии, а также белорусского и украинского народов внесла коренные поправки, и Карл XII в целях выполнения основного стратегического плана вынужден был изменять частные оперативные планы.

В начале июня 1708 г. Карл XII, имея трехмесячный запас продовольствия, выступил из Радошковичей, где находилась его глав-

---

[1] Подробное освещение этого вопроса нами дано в ст. «Вторгненiя Карла XII в Бiлоруссiю i на Украïну» в трудах научной сессии Института истории Украины, посвященной 230-летию Полтавской битвы, Киев, 1940 г.

[2] *А. Стилле*, Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг., стр. 28.

ная квартира, в направлении к Минску, откуда 7 июня 1708 г. начал двигаться к Березине. Не решаясь форсировать переправу у Борисова, он пошел южнее на местечко Березино и 14 июня передовыми частями форсировал Березину, а 17 июня вся шведская армия находилась уже на левом берегу реки.

Русская армия после отступления расположилась на Головчинской позиции по линии реки Бабич, прикрывая пути на Могилев, Шклов и Копысь. Она заняла все переправы. Это привело к рассредоточению русских войск более чем на 10 верст по фронту.

Правый фланг, который занимали Шереметев с 13 пехотными полками и Меншиков с 11 драгунскими полками, болотистым пространством был отрезан от центра, где располагался Репнин с 9 пехотными и 3 драгунскими полками. Левый фланг князя Голицына с 10 драгунскими полками также болотами был отрезан от центра.

Карл XII не замедлил этим воспользоваться и 3 июля внезапно обрушился на дивизию Репнина, стоявшую в центре позиции. В два часа дня был открыт ураганный артиллерийский огонь, и через два часа шведская пехота, переправившись в брод через Бабич, пошла в атаку.

Дивизия Репнина оказывала решительное сопротивление, но, вследствие значительного превосходства сил противника и невозможности своевременно получить поддержку, вынуждена была отступить. Вслед за ней после прорыва центра отступили и остальные части русской армии к Днепру. 5 июля они переправились через Днепр.

8 июля шведская армия вступила в Могилев.

Однако этот частичный успех очень дорого обошелся шведам, они потеряли много солдат убитыми и ранеными, в особенности было много перебито шведских офицеров.

Это было первое боевое крещение русской армии после Нарвы. Хотя бой у Головчина и обнаружил еще ряд недостатков в управлении войсками, но уже было ясно, что русские могут вступать в единоборство со шведами, и Петр I заметил это: «я зело благодарю бога прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от сей его армии одна наша треть так выдержала и отошла» [1].

После Головчинской битвы инициатива в боевых операциях переходит к русским. После нее шведы не дали ни одного значительного сражения, в котором они имели бы успех. Это показывает весь ход развернувшихся боевых операций после Головчина.

Шведы стали более осторожны, и не случайно, что они задержались в Могилеве до 5 августа в ожидании корпуса Левенгаупта, который 3 июня получил приказ о выступлении.

Между тем русским удалось узнать, что «неприятель по ведомости марширует к Могилеву». Поэтому 6 июля в Шклове на военном совете было решено «пехоте всей итить к Горкам с артиллериею и с обозами; а когда невозможность явится оного переправления через Днепр возбранить и тогда уступать и коннице каждой дивизии куда

[1] *И. И. Голиков,* Деяния Петра Великого, т. XI, стр. 387.

способнее добрым порядком до Горок, и тамо, соединясь с пехотою, смотреть на неприятельские обороты и куды обратится — к Смоленску или к Украине — трудиться его упреждать»[1].

Шереметев во всей полноте начинает развертывать свой военный талант. На генеральной консилии в Шклове он внес «предложение», в котором во всех деталях был разработан порядок обеспечения отхода русской армии к Горкам, а также и мероприятия для задержания шведов на некоторое время за Днепром.

В «предложении» намечалось разобрать мосты через Днепр и материал спрятать в воде, провиант из днепровских городов отправить в тыл; артиллерию и боеприпасы отвести к Смоленску. Особенное внимание в своем «предложении» Шереметев обращал на организацию тыла, снабжение армии боевыми припасами и продовольствием.

Для прикрытия сосредоточения русской армии в районе Горок по линии Днепра от Могилева до Шклова были оставлены отряды конницы.

В то же время дождаться корпуса Левенгаупта Карл не мог, так как тот двигался крайне медленно.

Но главная причина, которая заставила шведского короля выступить из Могилева, состояла в том, что русские отряды основательно беспокоили шведскую армию; они переходили через Днепр и нападали на отдельные шведские части, а в особенности доставалось фуражирским отрядам, уходящим от главных сил для добычи продовольствия. Многие из них обратно не возвращались.

Трудности для шведской армии возрастали: продовольствия для армии взять было негде, она с каждым днем таяла от частичных нападений русских частей и крестьянских партизанских отрядов.

Эти причины заставили Карла торопиться с выступлением, не дождавшись Левенгаупта.

4—6 августа Карл XII переправился через Днепр и двинул свою армию к Черикову в обход главной русской позиции близ Горок. Он не собирался давать генерального сражения до тех пор, пока не произойдет соединения с корпусом Левенгаупта для решительного движения вперед, т. е. на Москву.

Однако королю не удалось совершить обход русской армии. Петр успел передвинуть главные силы из Горок к Мстиславлю и передовые части сосредоточил у села Доброе, занял там позицию, прикрываемую болотистой рекой Белая Натопа.

26 августа 1708 г. на военном совете в деревне Подлужье было решено «как кавалерию, так и пехотные полки разделить на три дивизии и стоять (из них каждой) на определенных местах, а именно: первая дивизия генерал-фельдмаршала Шереметева; вторая — генерала от кавалерии светлейшего князя Меншикова; третья — фельдмаршала лейтенанта Гольца, которые в то время каждый до своего пошел места»[2].

---

[1] *ГАФКЭ*, Кабинет Петра I, д. № 8, л. 557; Шведские дела, 1708 г., д. № 8, л. 151.

[2] *ГАФКЭ*, Журнал Петра I, д. № 15, л. 62, 1702—1711.

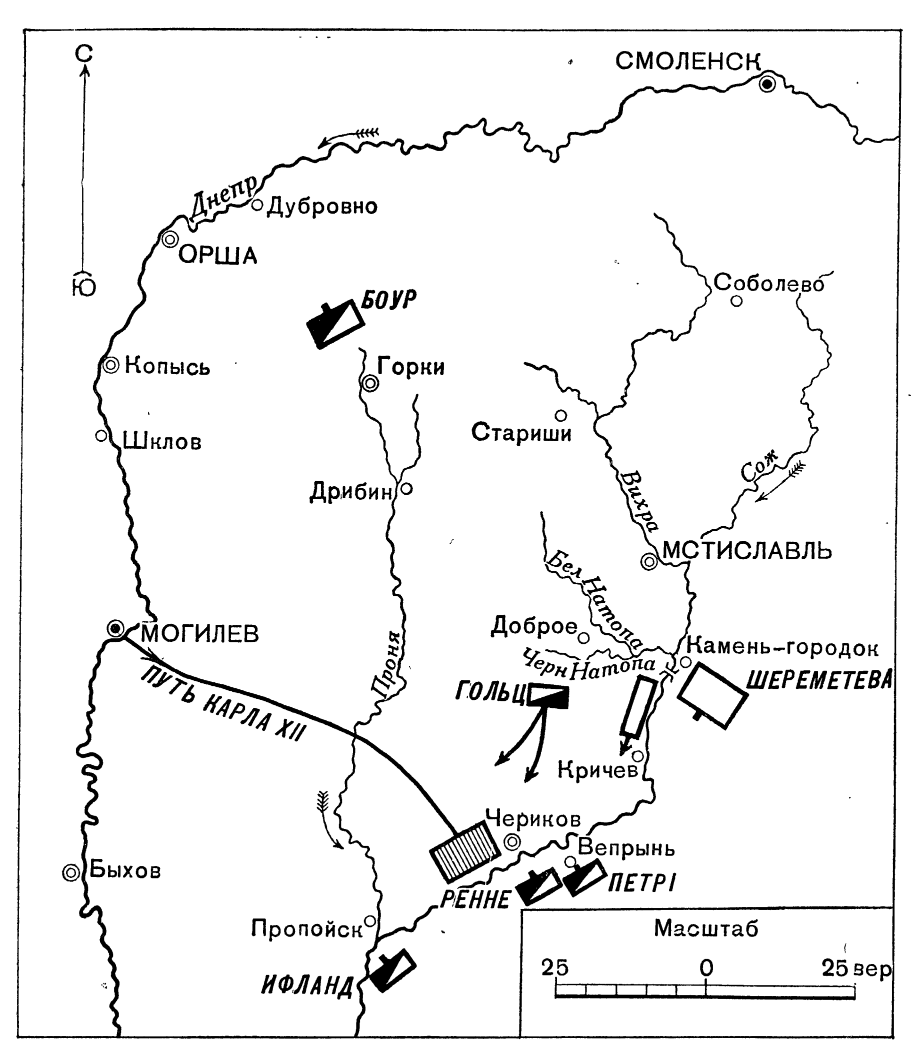

Схема 5. *Положение сторон 21 августа 1708 г.*

Такое решение обусловливалось тем, что русское командование, не зная, куда может продвигаться противник, решило бить шведов по частям. А для того, чтобы быть более мобильной, русская армия была разделена на три дивизии.

Между тем 22 августа от Черикова шведы повернули на Мстиславль, преследуя цель решительного продвижения к Смоленску. По течению Черной Натопы к Молятичам следовал шведский авангард под начальством генерала Росса. Местные крестьяне сообщили в русский лагерь о движении шведов на север. Такое движение Росса угрожало обходом позиции русских в направлении на Смо-

ленск. «Того ради на отправленном генеральном консилии заблагорассудили онного... атаковать»[1].

Ввиду выдвижения колонны Росса от главных сил вперед Петр решил произвести внезапное нападение. В ночь на 30 августа Голицын, сопровождаемый проводником из местных жителей, 8 батальонами атаковал шведский авангард у села Доброе.

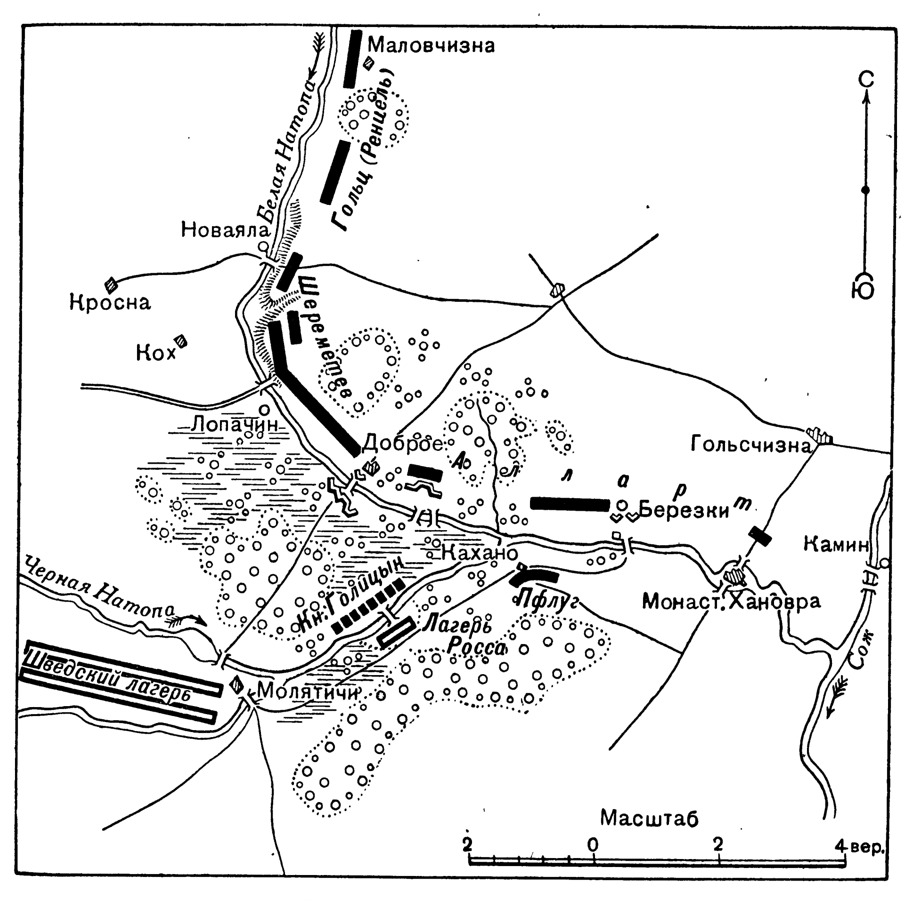

Схема 6. *Бой у с. Доброе*

Бой продолжался два часа. Шведы дрогнули, и только подоспевшие главные силы спасли часть колонны Росса. Об исходе битвы Петр писал своим приближенным: «По двучасном непрестанном огне Голицын и Флюк неприятелей сбили и с 3 000 трупов, кроме раненых, положили знамена и прочее подобрали. Потом король шведский сам на сикурс пришол, однако же наши отошли от них, кроме разорения строю (т. е. в порядке.— *Б. Т.*). Надежно вашей милости пишу, что я как почал служить, такого огня и поря-

[1] *ГАФКЭ*, Журнал походов Петра I, д. 44/63, л. 65 об.

дочного действия от наших солдат не слыхал и не видал (дай боже и впредь так!) и такого еще в сей войне король Шведский ни от кого сам не видал»[1].

Так был нанесен первый удар авангарду шведской армии вторжения. Ей не удалось осуществить обход русской армии на Смоленск, и она после этого сумела только к 10 сентября продвинуться к старой русской границе до деревни Стариши к юго-западу от Смоленска.

Русская армия отступила за реки Вихра и Городня и, прикрываясь ими, заняла оборонительные позиции. Командование русской армии прочно укрепило эти позиции. В сооружении укреплений принимало активное участие местное население — русские и белорусские крестьяне. Оборонительную линию прикрывали укрепленные пункты с передовыми отрядами у деревень Раевка и Стариши. Главные силы русской армии были сосредоточены у села Соболево.

После того как русские нанесли удар по шведам и сорвали намеченный ими обход, шведы двинулись к русской границе и заняли позицию перед рекой Вихрой фронтом на северо-восток. Для занятия этой позиции им пришлось дать бой у деревень Медведовка и Раевка, которые прикрывали переправы через реку. Они встретили здесь решительное сопротивление со стороны русских войск.

9 сентября авангард шведских войск начал наступление на д. Раевка — важный опорный пункт, прикрывавший главные силы русской армии. Пункт занимался небольшим русским отрядом, который стойко сопротивлялся вражеским попыткам овладеть деревней. Шведы не могли взять опорного пункта. Тогда Карл XII решил выступить сам во главе главных сил для того, чтобы овладеть этим пунктом. Небольшой отряд русской кавалерии оказал исключительно упорное сопротивление. Бой продолжался с переменным успехом около двух часов.

В этом бою под Карлом XII была ранена лошадь, а сам он едва не попал в плен.

Русский отряд, успешно выполнив свою задачу и видя, что против него двинуты уже главные силы шведов, был вынужден отойти в направлении к Кадино, хотя и продолжал задерживать продвижение шведского авангарда. Шведы потеряли в этом бою около 1 500 человек; трофеями русских были одно знамя и больше сотни пленных. Русские потеряли убитыми и ранеными только 106 человек.

Шведским захватчикам при подходе к старой русской государственной границе был дан решительный отпор. Дальше продвигаться они не решились. Им нужно было форсировать реки Вихра и Городня, за которыми русские возвели сильные оборонительные укрепления. Первые стычки с отрядом прикрытия этой оборонительной линии показали шведам, что русские будут упорно защищать занятые позиции и что овладение ими потребует много жертв.

Хотя Карл XII и считал возможным взять эту позицию, но он, очевидно, понял, что это будет «Пиррова победа», которая не даст ему возможности достичь намеченной цели — взять Москву и в ней

---

[1] *И. И. Голиков,* Деяния Петра Великого, т. XI, стр. 406.

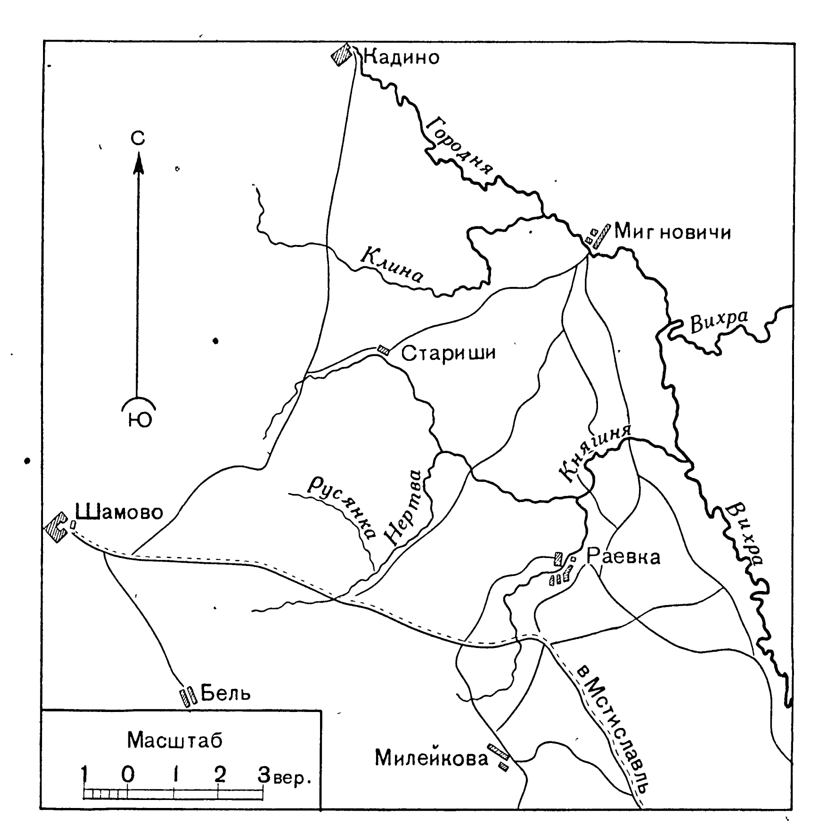

Схема 7. *Окрестности д. Раевки*

«по-саксонски» продиктовать условия мира. А ведь на этом пути предстояла еще осада Смоленска и самой Москвы.

Кроме того, при подходе к рубежам Смоленщины шведы были встречены местными жителями враждебно. Для того чтобы ничего не досталось захватчикам, они заранее зарыли свой хлеб в ямы, увели свой скот и сами ушли в леса. Население мужественно оказывало помощь русской армии. Оно истребляло небольшие шведские отряды, направленные на фуражировку, а многие из местных жителей вступали в ряды армии. Пылала под ногами захватчиков та земля, куда вступала шведская армия. Напрасно Карл XII питал надежду, что русские с вторжением его на их территорию не будут подвергать свою землю такому опустошению, какое он встречал до сих пор на протяжении своего пути в Россию. Однако русская конница на предполагаемом пути движения шведов продолжала сжигать все запасы продовольствия, строения и даже хлеб, стоящий на корню. Подходившие к рубежам Смоленщины шведские отряды наблюдали постоянное зарево от пылающих деревень.

Положение шведской армии, достигнувшей русской границы, становилось все более и более критическим. Подлинно достоверных сведений, где находится Левенгаупт, не было, и наладить связь с ним было

почти невозможно, так как в районе между его отрядом и основными силами шведской армии действовала русская конница и захватывала в плен шведских курьеров. Шведская армия, страдая от голода и, неся потери в отдельных стычках с русскими, заметно таяла.

Путь, пройденный шведами от Польши и до старой русской государственной границы, был покрыт трупами убитых и умерших от голода, массу больных они оставили в попутных деревнях. Положение шведов в разоренном крае делалось все более и более тяжелым. Дело доходило до того, что солдаты собирали с полей колосья и молотили их между камнями. Кроме того, пошли беспрерывные дожди, от них негде было ни укрыться, ни высушиться. Скоро начали появляться, как следствие сырости и плохого питания, болезни, но для лечения больных нехватало медикаментов. Шведские солдаты говорили, что у них три доктора: «доктор Водка, доктор Чеснок и доктор Смерть».

Как уже указывалось, русская армия заняла укрепленную позицию по рубежу рек Вихра, Городня, сосредоточила главные силы у деревни Соболево и готова была оказать решительное сопротивление шведским захватчикам.

Вот здесь-то у шведского короля, всегда самостоятельного в своих действиях и самонадеянного, появилась растерянность. Он начал колебаться в своих решениях. Собранный им военный совет показал замешательство, растерянность его генералитета. Некоторые из генералов предлагали вернуться к Могилеву и там дождаться Левенгаупта. Раздавались голоса и за продолжение наступления к Смоленску.

При создавшейся крайне невыгодной для Карла XII обстановке он должен был решить, как действовать дальше, чтобы достичь поставленной цели — захватить Москву. Главная задача, которая стояла перед королем, — выбор позиции, где можно было дать бой русской армии.

Перед Петром также стояла задача, где принять этот бой. Русские были готовы оказать решительное сопротивление шведам на дальних подступах к Смоленску. Этого не мог не заметить такой опытный полководец, как шведский король.

Не желая давать бой в неблагоприятной для себя обстановке, он решил повернуть на юг, чтобы там при лучших условиях дать русским генеральное сражение. Для этой цели он хотел быстро оторваться от русской армии и, присоединив к своим войскам корпус Левенгаупта, на который он возлагал большие надежды, прорваться через оборонительную линию в центральные районы России. Если же это не удастся, то итти на Украину.

На Украине Карл XII надеялся подкрепить свою армию свежими силами гетмана Мазепы и частично польскими войсками. Кроме того, своим движением на Украину Карл XII надеялся вызвать выступление против России крымских татар и Турции. Таков был план шведов в связи с поворотом их на юг.

Отказ Карла XII от прямого похода на Москву являлся важным стратегическим успехом Петра I, которым русские не замедлили воспользоваться. Петр решил бить шведов по частям.

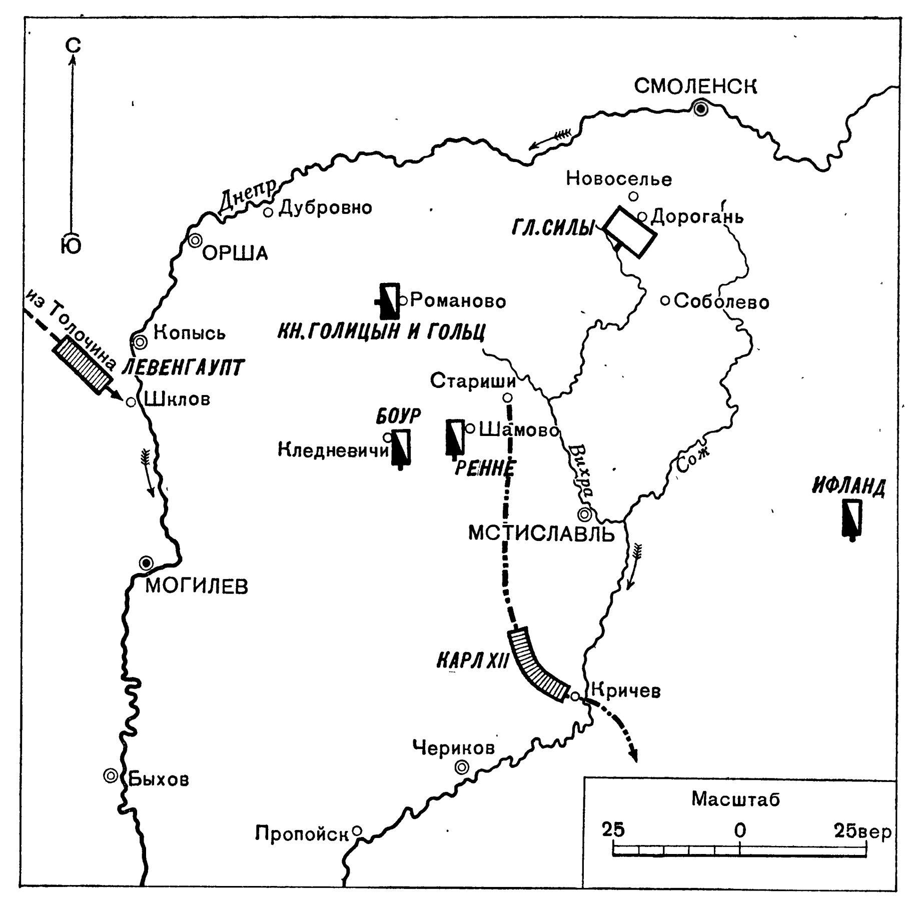

Схема 8. *Расположение сторон 18 сентября 1708 г.*

В то время когда шведы находились перед укрепленными русскими позициями, Карл XII получил известие, что «Левенгаупт находится на Днепре, другие — что он уже в Чаусах» [1].

Выполняя свой стратегический план и принимая решение повернуть армию на юг, Карл XII хотел решить три задачи:

1) присоединить корпус Левенгаупта в районе Кричева или Стародуба и пополнить свои силы количественно, в особенности материально-техническими средствами;

2) совершить прорыв в центральные районы Русского государства через Кричев, Брянск и отсюда двинуть силы на Москву;

3) ускорить переход гетмана Мазепы на свою сторону продвижением к Северским землям.

---

[1] *А. Стилле,* Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг., стр. 71.

В ночь с 13 на 14 сентября совершенно внезапно для русских Карл XII двинул свою армию обходным путем на Стародуб, чтобы потом итти через Брянск и Калугу к Москве.

Вперед был выдвинут 4-тысячный авангард Лагеркрона, которому была поставлена задача занять важнейшие пункты в Северской области — Мглин, Почеп и воспрепятствовать продвижению сюда русской армии. Лагеркрону поручалось строить мосты и наскоро исправлять дороги для шведской армии. Кроме того, ему «окончательной целью ставилось занятие Мглина и прохода у Почепа — единственного, через который русские от Смоленска могли проникнуть в Северскую землю раньше шведов или одновременно с ними» [1]. Однако крестьянин-проводник увел отряд Лагеркрона с дороги значительно правее и вывел его вместо Мглина к Стародубу, на штурм которого Лагеркрон не решился.

15 сентября король выступил с главными силами в Северскую область. 19 сентября он перешел реку Сож у Кричева. Достигнув Мглина, он узнал, что русскими уже занят Почеп. На подступах к Мглину высланный дополнительный авангард под начальством Коскуля наткнулся на русских, которые отошли к городу. Коскуль предпринял штурм города, но был отбит «занятым гарнизоном из 300 русских солдат и значительного количества вооруженных северских крестьян» [2].

Вследствие того что пройти на Мглин и Почеп было уже невозможно, Карл XII, свернув от Костюковичей к Костеничам и достигнув их 25 сентября, сделал там остановку на 14 дней. Для этого марша шведской армии пришлось потратить 10 дней. Но, несмотря на всю поспешность, Карл опоздал: Почеп был занят русскими, и выход на Калужскую дорогу находился в их руках.

Русское командование очень быстро уяснило новый оперативный план шведского короля. «Все распоряжения царя Петра при получении сведений об уходе шведов от Татарска ясно показывают, что царь понял намерение Карла выйти через Брянск на Калужскую дорогу: было приказано укрепить Брянск; два инженера были посланы из Москвы для укрепления переправ на Оке, где думали задержать шведов»[3].

Русское командование уделило большое внимание укреплению Стародуба, так как оно опасалось, что шведы именно в этом районе прорвут оборону и начнут обходное движение на Москву.

Направляясь от старой русской границы на юг, Карл XII для сопровождения своих колонн взял нескольких проводников из местных жителей, знающих хорошо дороги. Однако среди враждебно настроенного к шведским захватчикам населения он не мог найти таких проводников, которые могли бы повести шведскую армию по кратчайшему пути и по лучшим дорогам. Чтобы замедлить движение шведской армии, проводники сознательно вели шведов по бо-

---

[1] *А. Стилле,* Карл XII как стратег и тактик, стр. 29.
[2] Там же, стр. 34.
[3] Там же.

лотам и непроходимым лесам, а иногда даже уводили в сторону от тех пунктов, куда намечалось движение. Так это произошло с отрядом Лагеркрона.

Проводники при первой возможности убегали от шведов и сообщали русскому командованию ценные сведения о положении шведской армии. Эти данные представляли большую ценность для русского командования, они давали возможность быстро принимать меры, чтобы разрушить планы шведского короля.

Русскому командованию предстояло решить сложную задачу. Надо было организовать оборону рубежей на широком фронте в новом направлении, чтобы не дать шведам прорваться в центральные районы России, и надо было во что бы то ни стало предупредить возможность присоединения корпуса Левенгаупта к главным силам шведской армии.

Как только в русском лагере стало известно, что шведы снялись с занимаемых позиций, была срочно организована разведка, а затем параллельное преследование противника. На военном совете было решено: передвинуть главные силы на Рославль, Почеп, чтобы предотвратить возможность прорыва шведов на Брянск. Во главе этой колонны стоял Шереметев. В тыл шведской армии для преследования двинули 5-тысячный кавалерийский отряд Боура. Для действия против Левенгаупта сформировали особый летучий отряд «корволант», во главе которого стал сам Петр I.

Между тем 16-тысячный корпус Левенгаупта с огромнейшим транспортом продовольствия и боевых припасов медленно продвигался из Риги для соединения с главными силами. 19—20 сентября Левенгаупт переправился через Днепр у города Шклов и на основании приказа своего короля двинулся на Пропойск.

Для того чтобы ввести в заблуждение русских, он подослал шпиона в русский отряд, находившийся 19—21 сентября в местечке Романово. Шпион сообщил, что шведы якобы еще находятся за Днепром и намерены двинуться на город Орша. В русском отряде сначала поверили этим сведениям и направились к Орше, но на пути один очевидец переправы шведов у Шклова сообщил русским, что Левенгаупт уже переправился через Днепр у Шклова и двигается вдоль Днепра на юг к Пропойску.

Получив эти сведения, Петр I двинул свой отряд к району предполагаемой переправы корпуса Левенгаупта через Сож. Этот отряд должен был разгромить корпус Левенгаупта. Для организации разведки был послан Меншиков. 25 сентября он настиг Левенгаупта и выяснил, что его корпус насчитывает не 8 тысяч, как это предполагалось прежде, а почти в два раза больше. Хотя это до некоторой степени и обеспокоило Петра, он твердо решил дать бой шведам. Для усиления своих сил Петр I послал приказание Боуру, находившемуся в это время у Черикова, спешно присоединиться к отряду.

Русское командование тщательно продумало все детали предполагаемой операции: была произведена тщательная рекогносцировка местности, вызван дополнительный отряд Боура, который своевременно и прибыл на поле боя, предусмотрены меры предотвраще-

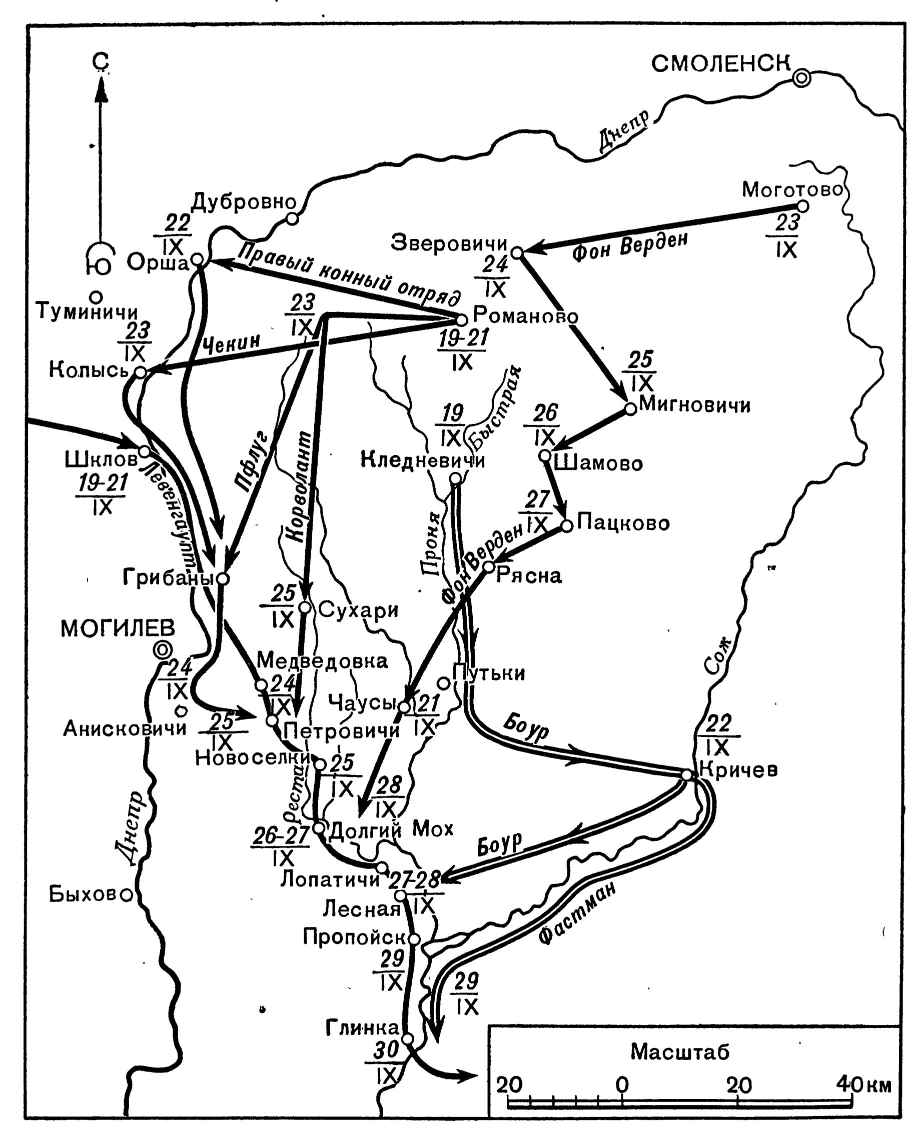

Схема 9. *Действия Петра I против Левенгаупта*

ния переправы транспорта шведов у Пропойска, с этой целью туда был послан из Кричева Фастман.

Как только Левенгаупт узнал о близости русских, он срочно принял меры для спасения своего транспорта с боевыми припасами. Под прикрытием 3-тысячного авангарда он направил его к Пропойску, а сам с главными силами своего отряда занял оборонительную позицию у деревни Долгий Мох, чтобы задержать рус-

ских при переправе через речку Реста. Здесь он продержался до вечера 27 сентября, а затем под прикрытием темноты отступил и занял оборонительную позицию у деревни Лесная.

Деревня Лесная находилась на левом берегу болотистой речки Леснянки. Поляна, окружавшая деревню, была размером 1 квадратный километр и представляла собой небольшую возвышенность, расположенную к западу, северу и востоку от деревни. С севера и запада поляна замыкалась большим лесом. С северо-запада, в направлении к деревне Лопатичи, был перелесок, а за ним находилась другая небольшая поляна, за которой тянулся большой труднопроходимый лес с небольшими речками и болотами.

Имевшийся между большой и малой полянами перелесок давал возможность войскам скрытно подходить с любого направления. Со стороны деревни Лопатичи, от которой должны были двигаться русские войска, вели две дороги: одна — на деревню Лесная, вторая — к Пропойску. Из них восточная проходила через обе поляны, перелесок и через речку Леснянка, а западнее ее через лес тянулась проселочная дорога. Обе дороги были связаны между собой проселочными поперечными дорогами.

С востока к деревне Лесная подходила дорога со стороны Кричева, по которой шел Боур. По правому берегу речки Леснянка находился большой лес, через который шла дорога на Пропойск, по ней двигалась шведская армия.

Таким образом, местность, выбранная Левенгауптом, была удобна для действий шведской армии, но вследствие отсутствия достаточного количества опорных пунктов эта позиция не могла обеспечить ведение упорного боя, она скорее была выгодна для авангардного боя, который и должен был произойти по замыслу Левенгаупта.

Левенгаупт это прекрасно понимал и в ожидании наступления русских предпочитал дать бой на позиции у деревни Лесная, чем быть внезапно атакованным на марше где-либо в болотистом лесу, в районе между Лесной и Пропойском.

Шведы передовым отрядом в шесть батальонов заняли перелесок и за ним заняли оборону. В тылу позиции они устроили из повозок «вагенбург», который примыкал флангами к речке Леснянка.

Оборона шведов имела два крупных недостатка: путь отступления на Пропойск прикрывался только левым флангом; «вагенбург», устроенный восточнее дороги, не прикрывал пути вероятного отступления. Вследствие этого левый фланг позиции, имевший наиболее важное значение, был слабо укреплен.

На рассвете 28 сентября, согласно решению военного совета, «корволант» Петра переправился через Ресту и двинулся за шведами на Лопатичи и Лесную. Для обеспечения тыла, а также для переправы через р. Реста, что было особенно важно в связи с тем, что от Чаус ожидалось прибытие дивизии фон-Вердена, был оставлен отряд в тысячу драгун под командованием полковника Кемпеля.

Вскоре после переправы русского отряда разведка донесла, что шведы расположились на поляне у деревни Лесная. Чтобы двинуться в направлении района группировки шведских войск, предстояло совершить марш по пересеченной местности, поэтому Петр

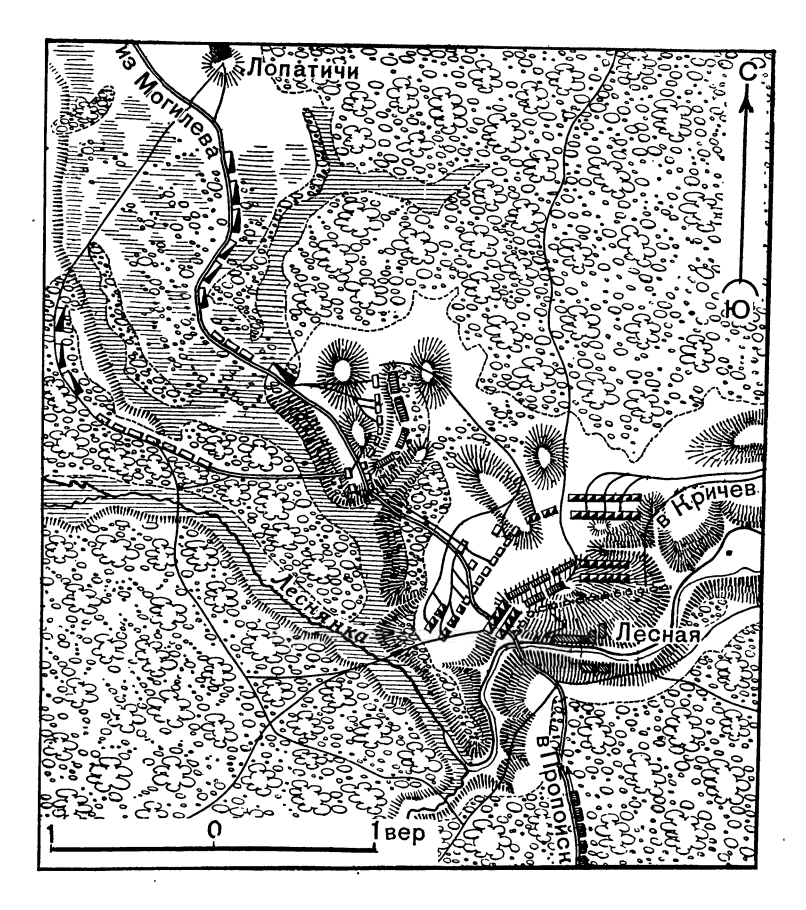

Схема 10. *Бой при д. Лесная 28 сентября 1708 г.*

приказал подыскать проводника из местных жителей, который мог бы незаметно для шведов подвести русских к лагерю противника.

По указанию проводника «корволант» подошел к деревне Лопатичи. Здесь выяснилось, что к укрепленному лагерю шведов можно подойти по двум дорогам. Этими дорогами и воспользовались русские.

Петр решил нанести удар своим правым флангом. С этой целью он разделил «корволант» на две колонны. В состав первой колонны, находившейся под командованием Петра, входили гвардейские полки, один батальон Астраханского полка и три драгунских полка, во вторую — два пехотных полка, шесть драгунских и лейб-регимент Меншикова. Силы колонн были почти равны.

Колонны, пройдя 2½—3 километра от деревни Лопатичи, вышли головными частями к поляне, начали спешиваться и принимать боевой порядок для наступления. Однако закончить развертывание не удалось.

Шведы, занимавшие передовым отрядом перелесок перед поляной, внезапно обрушились шестью батальонами на ближайшую левую колонну русских и завязали авангардный бой. Головная часть левой колонны, неся большие потери, упорно сдерживала противника и прикрывала дорогу, запруженную войсками, не успевшими еще развернуться.

Но, имея превосходство в силах, противник охватил своим правым флангом русских, и левая колонна оказалась в тяжелом положении. По приказанию Петра на помощь подоспели уже готовые к бою передовые части правой колонны. Семеновский полк примкнул своим левым флангом к Ингерманландскому полку и перешел в атаку на противника. Однако шведы выдержали атаку семеновцев и продолжали охватывать русских с правого фланга.

С вступлением в бой Семеновского полка превосходство шведских сил в известной мере уравновешивалось. Шведы не сумели обеспечить успешного завершения охвата русских правым флангом. Передовые части левой колонны удержались на месте. Развернувшиеся главные силы колонны скрытно приближались к левому флангу противника и, сделав несколько залпов, перешли в атаку.

Внезапный удар свежих русских сил произвел настолько сильное впечатление на шведов, что они не решились принять атаки и бросились в перелесок. Русские на плечах противника ворвались в перелесок и заняли опушку, обращенную к деревне Лесная.

Остатки разбитого отряда шведов, оставив на поле сражения четыре знамени, две пушки, много убитых и раненых, отступили на основную позицию, на которой главные силы шведов под прикрытием своей конницы приготовились к решительному бою.

«Корволант» Петра сосредоточивался на поляне и построился в боевой порядок в две линии. В центре первой линии было поставлено восемь батальонов пехоты и по два драгунских полка на флангах; во второй линии — шесть драгунских полков, размещенных попарно в трех группах, между которыми разместились батальоны пехоты. Для усиления флангов были поставлены гренадерские роты, три пехотных полка и два драгунских.

В первом часу дня русские полки лавиной двинулись в атаку на шведов. Шведы, открыв с главных позиций сильный артиллерийский и ружейный огонь, неоднократно переходили в контратаки. Три часа продолжался бой с переменным успехом, но шведы не в состоянии были остановить русских. В результате 5-часового боя силы шведских войск были надломлены. Потеряв восемь орудий и несколько знамен, большое количество убитыми и ранеными, они вынуждены были отступить с главной позиции к «вагенбургу».

Но они еще продолжали держаться у «вагенбурга», ожидая возвращения авангарда, прикрывавшего транспорт, направляющийся к Пропойску. Вследствие затяжного характера боя создался перерыв, и обе стороны ожидали помощи.

Тем временем к полю сражения подоспел отряд Боура. Петр сделал перегруппировку сил, и снова возобновился ожесточенный рукопашный бой. Русские войска стремительным ударом захватили мост по дороге на Пропойск, но в этот критический для шведов

момент прибыл с пропойской дороги их авангард, и шведы контратакой свежих сил возвратили мост. Однако восстановить позиции они уже были не в состоянии, в руках русских оставался весь их лагерь.

Только наступившая ночь и начавшаяся сильная снежная вьюга прекратили бой. В русском лагере с рассветом предполагали возобновить атаку на шведов. Но шведские генералы решили тихо и незаметно для русских сняться с «вагенбурга» и поспешить к переправе через Сож к Пропойску. Они оставили всю свою артиллерию, огромный обоз с боевыми припасами и продовольствием.

Во мраке ночи шведы отступили к Пропойску. Но здесь их ожидала новая беда: мост через Сож был уничтожен конницей Фастмана, находившейся на другой стороне реки. Кроме того, по пятам шведского арьергарда следовала русская конница, не замедлившая рассеять отступающий в беспорядке хвост шведской колонны.

Левенгаупт, частично уничтожив запасы, вынужден был бросить вторую часть транспорта. Посадив остатки своей пехоты на лошадей, он спустился вниз по течению р. Сож. И только 30 сентября в деревне Глинки ему удалось переправиться на левый берег р. Сож. А остатки разбитого корпуса потянулись на соединение со своим королем, принеся ему тяжелую весть.

У Лесной русские наголову разбили шведов. Их потери были огромны: «8 тысяч человек на месте положили»[1]; 500 человек убито при преследовании; захвачено в плен 45 офицеров и 700 нижних чинов, 17 орудий, 44 знамени и штандарта; кроме того, русским досталось 7 тысяч повозок с боевыми припасами и продовольствием. Потери русских, по сравнению со шведскими, были невелики — 1 тысяча убитых и около 3 тысяч раненых.

Левенгаупт привел к главным силам Карла XII только около 6—7 тысяч измученных и голодных солдат, которые далеко не могли восполнить потери шведов, понесенные в первый период кампании. Карл XII лишился громадных продовольственных запасов и боевых припасов, которые он надеялся получить с присоединением корпуса Левенгаупта.

Идея плана «малой войны», постепенного «частительного» разрушения и «оголаживания» противника была блестяще осуществлена русским командованием. Это обстоятельство значительно облегчило дальнейшую борьбу со шведской армией и подготовило окончательный разгром шведов под Полтавой.

Операция Петра I против Левенгаупта, завершившаяся блестящей победой русской армии у деревни Лесной, представляет много поучительного в истории развития военного искусства.

1. Выбор Петром I операционных линий после внезапного поворота Карла XII на юг отвечал всем требованиям военной науки и согласовывался с планом «частительного» уничтожения сил противника.

---

[1] *ГАФКЭ*, Журнал Петра I, д. № 15, л. 64.

2. Русским командованием хорошо была организована стратегическая разведка. Формирование самостоятельного летучего «корволанта» для разгрома корпуса Левенгаупта и вспомогательного резерва при одновременном преследовании главных сил противника является классическим образцом применения принципа — бить противника по частям и по более уязвимому месту. Такая группировка сил русской армии не влекла за собой перерыва в «частительном» уничтожении главных сил шведской армии и обеспечивала выполнение двух задач: разгром Левенгаупта и преследование шведской армии с целью предотвращения возможности прорыва Карла XII в центральную Россию.

3. Решение Петра I, принятое еще до прибытия к «корволанту» отряда Боура, атаковать шведов, несмотря на их количественное превосходство, было смелым решением, причем Петр принял меры к сосредоточению к месту боя большого количества войск.

4. Правильно определив направление главного удара, Петр I сосредоточил превосходные силы в этом месте. Удар противника был умело парирован Семеновским полком, и положение на второстепенном направлении восстановлено (принцип взаимодействия, взаимная выручка).

5. Внезапная атака противника ставила цель взять инициативу боя в свои руки и продиктовать противнику свою волю (бои за перелесок).

6. Тщательная подготовка к атаке, артиллерийские и ружейные залпы, предшествующие атакам, скрытный подход к флангу противника и внезапность атаки (бои за перелесок) — все это показывает, что Петр I придавал исключительно большое значение подготовке атаки как решающего этапа боя.

7. Обеспечение безопасности коммуникаций с тылом достигалось оставлением на переправе через р. Реста отряда Кемпеля. Парирование возможных ударов по флангам обеспечивалось усилением их гренадерскими ротами (бой на главных позициях).

Операция против Левенгаупта была гениально разработана и проведена Петром на основе глубокого понимания основных принципов военного искусства в соответствии с реальной обстановкой. В этом отношении она безусловно представляет классический образец в истории военного искусства. Эта операция тем более замечательна, что она знаменует собой завершение организационного становления русской регулярной армии.

Такой серьезный успех сильно поднял дух русских войск. Бой у Лесной показал, что русская армия научилась побеждать шведов.

«Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И по истине оная виной всех благополучных последствий России, понеже тут первая проба солдатская была, а людей, конечно, ободрила и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца счастие принесла», — писал Петр I в «Истории Свейской войны».

В действиях русской армии при осуществлении операции против Левенгаупта, кроме положительных сторон, были и недостатки.

1. Слабым местом все еще оставалась тактическая разведка. Вместо того чтобы весь район, прилегавший к Днепру между Дубровно и Могилевом, как вероятный путь движения противника, покрыть густой сетью разъездов, туда было послано только несколько партий, которые ограничились разведкой участка между Дубровно и Копысом. В штабе иногда предпочитали пользоваться сомнительными слухами о направлении движения шведов. Это привело к лишней трате времени, а о приближении Левенгаупта к Шклову узнали благодаря случайному обстоятельству.

2. С окончанием боя не было организовано ночное наблюдение за противником. Это позволило ему незаметно под покровом ночи отступить к Пропойску. Русские не сумели обеспечить немедленное преследование противника, которое несомненно привело бы к его полному разгрому.

В первых числах октября Карл XII от заблудившихся солдат из отряда Левенгаупта получил сообщение о поражении под Лесной. Потрясенный этим событием, он еще остался в Костеничах, ожидая прибытия остатков корпуса Левенгаупта. 9 октября Карл XII получил сообщение от Лагеркрона, что к нему присоединился Левенгаупт. На следующий день король выступил из Костенич и, минуя Стародуб, двумя колоннами направился к Новгород-Северскому. Однако оказалось, что этот город уже был занят сильным русским гарнизоном и основательно укреплен. Карлу XII пришлось приостановить свое движение у Горок.

Итак, попытка шведов проникнуть в глубь страны в районе Стародуба и Новгород-Северского не увенчалась успехом.

После этого шведы делают еще одну попытку прорваться на Курск, чтобы потом продолжать свое продвижение на Москву, но и эта попытка кончилась неудачей.

Дальнейшее движение шведов на Украину было связано с большими трудностями: предстояло форсировать Десну, оборонительную линию по которой прикрывала русская армия, следовавшая на юг параллельно движению шведов.

В то время когда шведы сделали остановку у Горок, к ним 28 октября прибыл гетман Мазепа. «Хитрый Мазепа до сих пор держался выжидательной политики до выяснения вопроса, кто одолеет в борьбе, но когда Карл вошел в Северщину, гетману стало трудно продолжать ту же игру, а когда король из северной части Северщины пошел на юг, Мазепе пришлось определенно выбирать между той или другой стороной»[1].

После некоторого колебания 25 октября Мазепа вышел из Батурина, перешел Десну у Оболони и пошел на север, осторожно держась на некотором расстоянии от линии Десны. 27 октября он встретился у Орловки со шведским отрядом, а 29-го произошло первое свидание Мазепы с Карлом. С Мазепой было немного более 2 тысяч казаков, да и их гетман увел за собою обманным путем.

---

[1] *А. Стилле,* Карл XII как стратег и тактик, стр. 42.

Измена Мазепы Русскому государству крайне обрадовала шведского короля, он снова воспрянул духом после поражений, нанесенных ему русскими войсками. Карл XII думал, что с переходом на его сторону Мазепы он сумеет получить солидную воинскую силу, а главное, на что надеялся король, — это приобрести богатую материальную базу и спокойные зимние квартиры на Украине.

Однако эти надежды повисли в воздухе. Гетману не удалось увлечь за собой украинских казаков. Украинский народ не пошел за изменником Мазепой и враждебно отнесся к шведским захватчикам.

Население городов и сел Украины дало клятвенное обещание упорно бороться со шведами и быть верным русскому правительству. Так, например, жители города Лубны в своем обещании заявляли: «Жебраем (просим. — *Б. Т.)* милости и его же отдаемся благостинне, будучи всегдашними верствующими подданными и подножками»[1].

Такие же клятвенные обещания давали жители других городов.

На протяжении зимы и весны 1708/09 г. украинский народ помогал русской армии уничтожать шведов, пока, наконец, под Полтавой не помог довершить их разгром, одержав окончательную победу.

В тот день, когда в шведский лагерь прибыл Мазепа, Петр I приехал в главную квартиру русской армии, находившуюся в Погребках. Здесь на военном совете 30 октября было решено уничтожить гетманскую резиденцию — город Батурин. Выполнение этой задачи возложили на Меншикова, армия которого в это время находилась за Сеймом у села Новый Мглин.

31 октября Меншиков уже подступил к стенам Батурина. Он предложил оставшимся в городе сторонникам Мазепы немедленно сдаться, но они, чтобы выиграть время, тянули переговоры. Видя, что эти переговоры ни к чему не приведут, Меншиков решился на штурм. В городе нашлись казаки, которые перешли на сторону русских. При их помощи Меншиков после двухчасового боя овладел городом. Были уничтожены все запасы, на которые надеялись шведы.

Разорение Батурина произвело исключительно сильное впечатление на всех тех казаков, которые еще колебались. Многие из них отошли от гетмана, и даже те, которые раньше шли за ним, начали переходить на сторону Петра.

Во время пребывания в Глухове Петр I издал два манифеста к украинскому народу. В первом манифесте он увещевал украинский народ не верить «прелестным» универсалам, распространяемым шведским королем и Мазепой. Содержание манифеста широко объявлялось народу.

Во втором манифесте, изданном 10 ноября, Петр I убеждал всех тех, которые «изменою вора Мазепы заведены в неприятельские руки», возвратиться «от неприятеля короля шведского и от него вора изменника отлучиться и приходили без всякого опасения. . .»[2].

---

[1] «Красный архив», № 4 (95), 1939, стр. 160.

[2] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 17, л. 2.

В манифесте указывалось о прощении и тем казакам, которые об «измене ведали, но, опасаясь его власти (т. е. Мазепы.— *Б. Т.*), на него не доносили и были с ним в согласии и тем мы милостивое отпущение в вине их при сем объявляем. . .» [1]

Между тем шведскому королю, которого Мазепа торопил на выручку Батурина, удалось у Псаревки переправиться через Десну и 11 ноября достигнуть города. Но он застал здесь лишь груду дымящихся развалин.

В Городище король сделал остановку, чтобы подтянуть свою армию. 15 ноября шведы выступили в направлении Ромны — Гадяч, и в этом районе по совету Мазепы они оставались на зимних квартирах. В это время русская армия отбила все попытки шведов проникнуть за линию рек Псел и Ворскла. Кавалерийские отряды русских все время следили за шведской армией и доносили о положении дел в районе их квартир.

Шведская армия испытывала исключительно большую нужду в продовольствии. Кавалерийские разъезды уничтожали фуражирские партии, посылаемые шведами для добычи продовольствия, а жители, спрятав свой хлеб в ямы и уведя скот в леса, со всем своим скарбом переходили в районы расположения русской армии.

Шведы, очень быстро израсходовав имевшиеся в занятом районе запасы, вынуждены были передвигаться на новые квартиры. Но русские, усвоившие тактику малой войны, беспрерывными набегами беспокоили шведов. Сначала они действовали небольшими партиями, а со второй половины декабря стали нападать более сильными отрядами. Это сужало район зимних квартир шведов.

В конце декабря главные силы русских находились в Сумах. Конница Меншикова находилась в Ахтырке. Русская армия почти окружала шведов; такие города, как Прилуки, Ромны, Сумы, Миргород, были заняты русскими гарнизонами. Во всех прилегающих к расположению шведов городах находились тоже усиленные русские гарнизоны.

На протяжении всей зимы шведы стремились расширить занимаемую территорию, чтобы создать такое положение, при котором их армия могла бы иметь продовольственную базу и в меньшей степени подвергаться нападениям со стороны русских войск. Шведский король в начале января решил отбросить русскую армию за реки Псел и Ворскла, чтобы в дальнейшем вести наступление в общем направлении на Ахтырку, Белгород и Москву.

Первым шагом в осуществлении этого плана была осада шведами в начале января 1709 г. русского гарнизона в городе Веприк, расположенном на левом берегу р. Псел. Гарнизон Веприка состоял из 1 500 солдат и нескольких сотен казаков, в распоряжении которых имелось всего лишь три орудия. Но на помощь гарнизону пришло население Веприка.

Гилленкрок в своей реляции писал: «Казацкий город Веприк был сделан образом редута четырехугольный, не малой величины, нашим с трудностью было обнять; к тому же вал был без бастио-

[1] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 17, л. 2—3.

нов, не имея жадной дефенсии, так же ров мелкий, который тогда снегом занесло».

Против Веприка шведы бросили два пехотных и три кавалерийских полка с артиллерией, которые окружили Веприк. Король попытался склонить коменданта города подполковника Юрлова на капитуляцию, в противном случае грозил повесить его на воротах. Мужественный комендант направил следующий ответ королю: «По велению моего государя я должен защищаться до последней возможности и, зная, что король уважает храбрость, я не верю, чтобы его величество проявил, в случае победы, такую жестокость»[1].

Раздраженный таким ответом, 5 января король сам, захватив с собой дополнительно артиллерию и драгунский полк, выступил к Веприку на помощь штурмующим шведам. Прибыв сюда, он снова послал предложение защитникам Веприка сдаться, но они на это требование короля ответили пушечной стрельбой. Тогда шведы открыли по городу огонь из четырех батарей. Храбрые защитники Веприка стойко отбивались.

Утром 6 января шведы снова открыли артиллерийский огонь.

Под прикрытием сильного огня три колонны с разных сторон бросились на штурм крепости. Но одна из неприятельских колонн опередила остальные, и одновременного штурма не получилось: вместо одной общей атаки было произведено две разновременных. Обе атаки были отбиты гарнизоном.

Этот неудачный штурм Веприка обошелся шведам более 1 200 человек убитыми и ранеными. Ранеными оказались принц Виртембергский, генерал Штакельберг, а фельдмаршал Реншельд получил контузию. Шведский историк Стилле писал:

«Потери при штурме Веприка можно сравнить с потерями в большом сражении. Особенно печально для шведов было то, что они потеряли при этом цвет своего офицерства. Между тем, после опустошений, произведенных в армии морозами, теперь еще меньше, чем прежде, допустима была напрасная трата людей»[2].

С 6 на 7 января шведы готовились возобновить штурм, но перед этим король еще раз послал коменданту предложение сдаться. В осажденном гарнизоне уже не было никаких средств для продолжения борьбы со шведами: все боевые припасы были израсходованы. Комендант «по отбивании трех жестоких штурмов вынужден был согласиться на капитуляцию, так как не имел уже пороху. . .» [3].

Ворвавшись в Веприк, шведы сожгли город и разорили его население.

В связи с тем, что шведы стремились расширить свои зимние квартиры за реку Ворсклу, русские перевели свои главные силы из Сум в Ахтырку, чтобы преградить путь шведам на Белгород или Харьков. Для укрепления обороны Полтавы был послан полковник

---

[1] Труды Императорского Русского военно-исторического общества (ТИРВИО); т. IV, стр. 41.

[2] *А. Стилле*, Карл XII как стратег и тактик, стр. 65.

[3] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 1, л. 19.

Келин. Особый отряд под командованием Шереметева, которому поручалось беспокоить шведов с запада, прервал коммуникации шведов с Польшей.

Шведам не удалось до начала весны вывести свою армию в район между реками Псел и Ворскла; все их попытки продвинуться в направлении к Белгороду кончились неудачей.

Русская армия к началу весны была разделена на две части: одна часть находилась на левом берегу Ворсклы под начальствованием Меншикова, а вторая часть, во главе которой стоял Шереметев, сосредоточилась в окрестностях Миргорода, между реками Сула и Псел.

Итоги боевых действий сторон с февраля 1708 г. до начала весны 1709 г. таковы:

1. Петр I умело выбрал направление главного удара, нанеся его по слабому месту шведской армии. Жолкиевский план был выражением идеи противопоставления противнику своей сильной стороны и уклонения слабой. При его принятии были учтены свойства и глубина театра войны, возможность поднять население страны на борьбу против иноземных захватчиков. Этот опыт широко использовался русскими во время Отечественной войны 1812 г. после отмены пресловутого плана бездарного Пфуля.

2. Русская армия защищала государственные границы не только методами активной обороны, используя для этой цели сооружения оборонительной полосы (завалы, засеки, окопы, опорные пункты на дорогах), местные средства и население, но и сама наносила противнику сильные контрудары.

3. Стратегическое и тактическое искусство русских в этот период переживало период становления, накапливания боевого опыта. Русская армия показала классические образцы в совершении маршей, в преследовании противника по внутренним операционным линиям (марш «главного корпуса» от Мстиславля к Черной Натопе, от старой русской границы к Рославлю, от реки Десны к Глухову, операция Петра против Левенгаупта, рейд Меншикова от Лесной к Батурину). Удачный вывод русской армии из-под ударов шведов в особенности искусно был совершен от Вильно к Минску, между которыми Карл XII хотел нагнать и разбить русскую армию.

4. Умение быстро оценивать создающуюся обстановку и принимать правильное решение при тех или иных неожиданностях. Образцом в этом отношении является операция, проведенная Петром против Левенгаупта. В результате ее русские сорвали оперативный план Карла XII, разбили его армию по частям, лишили шведов материальной базы. Этим самым они в значительной степени облегчили окончательный разгром шведской армии.

В операции под Лесной Петр уже внес значительные поправки в линейную тактику. Если в Западной Европе вплоть до Наполеоновских войн процветала линейная тактика, применение которой требовало специальных «плацей» и «полей» сражений, то Петр отказался от этого принципа и первый оценил удобство проведения боя на закрытой и пересеченной местности. При подготовке операции против Либекера на Карельском перешейке Петр I учитывал

опыт боя у Лесной и, отдавая приказ Апраксину дать бой шведам, он в октябре 1708 г. писал ему: «Только зело прошу, чтобы не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть польза, как я сам испытал на сей (Лесной) баталии». Это показывает нам, что Петр I тактически стоял выше не только своих современников, но и полководцев последующих поколений.

5. Большую роль сыграли военные консилии, часто проводившиеся русским командованием в этот период. Правда, их созыв отрывал военачальников от соединений, на них высказывались противоречивые мнения, но решение, принятое после этого обмена мнениями, являлось обязательным для всех генералов.

После разгрома корпуса Левенгаупта и провала прорыва оборонительной линии русских для Карла XII единственно правильным было бы решение отступить в Польшу. Движение же его на Украину, учитывая враждебное отношение народа к шведским интервентам, нельзя признать целесообразным. Бесполезная зимовка на Украине, стратегическое окружение шведов русскими, мощное партизанское движение крестьян и горожан подготовили гибель шведской армии.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ ПРОТИВ ШВЕДСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

В начале Северной войны русское правительство не имело еще достаточно сильной, хорошо вооруженной и обученной армии и ему приходилось в ходе войны создавать такую армию, которая могла бы отбить охоту у шведских захватчиков посягать на независимость Русского государства. Потребовалось исключительное напряжение всех сил для создания сильной военной организации, способной решать исторические задачи. Такая вооруженная сила была создана.

Шведы, вторгнувшись в пределы Русского государства, полагали, что им придется воевать с одной русской армией, а между тем им пришлось воевать со всем народом Русского государства; не только армия, но и весь народ оказал шведской армии мужественное сопротивление.

Русское правительство приняло ряд мер, чтобы лишить противника продовольственной базы. Население заблаговременно оповещалось о необходимости «хлеб спрятать в ямы в лесах, также себе и скоту место в лесах и в крепких местах приготовить, дабы с неприятельским приходом... ничего не мог к пропитанию получить»[1].

Население призывалось выступить на борьбу со шведами, чтобы «которые к службе годны, оставались с ружьем и с копьями для супротивления неприятелю»[2].

Призыв правительства встретил живой отклик среди населения.

Как только шведская армия вошла в полосу Мазурских лесов, она на своем пути встретила стойкое сопротивление не только русской армии, но и белорусских крестьян, которые нанесли ей большой урон.

---

[1] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 1, л. 5.
[2] «Красный архив», № 4 (95), 1939, стр. 158.

Белорусские крестьяне, узнав о приближении шведов, оставляли свои жилища, зарывали в землю или увозили с собой в лес хлеб и другие съестные припасы, а на пути следования шведских колонн сооружали завалы и засеки. Кроме того, отдельные крестьянские отряды устраивали засады и совершали нападения на шведскую армию. Они уничтожали шведов на каждом шагу, а сами, спасаясь от преследования противника, исчезали в лесах.

В Мазурских лесах шведы потеряли большое количество людей и значительную часть артиллерии, которую захватили крестьянские партизанские отряды. «Король двинулся в эту болотистую и пустынную лесную Мазурскую полосу, где, кроме того, на каждом шагу приходилось иметь дело с мятежными крестьянскими бандами»,— злобно замечает шведский историк Стилле [1].

Французский посланник при шведском короле де-Безенваль писал 25 августа 1708 г., что по призыву Петра I местные жители выступали на борьбу против шведов, они вооружались кто чем попало, чтоб защитить проходы, подступы, делать засеки и рыть окопы.

В 1707 г. «под городом... Копысью... делаемы были... великие окопы, для копания оных давано крестьянского народа с заступами, секирами и топорами из всего повета Оршанского по несколько сот в неделю, также из экономии Могилевской и из самого города Могилева на неделю высылано по 200 человек для копания батарей» [2].

А жители Несвижского магистрата еще в 1702 г. подавали заявление князю К. Радзивиллу с просьбой привлечь их к сооружению оборонительных укреплений, в частности к строительству крепости в местечке Несвиж.

Петр I высоко ценил ту помощь, которую оказывало население Могилевщины русской армии в ее борьбе с иноземными захватчиками. Специальной грамотой он предоставил ему ряд льгот.

В грамоте гетману Скоропадскому Петр I указывал: «дабы из могилевских жителей... пропускали везде без задержания и торговлю им исправлять велели с платежем достойные пошлины, без препятствия, и никаких им обид чинить не допускали» [3].

Белорусские крестьяне и горожане о каждом шаге движения шведов сообщали русскому командованию. Донесения и переписка между командирами русской армии пестрят этими сведениями. Фельдмаршал-лейтенант Гольц 23 июня 1708 г. доносил главному командованию, что «господин полковник Комбель... ко мне крестьянина прислал, который сказал, что... он четыре неприятельских шквадронов по ту сторону Друца видел, которые же без сумления — партия или передовые войска от неприятельской армии есть» [4].

---

[1] *А. Стилле.* Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг., стр. 21.
[2] Записки игумена Ореста, стр. XLVI.
[3] Белорусской архив древних грамот, д. № 51, стр. 132.
[4] *ГАФКЭ*, Шведские дела, 1708 г., д. № 8, л. 122.

Горожане оказывали большую помощь в разведывательной работе русского командования. Офицер русской армии Ржевский писал Шереметеву: «Сего числа послал проходца с письмами, полоцкого мещанина благочестиваго, а в тех письмах посланы распросные речи язовицких; и тот мещанин до вашей милости отписал и мои письма тебе государь подал. . .» [1]. И дальше сообщает, что, по донесению полоцких жителей, «в Витебске, в Бешенковичах везде полно самых шведов и от Риги будто идет пехота, и я о том послал доведаться мещанина полоцкого».

Во время продвижения шведов к Днепру местные жители сообщили русскому командованию о группировке шведских войск. Полковник Огарев писал Меншикову: «посылали мы в Ворколобовской монастырь быховского мещанина, и он пришел назад и про неприятеля сказал, что стоят под Ворколобовским монастырем и делают на Днепре плоты и хотят наводить мост»[2].

Большую разведывательную работу для русского командования проводило еврейское население Белоруссии и Украины. Головкин писал 23 августа 1708 г. Петру: «Сего числа явились здесь мстиславские (евреи.— *Б. Т.*), которые посыланы из Мстиславля в Могилев для проведывания о Левенгаупте, что оные... сказали в допросе своем, о том изволите... известен быть из приложенного при сем с того допросу списка»[3].

Дрыбинские евреи сообщили генерал-майору Инфлянту о движении шведов к Кричеву.

1 сентября Боур писал Меншикову, что он получил сведения в дер. Пучки на реке Проне от евреев, которые были 19 сентября в неприятельском обозе под Кричевым. Через них Боур узнал, что противник у Кричева «через реку сделал мост и перешел вчерашнего дня»[4].

Сообщения жителей, враждебно настроенных к шведам, давали возможность русскому командованию быстро установить направление движения шведской армии. Большую роль в этом отношении играли проводники, убегавшие от шведов; они немедленно доносили о противнике.

Проводники проявляли исключительную самоотверженность. Они сознательно уводили шведов от того района, в который они хотели попасть. Так, например, передовой отряд, посланный Карлом XII для занятия Стародуба, не выполнил поставленной ему задачи, потому что генерал «Лагеркрон доверился крестьянину, взявшемуся провести шведское войско кратчайшим путем. Этот крестьянин, будучи подослан полковником Скоропадским, обманул шведского начальника и повел его совсем не туда, куда нужно. Так что в то время генерал Инфлянт (руководивший русским отрядом. — *Б. Т.*) успел войти в Стародуб» [5].

---

[1] *ТИРВИО*, т. I, стр. 119.
[2] Там же, стр. 116.
[3] Там же, стр. 54—55.
[4] Там же, стр. 92.
[5] *Н. Костомаров*, Исторические монографии и исследования, кн. 6, т. XVI, стр. 614.

Там, где шведским интервентам удавалось захватить населенные пункты, они с исключительной жестокостью относились к местным жителям. Шведы грабили и убивали беззащитных жителей, не щадя ни женщин, ни детей. Шведский король отдал приказ вешать всех жителей той местности, где хотя бы в малейшей степени будет оказано сопротивление шведам.

О грабежах, разорении и об исключительно жестоком отношении шведских захватчиков к мирному населению свидетельствует ряд документов. В заявлении ловчего Витебского воеводства Бялицкого-Бирюля указывается, что при движении шведов через Литву и Белоруссию они чинили местным жителям «невыносимые опустошения, не щадя даже и храмов божьих» [1].

Меншиков, хорошо информированный об отношениях шведов к населению в районе Минска, писал Головкину: «Мучат, вешают и жгут мужиков (как прежде никогда не бывало), дабы ямы хлебные показывали... Утеснение убогих людей невозможно довольно описать» [2].

В народной памяти надолго сохранились тяжелые воспоминания о нечеловеческих мучениях, которым подвергали шведские грабители местное население. В «Записках» могилевского игумена Ореста (первая половина XIX века) написано, что «по указу шведского короля мещан достаточнейших экзековано: в склепы, погреба сажали шведы, мучали голодом, в холодную воду нагих сажали, на балках под потолком завешивали и разными иными мучениями, как разбойники, мучали» [3].

На жителей оккупированной территории шведы накладывали непосильные налоги. Вот один из многих примеров, показывающий, как захватчики грабили местное население. Жителям села Липово было приказано: «абы каждый человек от своего дому давали б провиянт: муки витпол осмачку, алыбо жита осмачку, солоду осмачку, або чотири бочки пива, и до каждой осмачки солоду по чтири фунта хмелю, пол-осмачки гороху, албо круп ячных колбек[4], вола еднего, албо десятеро овец, масла чотири камене, пуд каменя соли, тютюну чотири папуши, два гарце горелки, три вози сена, две осмачки овса, три вози соломи, чтире вози дров». За непослушание населению угрожали, что они «огнем и мечом каранни будут»[5].

Русская армия, осуществляя план «частительного» уничтожения шведской армии, на пути своего движения уничтожала все продовольственные запасы, чтобы они не доставались врагу.

Продовольственное положение шведов становилось все более и более затруднительным. Они вынуждены были питаться чем попало, так как все продовольствие местным населением было спрятано, а то, чего не удавалось укрыть, уничтожалось. «Деревни, кото-

---

[1] Историко-юридические материалы, т. XVIII, стр. 191.
[2] Сборник военно-исторических материалов, т. I, стр. 20.
[3] Записки игумена Ореста.
[4] Мерка.
[5] «Красный архив», № 4 (95), 1939, стр. 163.

рые были кругом неприятеля, все сожжены, только неприятелю (для) покормления хлеб на полях остался»[1].

Один пленный поляк так охарактеризовал продовольственное положение шведской армии:

«Довольства великого ни в чем не имеют, потому что люди из сел и деревень все уходят в леса, и на продажу ничего к ним не везут, а питаются тем, что где сыщут в ямах».

Отсутствие продовольствия порождало массовые заболевания шведских солдат, сопровождавшиеся большой смертностью. «Во время бытия шведского в Могилеве, померло их шведов с голоду и от мыту с четыре тысячи»[2].

При таких обстоятельствах шведский король не мог дожидаться Левенгаупта, так как довольствование армии местными средствами становилось все затруднительнее. Кроме того, шведские войска постоянно подвергались нападению со стороны русских летучих отрядов.

Как известно из предыдущей главы, Карл XII из Могилева двинул свою армию к Смоленску. Русская армия успешно отошла к Горкам и заняла там удобные оборонительные позиции. Шведский король, учтя опыт боя при Головчине, не решался лобовой атакой штурмовать позиции русских у Горок, а начал совершать обход на Чаусы и Чериков.

Но как только Карл XII повернул свою армию на север, он у села Доброе наткнулся на отряд князя Голицына, которому крестьянин указал местонахождение шведов и сопровождал его к полю боя. Шведский авангард был разбит наголову.

С продвижением Карла XII в район Смоленщины командование русской армии очень быстро заняло оборонительные позиции по рекам Вихра и Городня, сосредоточив главные силы у села Соболево.

Но шведам не удалось прорвать фронт русских. Шведский историк Стилле делает приближающийся к истине вывод: «Можно признать, что главные затруднения для наступления к Смоленску были не столько стратегического или тактического характера, сколько хозяйственного — недостаток местных средств, уничтоженных русскими»[3].

Королю не удалось осуществить свой план, рассчитанный на прорыв оборонительной линии и на быстрый марш с целью соединения в районе Стародуба с Левенгауптом, а потом продвижения на Москву. Он был сорван могучим сопротивлением русской армии и решительной борьбой северских крестьян и горожан с иноземными захватчиками. Свободолюбивый северский народ поднялся на борьбу против шведских интервентов. Шереметев писал Петру, что при приближении шведов к населенным пунктам жители уходили в леса: «из местечка Мглина черкасы (так называли крестьян Северской области. — *Б. Т.)* выбежали вон»[4], предварительно они попрятали весь свой скарб, чтобы он не достался врагу.

---

[1] *ТИРВИО*, т. I, стр. 241.

[2] Там же, стр. 148—149.

[3] *А. Стилле*, Карл XII как стратег и тактик, стр. 25.

[4] *ТИРВИО*, т. I, стр. 23.

Напрасно Карл XII писал воззвания к крестьянам Северщины с призывом, чтобы они оставались на своих местах и встречали его с хлебом и солью.

На Северской земле Карлу XII пришлось испытать совсем другой прием, чем в Польше и Саксонии, где еще за несколько переходов шведской армии польские паны и немецкие бюргеры раболепно готовили встречу ее хлебом-солью.

Население Северщины решительно выступило на сторону русской армии в ее борьбе с иноземными захватчиками. Адъютант Ф. Бартенев доносил Меншикову: «А от черкаса худова ничего нет, служат верно и шведам продавать ничего не возят, а по лесам собрася компаниям ходят и шведов зело много бьют и в лесах дороги зарубают»[1].

Шведы также не смогли прорвать оборонительную линию и у Новгород-Северского и после этой неудачи вынуждены были двинуться вниз по правому берегу Десны, и только 30 ноября у Мезина им удалось переправиться через Десну.

После того как попытка прорвать оборонительную линию провалилась, шведы большие надежды возлагали на продвижение своих войск на Украину. Там они надеялись собраться с силами и при содействии гетмана Мазепы предпринять наступление на Москву.

Появление шведов в Северской области ускорило переход изменника Мазепы на сторону Карла XII. Карл XII надеялся, что Мазепа доставит ему до 40 тысяч солдат.

Утром 24 октября Мазепа с двухтысячным отрядом казаков — своей личной «гвардией» — перешел через Сейм и на следующий день у местечка Оболонь переправился на правый берег Десны. Там он объявил казакам, что ведет их не против шведского короля, а против русского царя.

Гробовым молчанием была встречена эта речь Мазепы. Многие, даже приближенные Мазепы, осуждали его, но предполагали, что гетман имеет много сторонников, и поэтому боялись оказать немедленное противодействие задуманному изменническому плану. Они решили пока мириться с совершившимся фактом, чтобы потом, воспользовавшись первым удобным случаем, незаметно уйти от изменников.

Украинский свободолюбивый народ не пошел за изменником. На него не могли подействовать ни уговоры Мазепы, ни угрозы шведского короля. Крестьяне всей Украины относились с особой ненавистью к шведам, они укрывали продовольственные запасы, ловили агентов Мазепы и короля, которых они посылали для того, чтобы уговорить народ перейти на их сторону. Они часто нападали на шведские отряды и уничтожали их.

Крестьяне объединялись в партизанские отряды. Один из них на реке Десне порубил и взял в плен 150 шведов. Некоторые из крестьянских партизанских отрядов посылались в разведку. Командир полка Рожнов доносил генералу Крестьяновичу, что он «жуковских жителей человек с тридцать отправил за реку с ружьем, и

---

[1] *ТИРВИО*, т. I, стр. 103.

они двух шведов убили да польского хлопца мужика привезли ко мне. Да вышеописанные посыльные, жуковские жители, сказывали, что за рекою... подстрелили в лицо шведского офицера»[1].

Крестьянам часто удавалось разбивать прикрытие шведов и доставать «языков».

Партизанские отряды вступали в бой даже с крупными шведскими частями. Об этом рассказывает в своем показании священник А. Александров: «Вчерашнего ноября 30 дня перед вечернею к Недрыгайлову приехали волохов шведских в 50 конях и говорили жителям, чтоб их в город пустили и они им в том отказали». Тогда, «помешкав с полчаса, пришли к Недрыгаилову шведы конницею в 1500 человек и под городом спешились, и шли в строю к городу с ружьем». Подошедши к городу, «зали дали, а по них шведов из города также стреляли и убили шведов 10 человек. Шведы вынуждены были отступить, стали на подворках и церкви (и) дворы все сожгли»[2].

Обо всех передвижениях шведов на Украине местные жители доносили русским военачальникам. Волконский писал Меншикову, что «сказывали конотопские жители... хочет неприятель итить к селу Казацкому и к Сумам...»[3].

Никакими уловками шведскому королю и изменнику Мазепе не удалось поднять украинский народ против русских. Народ дружественно встречал русскую армию.

Один из командиров Петра I Ушаков писал ему, что «тутошние народы обрадовались приходу нашему»[4].

Население помогало выявлять сторонников Мазепы и устранять их с административных должностей.

Во время пребывания Меншикова в Богодухове к нему обратились «кательниковские и другие тутошние казаки и жители с просьбой разрешить им промышлять над неприятелем».

Меншиков не только разрешил это делать, но и обещал выдавать за каждого пленного рядового солдата по пяти рублей, кроме того, все имущество пленного.

Враждебное отношение украинского народа к шведской армии отмечает и французский посол при Карле XII де-Безенваль. Он писал министру иностранных дел Франции: «Скажу прямо: если украинский народ не поддержит шведского короля, я не вижу никакой возможности для него закончить счастливо войну».

При движении шведов в глубь Украины население вместе с русской армией оказывало решительное сопротивление зарвавшимся захватчикам. Там, где не было русских гарнизонов, население своими силами организовывало отпор шведам. «При приближении шведов, жители Тернов засели в замок и отстреливались в течение двух часов, но затем противник штурмовал замок превосходными силами и овладел им с потерею около двадцати человек»[5].

---

[1] *ТИРВИО*, т. III, стр. 183.
[2] Там же, стр. 40.
[3] Там же, стр. 17.
[4] Там же, стр. 54.
[5] Там же, т. IV, стр. 13.

Так в решительный момент борьбы со шведами украинский народ пошел вместе с братским ему русским народом и встал грудью на защиту своей Родины. В тяжелой борьбе с иноземными захватчиками складывалась дружба русского и украинского народов.

Канцлер Г. Головкин с удовлетворением писал 26 ноября 1708 г. от имени Петра I жителям Котельвы, Опошни и Груни, что «вы ни на какие прелестные письма изменника богоотступного Мазепы не смотря, пребываете к нему, великому государю, по должности своей подданнической верно и постепенно». И дальше Г. Головкин объявлял: «того ради его царское величество вас старшину и всех жителей города Котельвы за вашу непоколебимую к его величеству верность милостиво похваляет»[1].

5 ноября 1708 г. жители Новгорода-Северского собрались в церкви, где дали клятвенное обещание упорно бороться со шведами и быть верными русскому правительству.

В обращении указывали: «Мы, верные подданные града Новгорода-Северска обыватели, яко от чина духовного, тако до мирского сословия, все единостайне и единодушно, так товаривство войсковое... за милую Малороссийского всего краю (на)шего отчизну, без жадной нашей здрады и измены, еден над другом, даже и до смерти противо неприятелей наших к у.... ору от года в годы быти присно готовыми обязуем(ся)»[2].

Подобные клятвенные обещания принимались и в других городах и селах Украины.

Петр I со своей стороны принял все меры к тому, чтобы взять под свою защиту единокровные белорусский и украинский народы, подвергшиеся разорению от шведских захватчиков.

Головкин писал Петру: «Малороссийский государь народ как можно оберегаем и до озлобления не допускаем, и для того господин фельдмаршал у конницы и у пехоты учредил по майору, дав им инструкции с полною мочью дабы смотрели, чтобы ни от кого из войск обид и разорения чинено не было, кто в том злочинец сыщется, тех велено для постраху иным казнить смертию»[3].

Однако и на Украине у шведского короля не выходил из головы бредовый план наступления на Москву. Стилле писал: «Отсюда его операции по направлению к Москве должны были иметь в виду прежде всего Курско-Тульскую дорогу, представлявшую собою путь с юга в Центральную Россию; в ближайший период времени на эту именно дорогу и направились операции шведов»[4].

Между тем и это направление оказалось на крепком замке. Русская армия оттеснила шведов в район Ромны, Прилуки, Гадяч, где они остановились на зимние квартиры. Русские заняли оборонительную линию по реке Псел, прикрывая которую, они предотвращали возможность прорыва шведов на Курск и Белгород.

---

[1] «Красный архив», № 4 (95), 1939, стр. 159.
[2] Там же, стр. 160—162.
[3] *ТИРВИО*, т. I, стр. 57.
[4] *А. Стилле*, Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг., стр. 101.

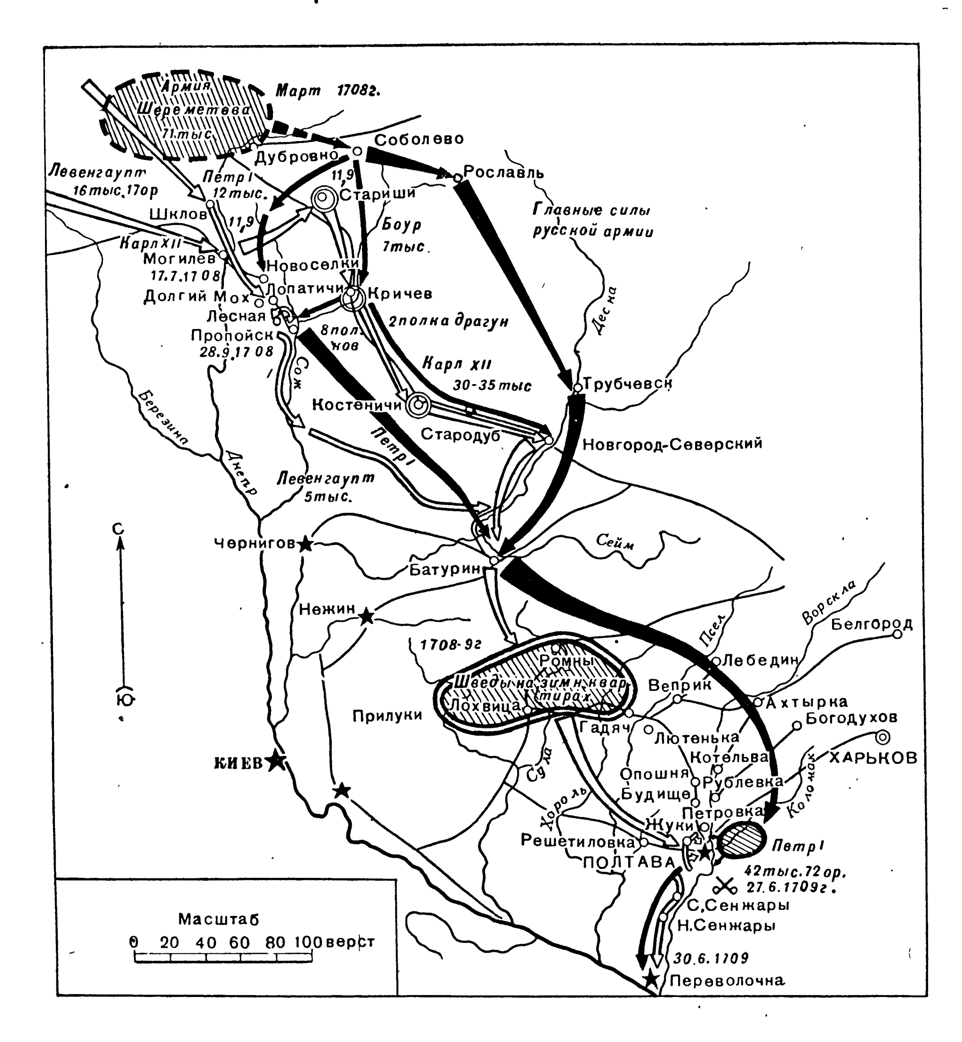

Схема 11. *Район действий в 1708—1709 гг.*

Шведам пришлось провести целую зиму на Украине, находясь в бесплодных постоянных стычках с русскими войсками и местным населением. Шведы не могли достигнуть успеха при своих неоднократных попытках прорваться за линию р. Ворскла, чтобы открыть путь на Москву. Так, предпринятый ими штурм Веприка не дал желаемых результатов.

Жители Веприка, обороняясь от шведов, обратились к русскому командованию за помощью и вместе с присланным отрядом оказали героическое сопротивление захватчикам.

Для того чтобы захватить этот укрепленный пункт, шведы направили против него войска, в десять раз превышающие силы гарнизона, и все же не в состоянии были взять его штурмом. Солдаты

и крестьяне мужественно отстаивали Веприк, и только тогда, когда были израсходованы все боевые припасы, а разорвать кольцо окружения было невозможно, они вынуждены были сдаться.

После штурма Веприка шведы стали более осторожны. Они узнали, что с ними ведет войну не только русская армия, но и весь украинский народ. Так, чтобы взять небольшой населенный пункт Олешню на правом берегу Ворсклы, шведы двинули четыре кавалерийских полка под командованием генерал-майора Гамильтона. Между тем в этом селении не было ни одного русского солдата и обороняли его только местные жители. И, несмотря на это, сопротивление было настолько упорным, что Гамильтон вынужден был штурмовать Олешню силой четырех полков.

Шведы с исключительной жестокостью относились к населению Украины. Они мстили ему за упорное сопротивление и за помощь русской армии.

Зимовка Карла на Украине не дала ему тех результатов, которые он ожидал. Его расчеты на укрепление своей армии не оправдались, наоборот, ее боеспособность с каждым днем падала вследствие систематического истребления его солдат не только русской армией, но и местным населением.

Также не оправдалась надежда короля на помощь со стороны Мазепы. Только небольшая группа верхушки казачества с гетманом Мазепой и кошевым атаманом Запорожской Сечи Гордиенко выступила против Русского государства. Но они остались одинокими отщепенцами и предателями украинского народа, основная масса населения за ними не пошла.

Казаки Полтавского полка Семен Васильев и Григорий Савин после своего возвращения из Запорожской Сечи рассказывали, что на кругу в ответ на призыв кошевого атамана Гордиенко выступить против Москвы «все запорожцы закричали, что они повинны служить царскому величеству яко единодержавному государю потого, что отцы и сродники при его величестве обретаются» [1].

Гордиенко удалось склонить на свою сторону только незначительную часть казачества. Взятие русскими Запорожской Сечи окончательно подорвало шансы короля на поддержку его казачеством. И «вся та измена тем рушилась», писал современник этих событий князь Ф. А. Куракин [2].

Политика Петра, направленная на борьбу с сепаратистски настроенной верхушкой казачества, возглавляемой гетманом Мазепой и Гордиенко, объективно приводила к ослаблению эксплоатации основных масс украинского крестьянства со стороны этой продажной верхушки. Расчленение же Украины и присоединение ее к Польше и Швеции неизбежно привело бы к еще большему угнетению трудящихся.

Украинский народ понимал это, и поэтому, когда русские войска стояли в Польше, население Правобережной Украины поднялось на борьбу с польскими магнатами и шведскими интервен-

---

[1] *ЦВИА*, Фонд ВУА, № 25, ч. I, л. 29.

[2] Архив князя Ф. А. Куракина, т. I, стр. 373.

тами. Борьба приняла национально-освободительный характер. Восставшие массы, возглавляемые народным героем Палием, стремились присоединить Правобережную Украину к Левобережной, а затем воссоединиться с братским русским народом.

Воссоединение Украины не отвечало изменническим планам Мазепы. Палий был предательски схвачен и арестован, а восстание подавлено.

В борьбе с иноземными захватчиками складывалась и крепла дружба русского, украинского и белорусского народов. Это оказало решающее влияние на исход Северной войны.

Офицеры и солдаты русской армии знали, что, сражаясь со шведами, они отстаивали независимость своего государства, поэтому они проявляли исключительную храбрость и геройство на полях сражения. Даже находясь в плену шведов, они продолжали сопротивляться. Однажды шведское правительство решило перевезти русских пленных из одной тюрьмы в другую. Пленные были посажены на военный корабль и сопровождались усиленным конвоем. Но русский патриот генерал А. Ф. Долгоруков решил воспользоваться этим случаем, чтобы уйти на родину. Он организовал восстание военнопленных против шведов, показав при этом чудеса бесстрашия и отваги. Вот как об этом рассказывает историк Бантыш-Каменский:

«Он объявил о своем направлении товарищам своего несчастья, которые с таким великим человеком согласились отважиться на все. Исполнение предприятия отложено до следующей субботы, а именно до той минуты, в которую при вечернем служении надлежало запеть: дерзайте убо людие божии. Это послужило сигналом. Россияне бросились на шведов, ни мало того не ожидавших, обезоружили их и, перевязав, заключили под палубу, кроме одного только шкипера, которому князь, приставив к груди шпагу, сказал: «Если хочешь быть жив, то вези нас к Кронштадту или Ревелю, но берегись изменить». Шкипер повиновался и привел фрегат в Российскую гавань, куда прибыл он с пушечною пальбою» [1].

Подобные примеры героической самоотверженности можно редко встретить в военной истории других народов.

На протяжении всей зимы шведы неоднократно пытались нанести поражение русской армии. Однако эти попытки не увенчались успехом. Упорное сопротивление русской армии и враждебное отношение украинского народа подтачивали силы шведской армии. Это укрепляло у русского командования уверенность, что решительной борьбой со шведами можно добиться победы.

Русское командование взяло в свои руки инициативу борьбы со шведами и еще зимой 1709 г. приняло решение не выпускать шведов из Украины, а с наступлением весны дать им генеральное сражение.

---

[1] *Д. Бантыш-Каменский*, Деяния знаменитых полководцев Петра Великого, ч. II, стр. 13.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖЕНИЯ СТОРОН НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

С наступлением весны 1709 г. приближался момент решения исторического спора России со Швецией, а вместе с тем и с Западной Европой: или Россия станет равноправным членом в семье западноевропейских государств, или она окончательно потеряет свою экономическую и политическую независимость.

С напряженным вниманием следили западноевропейские дипломаты, философы, писатели и журналисты за тем, как решится этот великий спор. Серьезность назревавших событий понимали обе стороны. Петр I считал предстоящую битву «зело опасным делом».

Петр I предвидел, что с наступлением весны генеральное сражение со шведами неизбежно, и всю зиму тщательно готовился к нему.

За девять лет борьбы со шведами русская армия прошла суровую боевую школу и научилась побеждать. Во главе этой армии стояли испытанные талантливые сподвижники Петра I — Шереметев, Меншиков и другие, которые в военном искусстве опередили своих «учителей-шведов».

Русские солдаты по своей сообразительности, исключительной выносливости, дисциплинированности и храбрости стояли выше современных им западноевропейских солдат. Бои со шведами лишний раз подтвердили это.

Армия Карла на Украине, окруженная почти сплошным кольцом русских отрядов, опиравшихся на многочисленные укрепленные пункты и на поддержку местного населения, подвергалась постоянным набегам. Это приводило к тому, что силы шведской армии с каждым днем таяли.

Кроме того, частые передвижения шведской армии в условиях суровой зимы 1708/09 г. и плохого питания вызывали немало жертв в ее рядах. В ней осталось около 35 тысяч человек.

Вследствие этого дисциплина среди шведских солдат значительно ослабла. В поисках продовольствия и одежды они занимались мародерством и насилием над местными жителями. Но на грабеж солдат начальство смотрело сквозь пальцы и даже поощряло его.

Боевые и моральные качества начальников шведской армии тоже пошатнулись. Многие из генералов устали от длительной войны. Они советовали королю временно отойти за Днепр. Там они надеялись подкрепить силы своей армии, ускорить присоединение Станислава Лещинского и активизировать действия крымских татар и Турции.

Однако Карл XII продолжал еще верить в свое военное счастье и категорически отвергал всякую мысль об отступлении за Днепр. «Мы должны,— говорил он,— вытеснить его (неприятеля.— *Б. Т.)* из Украины; тогда не трудно будет продолжать путь к Москве» [1].

К марту 1709 г. шведский король в поисках более удобного района для отдыха армии сосредоточил свои войска фронтом на восток между реками Ворскла и Псел, с опорными пунктами Лютенька, Опошня, Сенжары и Решетиловка. Он предполагал, что здесь можно спокойно ожидать подхода Станислава Лещинского, крымских татар, а может быть и турок, с прибытием которых шведская армия сумеет продолжать прерванное наступление на Москву.

Но в новом районе Карл XII не мог дать армии отдыха, так же как и не мог подкрепить ее предполагаемыми союзниками: русская армия уже сосредоточилась в этом районе и расположилась к началу весны фронтом на запад, прикрываясь р. Ворскла, имея у себя в тылу опорные пункты Богодухов, Краснокутск, Лихачевку и Полтаву.

В Богодухове находились главные силы русской армии под начальством Меншикова. Значительная часть русской конницы была выдвинута к р. Ворскла. Ей поручалось внимательно следить за действиями противника на правом берегу реки.

К западу, почти в тылу шведской армии между реками Сулой и Пселом, находились отряды Шереметева и гетмана Скоропадского. Постоянными набегами они тревожили шведов с тыла и препятствовали Карлу XII поддерживать систематическую связь с Польшей. Шведский историк Адлерфельд, находившийся при армии, писал: «Наши войска всегда сильно страдали, когда им приходилось итти на фуражировку, так как русские не пропускали случая, чтобы потревожить их».

Все ближайшие к расположению шведов города и села были заняты специальными гарнизонами. Современник Северной войны Гюбнер рассказывает, что «свою многочисленную армию московиты распределили так, что наконец почти ни один швед не смел уда-

---

[1] Русская военная сила, под ред. Петрова, изд. 2, т. II, Москва, 1892 г., стр. 31.

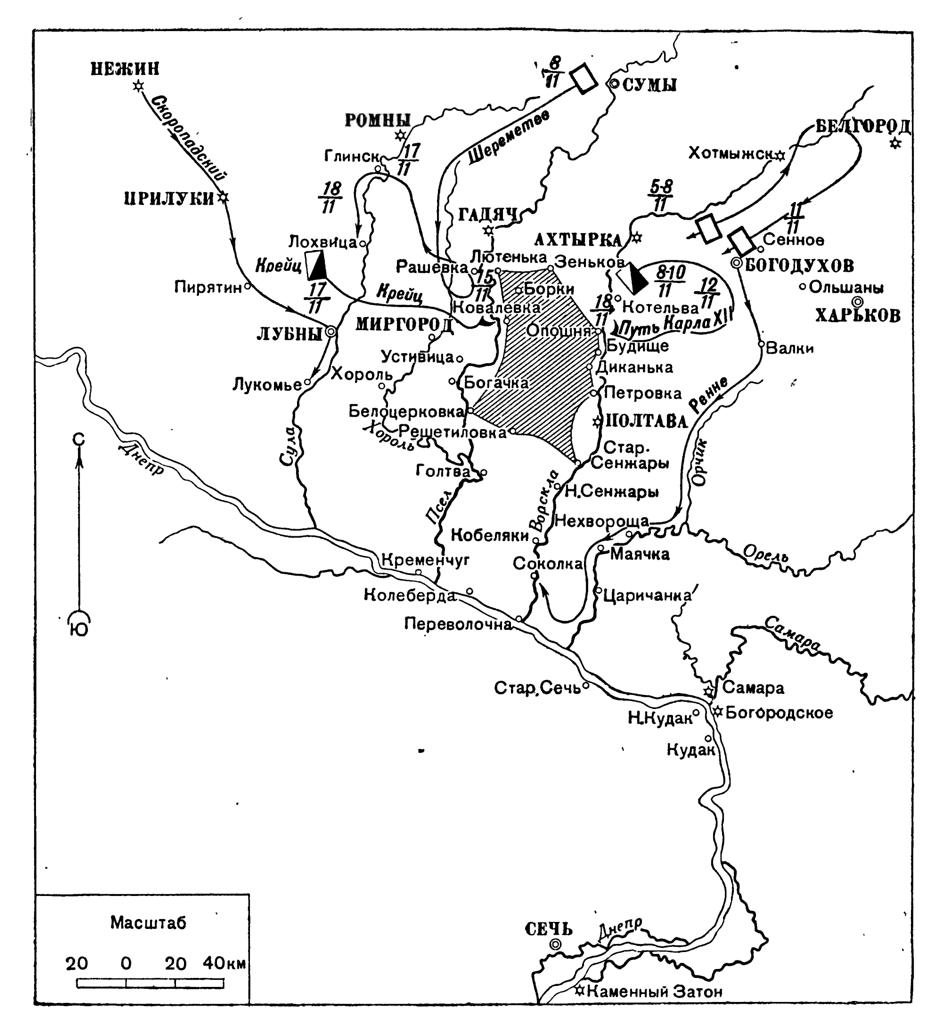

Схема 12. *Район сосредоточения шведов в марте и апреле 1709 г.*

ляться от своих главных сил из боязни быть тотчас же пойманным московитами».

Стратегическое окружение и постепенное истребление шведской армии крайне раздражало Карла XII. Он хотел во что бы то ни стало овладеть рубежом р. Ворскла, чтобы открыть себе путь к Харькову и Белгороду, а дальше итти на Москву. На этом пути шведам нужно было овладеть опорными пунктами, прикрывающими выход к Белгороду.

Одним из таких пунктов была Полтава. Она была расположена на одной из немногих переправ через Ворсклу, имела сравнительно сильный гарнизон и являлась опорным пунктом, откуда русские часто производили набеги на шведские квартиры.

Король, стремившийся захватить оборонительную линию р. Ворскла, не мог не обратить внимания на Полтаву. Она давала возможность обезопасить шведскую армию от частых нападений со стороны русских. Кроме того, занятие Полтавы предоставляло шведскому королю значительные выгоды и в отношении связи его с Запорожьем и Крымом. Имели некоторое влияние и советы Мазепы, говорившего Карлу о наличии в Полтаве большого количества запасов продовольствия и военного снаряжения, но самое главное значение Полтавы состояло в том, что через Полтаву, Харьков и Белгород лежал путь в Москву.

И не случайно в «Журнале государя Петра I» от 4 июня 1709 г. о Полтаве записано: «Неприятель сей город держал в атаке по совету Мазепину для того, что то место, по мнению его, имело удобствовать входу в Россию и коммуникации с поляками и татарами».

Итак, основная цель шведского короля заключалась в том, чтобы овладеть линией р. Ворскла и тем самым открыть через Белгород путь на Москву. Для выполнения этого плана нужно было преодолеть ряд опорных пунктов и важнейший из них — Полтаву. Вот почему Карл XII решил взять Полтаву, а затем разбить русскую армию и двинуться на Москву.

Участникам этих событий было ясно, что король принимает все меры к тому, чтобы уничтожить важнейшие опорные пункты на пути движения к Москве, а также судостроительные верфи в Воронеже. Поэтому не случайно Петр I из Ахтырки в середине февраля едет в Белгород, а из Белгорода в Воронеж. Эти поездки были связаны с приведением в боевую готовность края и с ускорением строительства флота для того, чтобы посредством морской демонстрации положить конец колебаниям Турции, стремившейся выступить на стороне Швеции.

С наступлением весны шведский король начал усиливать свою дипломатическую деятельность. «Направляясь в Польшу (31 марта 1709 года), Карл послал полковника Сандула в Бендеры с разными поручениями и, между прочим, с письмами Пипера и Мазепы к сераскиру Силистрии и Бендер. В письме Мазепы заключался обзор положения на театре военных действий и отчет о военных операциях. Сераскир был тот самый, который послал турецкого агу к Карлу в Польшу; его считали особенно склонным к мысли об участии Турции в войне против царя»[1].

Петру надо было парализовать дипломатическую деятельность Швеции и Польши, стремившихся втянуть в войну против России колеблющуюся Турцию. А это было возможно сделать не только путем дипломатических переговоров, но и реальным воздействием на Турцию.

Два обстоятельства удерживали Турцию от выступления против Русского государства. Первое обстоятельство: «В Константинополе рассказывали и верили тому, что в ближайшем будущем предстоит заключение мира между Францией и ее врагами; таким образом

---

[1] *А. Стилле*, Карл XII как стратег и тактик, стр. 87.

Австрия освободится от своей войны с Францией, между тем именно эта война обеспечивала безопасность Турции на берегах Дуная. Поэтому Порта тем более была заинтересована, чтобы и Россия не развязала себе рук и Турция горячо желала продолжения борьбы Карла с царем»[1].

Вторым обстоятельством, которое должно было воздействовать на Турцию, являлось усиленное строительство русского флота. 26 апреля, т. е. в тот день, когда шведская армия сосредоточивалась у Полтавы, Петр I двинул русскую эскадру из Азова к устью Дона и в этот же день прибыл в Троицкий городок и там «с 14 кораблей троекратною пушечной пальбой был поздравлен».

Подготовка операций на море, которую проводил Петр I, обратила на себя внимание турецкого правительства. В конце апреля в городе Троицке к Апраксину прибыл турецкий курьер с письмом от визиря. Турецкий визирь уведомлял Апраксина в том, что ему известны приготовления России к войне против Турции, и просил разъяснить причины нарушения заключенного с Турцией мира. Для того чтобы внушить Турции, что заигрывания со Швецией опасны для нее, Петр дал возможность курьеру лично убедиться в том, что он действительно сделал большие приготовления и что если Турция нарушит нейтралитет по отношению к России, то русский флот будет направлен к Константинополю.

Увидев большие военные приготовления русского правительства, посланец визиря начал клясться «Кораном и пророком Магометом», что Турция и в мыслях не имеет начинать войну против России, и просил быстрее отпустить его в Константинополь, причем обещал, что сейчас же после его прибытия его правительство пришлет «подтвердительные мирные статьи».

30 апреля он был отпущен в Константинополь с «ответствием», что «царское величество с Портою свято и ненарушимо мир содержать будет, ежели султанское величество не начнет войны и не учинит помощи своим войском неприятелям его царского величества»[2].

Прибыв в Турцию, курьер визиря доложил своему правительству о том, что он видел. После этого визирь, стремившийся выяснить причины вооружения России, а также ее намерение совершить поход в Цареградское море, вызвал к себе русского посла П. А. Толстого. Во время переговоров с русским послом визирь уверял его в дружественных отношениях Турции к России и заявил о готовности султана, если это нужно, дать «наикрепчайшие указы в Крым и в Белгородскую Орду и Кубань и протчия подданные орды... дабы ни един за границу не был пропущен»[3].

К середине мая переговоры с Турцией об «утверждении мира» закончились благополучно, и уже 20 мая русское правительство получило копию с указа, посланного султаном «в Крым и на Кубань и в Белгородскую Орду, чтоб мир с его Царским Величеством

---

[1] *А. Стилле*, Карл XII как стратег и тактик, стр. 92—93.
[2] *ТИРВИО*, т. III, Дневник пребывания царя в Воронеже, стр. 256.
[3] Там же, стр. 256—257.

свято и ненарушимо содержали и помощи королям Карлу Шведскому и Лещинскому и Гетману Мазепе не чинили и татар не точию (в) помощь, но и за границу отнюдь не выпущали под смертною казнию»[1].

Твердая политика Русского государства по отношению к Турции не замедлила дать свои результаты. Вмешательство Турции в войну против России было временно предотвращено. Происки Карла XII потерпели неудачу. Зато он надеялся получить помощь от Запорожской Сечи.

Переход гетмана Мазепы к шведам способствовал оживлению сепаратистских тенденций среди верхушки казачества Запорожской Сечи. Часть из них во главе с кошевым атаманом К. Гордиенко была непримиримым врагом Русского государства и стремилась перетянуть казаков Запорожской Сечи на сторону Карла и Мазепы. Гордиенко приглашал польских панов на Украину.

В апреле «на отъезжем карауле» войсками коронного (гетмана Синявского) были пойманы два курьера с письмами от кошевого К. Гордиенко к Станиславу Лещинскому и казакам, «обретающимся на Ингуле, Ингулце и Боте и на иных речках». В этих письмах кошевой призывал Лещинского на Украину, а казаков — «к нему вору в случение»[2].

Гордиенко не удалось повести за собой казачество. Основная часть казачества была враждебно настроена к шведским интервентам и к Мазепе. Казаки даже послали письмо Мазепе, в котором именовали себя царским войском, и подчеркивали, что будут бороться за освобождение Украины от вторжения иноплеменников, т. е. шведов.

Хотя основная масса казачества была против шведских интервентов и изменника Мазепы, положение в Запорожской Сечи было неустойчивым, так как последние всеми силами старались втянуть крымских татар и Турцию в борьбу с Россией.

Поэтому Петр I по отношению Запорожской Сечи вел осторожную политику. С одной стороны, он действовал увещаниями «учинить (их) добром по самой крайней возможности», с другой стороны, он принимал более действенные меры по отношению к тем, которые пытались выступить против Русского государства, «если оныя явно себя покажут противниками и добром сладить будет невозможно, то делать с оными, яко с изменниками».

Для этой цели он предложил Меншикову направить «полка два или больше, взяв из гарнизонов, послать в Каменный Затон с добрым командиром... и чтоб оные конечно при самом вскрытии воды плыли» (от Киева вниз по Днепру. — *Б. Т.)*[3]. Характерно отметить понимание Петром того обстоятельства, что сложные вопросы не всегда можно решать «топором с плеча», а что иногда для их разрешения нужно вести и осторожную политику.

---

[1] *ТИРВИО*, т. III, стр. 259.

[2] *А. Ф. Бычков*, Материалы военно-ученого архива Главного штаба, т. I, СПБ, 1871, стр. 656.

[3] *ТИРВИО*, т. III, стр. 109.

При выделении командира отряда, отправляемого в Запорожскую Сечь, Петр I советовал Меншикову, «чтобы лутче иного командира над Шарфом, отправляемым в Каменный Затон, учинить из бригадиров (буде из пеших не выберетца, то хотя из конных) кто поумнее, ибо там не все шпагою, но и ртом действовать надлежит, а кого, то полагаюсь на Вас» [1].

В Запорожскую Сечь послали лучших командиров петровской армии: Ренне, князя Григория Волконского и Яковлева; последний, очевидно, был во главе отряда, так как он там оставался до тех пор, пока не было сломлено сопротивление запорожцев.

При содействии Мазепы Гордиенко удалось поднять часть казачества на борьбу с Русским государством. Посланцы Мазепы, прибывшие в Запорожскую Сечь с воззванием и деньгами, подкупили часть сотников и добились созыва рады.

На собрании рады 12—13 марта читалось послание Мазепы, а после этого раздавались присланные гетманские деньги. Привыкшая к разгульной жизни, падкая на деньги, верхушка казачества после некоторых прений постановила перейти на сторону шведов. Для вручения этого решения шведскому королю была направлена особая делегация.

Предательская политика верхушки казачества осложняла взаимоотношения России с Турцией. Русский посол в Константинополе 11 апреля доносил государю, что «получил я ведомость о злых замыслах казаков запорожских: прислали крымскому хану просить, чтоб их принял под свой протекцион, о чем хан известил Порту; от себя доношу, что ни малого о том не изволите иметь сомнения; сколько мне бог помогает, тружусь усердно и уповаю на бога, что Порта к соблазнам таких плутов не склонится» [2].

Так как Турция вела в это время двойственную политику по отношению к России, то продавшаяся верхушка казачества, надеясь на помощь Турции, решила выступить против Русского государства.

Петр I вынужден был принять самые срочные меры, чтобы привести к повиновению восставших и этим парализовать осложнение отношений с Турцией.

К концу апреля и в начале мая восставшие запорожцы были разгромлены, и ставка на них шведского короля и Мазепы была бита. Гордиенко удалось привести к Карлу XII лишь незначительную часть казаков.

После уничтожения Запорожской Сечи Яковлев сжег все суда, собранные запорожцами для Карла. Это было почти что повторением взятия и уничтожения Батурина. Шведская армия потеряла бывшие в ее распоряжении средства для переправы через Днепр, и легко понять, что «при известии о катастрофе в шведской главной квартире замечалась большая растерянность» [3].

Уничтожение Запорожской Сечи оказало колоссальное влияние на колеблющуюся часть украинского казачества. Многие из бывших

---

[1] *ТИРВИО*, т. III, стр. 112.

[2] Там же, т. IV, стр. 91.

[3] *А. Стилле*, Карл XII как стратег и тактик, стр. 85—86.

сторонников Мазепы и Карла XII начали переходить на русскую службу.

Итак, измена Русскому государству со стороны Мазепы и Гордиенко не дала шведскому королю ожидаемых результатов.

Большие надежды король возлагал и на Польшу. К моменту решительной схватки он думал присоединить войска Станислава Лещинского. Однако Станислав Лещинский, разбитый генералом Рыбинским, сторонником Августа, едва сам держался в Польше, и «до сих пор Польша не могла оказывать никакой ценной помощи»[1].

Такова была обстановка накануне Полтавской битвы.

Русскому правительству удалось парализовать происки шведского короля и Мазепы, которые надеялись поднять против России украинское и запорожское казачество.

Русское правительство добилось того, что Турция запретила крымским татарам поддерживать запорожцев и гетмана Мазепу, а также оказывать помощь шведам. Султан даже сменил крымского хана и дал строгое предписание крымским татарам не выступать против России.

Таким образом, накануне Полтавской битвы русская дипломатия блестяще провела внешнеполитическую изоляцию Швеции. Для России сложилась благоприятная внешнеполитическая обстановка.

В это время крупнейшие западноевропейские государства были заняты продолжением войны за испанское наследство и не могли оказать решающего влияния на исход борьбы между Швецией и Россией.

Однако, несмотря на нереальность своих расчетов, Карл XII все-таки решился начать осаду Полтавы, а при необходимости и дать генеральное сражение русским войскам.

2. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ОБОРОНЫ ПОЛТАВЫ

В первых числах апреля в сопровождении старших начальников и Мазепы Карл XII отправился к Полтаве для личной рекогносцировки. После нее король сделал вывод, что эта крепость будет не в состоянии долго держаться. Захват Веприка позволил королю предположить, что такая же участь постигнет и Полтаву. В 20-х числах апреля Карл XII решил штурмом захватить ее в свои руки.

Сравнительно небольшая крепость Полтава располагалась на правом высоком берегу Ворсклы, при впадении в нее р. Коломак. В месте своего слияния эти реки образовали множество рукавов, протекавших в широкой низменной долине, покрытой непроходимыми болотами, чрезвычайно затруднявшими сообщение города с восточным берегом Ворсклы. Крутые возвышенности правого берега не подходили к реке вплотную, а были отделены расстоянием до 1 километра от ее русла.

Восточная и западная части крепости окаймлялись оврагами; на востоке они подходили вплотную к ограде, а на западе не дохо-

---

[1] *А. Стилле*, Карл XII как стратег и тактик, стр. 81.

дили до нее на 100 саженей. Небольшой овраг разделял крепость на две части.

Оборонительная ограда, имевшая форму бастионов, состояла из земляного вала и палисада, обнесенного рвом. Такие укрепления не представляли серьезной преграды для первоклассной в то время армии шведского короля. Незадолго до осады Петр I приказал исправить прежние и выстроить новые укрепления. Гарнизон Полтавы состоял из 4 тысяч солдат и 2 500 вооруженных жителей при 28 орудиях. Во главе их стоял храбрый, энергичный и верный воинскому долгу полковник А. С. Келин.

В конце апреля шведы появились под стенами Полтавы. Одна часть их расположилась в укрепленном лагере, а вторая — в окрестных деревнях, прилегающих к Полтаве. В Будищах для прикрытия предстоящей осады был оставлен под командованием генерала Росса обсервационный отряд в составе двух драгунских и двух пехотных полков.

Сосредоточив свои войска у Полтавы, шведы приступили к осадным работам, руководство которыми было возложено на генерал-квартирмейстера шведской армии Гилленкрока,— «маленького Вобана», как его называл шведский король.

У генералитета шведской армии не было единого мнения о целесообразности осады Полтавы. Многие генералы не верили в возможность взятия Полтавы и убеждали Карла отказаться от этой операции. Такого мнения, в частности, придерживался Гилленкрок. Но Карл приказал начать работы и форсировать осаду Полтавы.

Карл XII хвастливо заявлял своим генералам, что русские, засевшие в такой «ничтожной» крепости, сдадутся шведам при первом пушечном выстреле по городу. Однако небольшой гарнизон крепости проявил изумительную стойкость и задержал шведскую армию у своих стен на три месяца.

После тщательной рекогносцировки окрестностей Полтавы Гилленкрок составил план осады: было решено атаку вести с западной стороны города, а осадные работы ограничить тремя параллелями, соединив их между собой простыми ходами сообщения. Для производства работ был организован большой наряд солдат с таким расчетом, чтобы в первую же ночь наступления добраться до крепостного рва, а потом внезапно атаковать русских.

Еще до начала осадных работ (28 и 29 апреля) шведы сделали попытку штурмом взять Полтаву. Встретив мужественное сопротивление полтавского гарнизона, они вынуждены были отступить.

На следующий день с наступлением темноты шведы приступили к осадным работам. Как только гарнизону стало известно, что шведы проводят осадные работы у стен крепости, полковник Келин решил немедленно сделать вылазку.

Отряд, вышедший из крепости, быстро опрокинул сторожевые пикеты шведов, прикрывавшие осадные работы, и напал на них столь внезапно, что те и оглянуться не успели, как русские оказа-

лись в траншеях. Овладев их шанцевым инструментом, русские благополучно вернулись в Полтаву.

В связи с тревогой шведов, начавшейся на месте работ, к ним на подмогу было послано подкрепление, но оно уже не нашло русских в окопах и двинулось к крепости. В час ночи 1 мая у крепостной ограды завязался горячий бой, продолжавшийся до рассвета. В этом бою шведы потеряли около 500 человек и вынуждены были отступить. Русские потеряли 212 человек убитыми и ранеными.

На следующий день с наступлением ночи шведы снова приступили к осадным работам, но гарнизон Полтавы неоднократно повторял внезапные налеты на шведов. Еще в течение апреля был совершен ряд успешных вылазок, во время которых разрушались осадные сооружения шведов, захватывалось оружие и шанцевый инструмент. Осажденные полтавчане успешно отбили ряд штурмов. Несмотря на большие потери, понесенные во время штурмов, шведы продвигали вперед свои осадные сооружения и им удалось дойти до крепостного рва.

«Вчерашнего дня,— писал Меншиков государю 5 мая,— получили мы от коменданта Келина письмо, что шанцы под самый ров подведены»[1].

Гилленкрок, руководивший осадными работами, считал свою задачу выполненной и советовал королю попытаться открытой силой овладеть крепостью. Но король, располагавший к этому времени уже точными сведениями о состоянии крепостных валов, считал необходимым продолжать и дальше инженерную атаку, «пройти сапами (траншеями) через ров и заложить мины под крепостной вал»[2].

Полковник Келин, предвидя бомбардировку города, занялся утолщением крепостных валов и время от времени производил вылазки на шведов.

Время с 4 по 14 мая прошло в тщательной подготовке сторон к сражению.

Когда весть об осаде Полтавы дошла до главных сил русской армии, она была передвинута из Богодухова к р. Ворскла. 2 мая главные силы расположились между Котельвой и Лихачевкой.

Сосредоточение русской и шведской армий к Полтаве совершалось почти одновременно, что затрудняло командованию оценку обстановки, и только к 5 мая для Меншикова она частично стала ясна. Меншиков считал, что гарнизон сам справится с обороной крепости. Это свидетельствует о том, что в русском лагере еще твердо не знали о намерении шведов штурмовать крепость всеми своими силами.

Только на следующий день, когда Меншиков получил донесение от Келина, ему стало совершенно ясно, что дело под Полтавой принимает серьезный оборот. В донесении говорилось, что «неприятель оную крепость уже несколько раз жестоким приступом атако-

---

[1] «Русский архив», кн. III, 1875 г., стр. 69.

[2] *А. Гилленкрок*, Современное сказание о походе Карла XII в Россию, стр. 92—93.

Рис. 11. *А. Д. Меншиков*

вал и хотя с великим уроном отбит и через вылазки многих людей потерял, однако же до сего времени помянутой город в крепкой блокаде держится».

Меншиков, получив сведения о тяжелом положении осажденных, 28 апреля созывает военный совет и на нем «за благо разсудили», «дабы сильную какую подвесть над неприятелем диверсию и онной крепости отдых учинить». На совете было решено произвести нападение на Опошню и Будище для того, чтобы отвлечь внимание противника от крепости.

Нападение на шведов предполагалось произвести одновременно в трех направлениях. Главные силы должны были оставаться на левом берегу Ворсклы и быть в полной готовности «сикурсовать» в том направлении, «куда неприятель сильнее наступит».

В ночь с 6 на 7 мая русские отряды успешно переправились на правый берег Ворсклы у Опошни и двинулись на обсервационный отряд Росса. Но наступление русских шведы быстро обнаружили и открыли сильный пушечный и оружейный огонь. Однако натиск русских был настолько стремительным, что им удалось сбить линию прикрытия и захватить одно знамя, две пушки и 180 пленных, в числе которых оказался майор Лоде. Остальная часть солдат линии прикрытия разбежалась, и для русских открылся путь к Опошне.

Но Росс, осведомленный о наступлении русских, быстро поднял по тревоге главные силы своего отряда — два пехотных и два драгунских полка — и двинул их против русских, направляющихся к Опошне. Убедившись в превосходстве сил русских, Росс не решился вступить с ними в бой, и после первого залпа со стороны наступающих он зажег предместье и, «не дождавшись шпажного бою, с великой конфузией и стыдом» отступил в Опошненский замок[1].

Русский отряд уже подошел к замку и приготовился к его штурму. Но Меншиков, стоявший во главе этой операции, получил сведения о движении к Опошне шведских подкреплений. Сам король с двумя гвардейскими батальонами и с четырьмя драгунскими полками двигался на помощь осажденным.

Тогда русские отвели свои части снова на левый берег Ворсклы, и королю удалось догнать только часть русского арьергарда, находившегося у переправы на правом берегу реки. «Наши, остановясь, дали по них из пушек и из мелкого ружья несколько добрых залпов, от чего они, шведы, принуждены с уроном отступить к Опошне. И наши потом с добрым порядком перешли через реку Ворсклу паки в обоз свой счастливо». Итак, намеченный план отвлечения шведов от Полтавы не привел к желанным результатам.

Русским удалось только временно отвлечь шведов от Полтавы и освободить несколько сот украинских казаков, которых «с женами и детьми... шведы за крепким караулом и непрестанной жестокой работе держали».

Шведский король простоял с ночи на 7 по 8 мая в ожидании нового нападения русских, а затем решил подтянуть свои войска

---

[1] *ГАФКЭ*, Кабинет Петра I, 1709, д. № 9, реляция, л. 571—574.

ближе к Полтаве. Шведская пехота расположилась около крепости, а конница заняла деревню Жуки. «Неприятель после бывшей акции из Опошни и из Будищ и из других мест пошел с великим поспешением к главному своему корпусу, который обретается около Полтавы и оную облегли и желают, чтобы достать»[1].

Русская кавалерия, оставленная Меншиковым на правом берегу Ворсклы, расположилась севернее деревни Жуки и вела непрерывное наблюдение за противником. Она уничтожала отдельные шведские отряды, как только они отделялись от главных сил своей армии. Обессиливая таким образом неприятеля, Меншиков сообщил Петру: «Мы повседневно чиним здесь неприятелю диверсии, но желаю к тому скорого к нам прибытия вашей милости, ибо ко всему знатная прибудет резолюция; баталии елико возможно оберегаемся, а понеж неприятель со всей силой против нас собрался, и по вашему указу послал к Шереметеву, чтобы, оставя Волконского с тремя полками при гетмане, к нам поспешал, також Долгорукову велел сюда итти».

9 мая Меншиков получил письмо от Петра с советом «в осаде полтавской гораздо смотреть надлежит, дабы оная... освобождена (была) или по крайней мере безопасна была от неприятеля, к чему предлагаю два способа: первое — нападение на Опошню и тем диверсию учинить; буде же то невозможно, то лучше притить к Полтаве и стать при городе по своей стороне реки (как было у Новгородка-Северского), понеже сие место зело нужно... и сим способом неприятель достать ево не может, ибо всегда возможно в город людей прибавливать и амуницию; протчее дается на ваше доброе рассуждение»[2].

Один из рекомендованных Петром способов борьбы был уже испытан и не дал желательных результатов, поэтому Меншиков применил второй способ.

12—13 мая русская армия спустилась вниз по левому берегу Ворсклы и сосредоточилась у деревни Крутой Берег, против Полтавы. Главное внимание сейчас русское командование обращает на оказание немедленной помощи осажденному гарнизону. 15 мая Меншикову путем сложного маневра в сопровождении местных жителей под прикрытием темноты удалось перебросить в крепость отряд Алексея Головина в составе 1 200 человек[3].

Переодетый в шведское обмундирование, отряд перешел скрытно через болото и подошел к окопам шведов, которые приняли смельчаков за своих и пропустили их. На окрик «Кто идет?» — бригадир Головин ответил по-немецки, что он ведет команду для осадных работ под Полтаву. Шведы обнаружили свою ошибку, но было уже поздно: русский отряд штыками проложил себе дорогу к крепостным воротам. Причем русские перекололи до 200 шведов, потеряв

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. XI, стр. 113.

[2] *ТИРВИО*, т. III, д. № 159, стр. 165.

[3] *ГАФКЭ*, Кабинет Петра I, 1709 г., д. № 9, л. 443, Письмо Меншикова Петру I. Эту же цифру приводит и Головкин в письме Скоропадскому 17 мая. *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 1, л. 62.

сами в этой смелой операции 33 человека. «Каждый из солдат отряда принес по мешку с порохом, перенеся его через воду на голове» [1].

Карл XII, узнав об искусно исполненной операции, сказал: «Я вижу, что мы научили русских воевать».

После этой операции русские пытались каким-либо образом оказать еще помощь осажденным в Полтаве. Так, через непроходимые болота у реки Ворскла начали строить гати из фашин, отдельные конные отряды продолжали производить нападения на шведов в целях отвлечения их внимания от крепости. Но эти меры не помогли, и шведы продолжали окружать Полтаву тесным кольцом.

Первый период осады Полтавы представляет собой поучительный урок в истории военного искусства. Сравнительно небольшой гарнизон храбрых патриотов, обложенный лучшей в то время европейской армией, дал возможность русскому командованию выиграть время и сосредоточить свою армию для решающей схватки с врагом.

Полтавский гарнизон под руководством мужественного полковника Келина вел активную оборону крепости. Келин внимательно следил за действиями шведов, производил почти ежедневно вылазки на противника, во время которых у рабочих команд шведов захватывался шанцевый инструмент и разрушались построенные ими саперные сооружения. Обороняющиеся наряду с применением обычных средств борьбы — артиллерийский огонь, постройка внутренней линии обороны, саперные работы — изобрели совершенно новые средства борьбы, например применялась особая машина с крюком, при помощи которой шведы «вынимаются из сапов».

Мужественные защитники Полтавы своевременно поддерживались полевой армией. Как только дошли тревожные слухи о тяжелом положении Полтавы, Меншиков принял срочные меры по оказанию помощи осажденному гарнизону (принцип взаимоподдержки). Он сосредоточил всю армию у Полтавы, предвидя неизбежность генерального сражения со шведами.

Однако, имея указания Петра I избегать пока решительного сражения со шведами, Меншиков принял ряд мер по оказанию помощи гарнизону: произвел нападение на Опошню, усилил гарнизон посредством переброски отряда Головина, пытался установить непосредственную связь с гарнизоном, стремился удержать в своих руках мост через Ворсклу.

За мост развернулась упорная борьба между шведами и русскими. Шведы, имея большой опыт в инженерном искусстве, не дали русским установить непосредственную связь с Полтавой. Но меры, принятые Меншиковым, хотя и не всегда приводили к положительным результатам, все же усиливали стойкость гарнизона и значительно подтачивали силы противника.

Следует признать, что Карл XII правильно оценил значение Полтавы: падение ее укрепило бы стратегическое положение шве-

[1] Цитируется по сборнику «Полтавская битва», стр. 206.

дов. Правильно он выбрал главное направление инженерной атаки с западной стороны. Не прекращая осады Полтавы, он сумел отразить наступление русских отрядов и оказать своевременную поддержку отряду Росса.

Ошибочным действием шведов было производство штурмов крепости без достаточной подготовки и малыми отрядами. Идея осады Полтавы была вообще бессмысленной. Если Карл XII решил дать генеральное сражение русской армии, ему нужно было обеспечить сохранение сил своей армии. Чтобы прорваться на Белгород, не обязательно было итти через Полтаву.

3. ВТОРОЙ ПЕРИОД ОБОРОНЫ ПОЛТАВЫ

27 мая из-за реки Воркскла под Полтаву со своими войсками прибыл Шереметев, а 4 июня приехал Петр, находившийся с февраля в Троицком городке. О прибытии новых подкреплений гарнизон известили пушечным выстрелом с холостым ядром, в которое было вложено письмо Петра I с призывом держаться как можно дольше. Он писал, что принимаются меры для спасения гарнизона и оказания ему помощи. Письмо было прочитано в ратуше, и осажденный гарнизон и жители поклялись города неприятелю не сдавать, а упорно оборонять его до последней капли крови.

Самонадеянный, упоенный славой, уверенный в непобедимости своей армии, шведский король гордо заявил своим генералам: «Если бы бог послал ангела небесного с приказанием отступить от Полтавы, я и тогда бы не отступил». На деле Карлу XII пришлось простоять под Полтавой три месяца и потерять почти всю свою армию.

В последних числах мая было сравнительно спокойно. Обе стороны готовились к решающей схватке. По рассказу многих перешедших из шведского войска дезертиров и взятых «полонянников», а также и убежавших из плена русских, «в шведском войске великая скудность в провианте и для того будто намеривают идти к Днепру».

Русская главная квартира дала указание гетману Скоропадскому, чтобы он «в те места, через которые чаять того неприятельского к Днепру подходу», дал от себя указы, чтобы «жители тех мест вывозили свой скарб и скотину выгнали в леса и в крепкие места, а в городах бы и селах ничего излишнего в домах их не было, но малое б число про свою нужду держали, чтобы тем неприятелю не дать никакого довольства» [1].

Русские военачальники проявляли исключительную сообразительность и при новой обстановке быстро принимали решение.

Прибывшему под Полтаву Шереметеву стало совершенно очевидным, что перевес сил и преимущества в инженерном отношении были на стороне шведов. «Апроши итти и чинить коммуникацию с городом,— писал Шереметев царю,— будет не малая медленность

---

[1] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 1, л. 68.

и дабы между тем неприятель своего намерения над Полтавой не учинил».

Это был прямой совет Петру о необходимости принять другой способ борьбы против шведов. Дальше Шереметев рекомендует, «чтоб немалую часть пехоты и при том кавалерию через Ворсклу, выше Полтавы в полуторе мили, переправить и поставить в ретраншементе, а из того ретраншемента всякие поиски чинить и диверсии неприятелю делать. А хотя бы неприятель и хотел нас в том ретраншементе атаковать, то он учинить ничего не может, понеже с тылу того ретраншементу р. Ворскла, и есть ли случай покажет к ретированию, то переход в руках наших будет. А когда неприятель с пехотою будет на нас наступать, также и в то время от шанцов возможно не малой алларм и диверсию учинить неприятелю» [1].

Это письмо писалось еще до прибытия Петра в лагерь. Приехав в лагерь, Петр через некоторое время принял совет Шереметева.

В первых числах июня шведы снова усилили нажим на Полтаву. 1 июня в штурме крепости приняло участие 3 тысячи человек. Они «бросили» в крепость 32 бомбы, «от которых учинился в городе великий пожар». Воспользовавшись этим, шведский король приказал своим войскам повторить штурм. Шведские штурмовые колонны двинулись с двух сторон на приступ крепости. Пока гарнизон был занят тушением пожара, передовым частям удалось взобраться на крепостной вал и водрузить свое знамя, а барабанщик уже бил «взятие». Но в этот критический момент русские контратаковали шведов и отбросили их к крепостному валу. Получив подкрепление, шведы еще раз бросились на штурм, но вновь были отбиты. В штурмах 1 июня шведы потеряли более 400 человек, а русские только 194 человека.

На другой день фельдмаршал Реншельд послал коменданту Полтавы наглое предложение сдаться на «аккорд», причем предложение сопровождалось угрозами, что сдача должна состояться заблаговременно, «понеже в приступное время аккорд дан не будет; хотя бы этого и требовали, то все будут побиты».

Полковник Келин ответил шведскому парламентеру, что нам уже было семь предложений, а «приступов было 8 и из них присланных на приступ более 3 000 человек при валах Полтавских головы положили. Итак, тщетная ваша похвальба; победить всех не в вашей воле состоит, но в воле божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет»[2].

После того как шведский парламентер ушел, комендант Полтавы выслал из крепости тысячный отряд, для того чтобы напасть на нижние неприятельские шанцы, расположенные от р. Ворскла к болоту, в которых «было неприятельского войска 700 и 6 пушек». Удар по шведам был настолько стремительным, что они не успели приготовиться к отпору. Русский отряд быстро выбил противника

---

[1] *Ф. Ласковский,* Материалы для истории инженерного искусства в России, т. II, стр. 259.

[2] *ТИРВИО,* т. IV, стр. 122.

из его укреплений, захватил всю артиллерию и погнал шведов к Ворскле, в топкое болото.

Тяжелое положение гарнизона Полтавы приводило Петра I и некоторых его военачальников к мысли попытаться установить связь с осажденными. В связи с этим 4 июня фельдмаршал Шереметев разослал «предложение», на которое он желал получить от «генералов письменных рассуждений» о том, как действовать дальше против шведов, «каким образом оной крепости пользу в неприятельском наступлении чинить и до его намерения не допустить?» [1].

Большинство генералов высказывалось за необходимость дать генеральное сражение шведскому королю, ни в коем случае не позволив ему уйти за Днепр. Характерны в этом отношении рассуждения генерала Алларта. Он писал:

«Будто добро то, чтоб короля шведского за Днепр перепустить, но я весьма против оного в том мнении есмь, и надеюсь при помощи божьей и со всеми великими и в войне искусными генералами утвердить, что сие от Царского Величества высокому интересу не токмо весьма вредительно, но и к его высшему бесславию будет, ибо можем с нашей стороны еще 10 лет войну продолжать, а никогда такого авонтажу не получим,— короля шведского в такое утеснение, нужду и окружение меж двумя реками привесть, в каком он ныне есть. И опасатися надлежит, что ежели мы нынешнего случая не употребим, то король шведский вновь усилится и Станислава в свое расположение, також по времени поляков и Литву к своей стороне привесть может, и ежели генеральный мир в Европе учинится, как к тому надежда есть, то не надлежит сомневаться, что король французский короля шведского, яко вечного своего приятеля, вспомогать как советами, так деньгами и людьми будет и свои замыслы и факции в Польше и Литве по всякой возможности к высшему вреду его Царского Величества чинить и могут тогда легко в случаи иногда переменитися, ибо надлежит подлинно верить, что король шведский свои погрешения в сей войне признает и вред поправит в его Царского Величества земли с лучшим основанием знать будет атаковать, где чувственнее есть» [2].

«Рассуждение» Алларта показывает, что русское командование трезво оценивало международную обстановку и правильно намечало оперативный план борьбы со шведами.

Петр 1, выслушав совет генералов и оценивая оперативную обстановку, считал, что положение Полтавы пока не безнадежно, но шведы могут либо приступить к решительному штурму Полтавы, либо при неудаче штурма могут дать генеральное сражение русской армии, чтобы открыть путь для своей армии в центральную Россию. Причем Петр не исключал возможности, что Карл XII вследствие тяжелого положения шведской армии (оперативное окружение, отсутствие боеприпасов и продовольствия, малая вероятность

---

[1] *Д. Ф. Масловский*, Записки по истории военного искусства в России, вып. I, Приложение, стр. 35.

[2] *ГАФКЭ*, Фонд Госархива, кн. 2, д. № 8, л. 1027.

получить поддержку из Польши и Турции в силу неустойчивого положения Станислава Лещинского на престоле и неудачного исхода переговоров с крымскими татарами и турками) может снять осаду Полтавы и отступить за Днепр в Польшу. И в том и другом случае надо помешать шведскому королю осуществить его планы, если бы даже понадобилось дать генеральное сражение. Так рисовалась обстановка Петру I.

Считая, что Полтава еще может держаться, и смотря на бой как на крайнее средство, военный совет решил еще «поутрудить» шведов некоторое время над осадой Полтавы и продолжать ослабление сил противника посредством набегов, не прибегая к генеральному сражению. На совете решили воспрепятствовать отступлению шведов в Польшу, держать армию в кулаке и быть готовым, когда этого потребует обстановка, дать шведской армии генеральное сражение.

Предвидя неизбежность сражения, русское командование особенное внимание обращало на тщательную подготовку к нему. Оно вело непрерывную разведку противника и имело все необходимые данные о шведах, так как отдельные разведывательные отряды все время находились в соприкосновении с противником и держали его в напряженном состоянии. С целью изматывания сил противника небольшие отряды русских продолжали набеги на шведов. Широко применялось устройство засад, внезапно нападавших на проходившие отряды шведов или нарочно заманивавших их в ловушки. Это в особенности беспокоило шведов.

6 июня Петр дал приказ гетману Скоропадскому занять все переправы на реках Псел и Хорол и преградить пути, которыми шведский король мог бы воспользоваться при отступлении в Польшу. Русское командование твердо решило дать бой шведам и в том случае, если они повернут в Польшу, и даже тогда оно было намерено не выпускать их из Украины.

Русские еще раз попробовали проложить через болота подступы к Полтаве, но на этом пути они встречали постоянное сопротивление шведов, которые своими поперечными траншеями перерезали проводимые ими подступы.

Полковник Келин в своих донесениях сообщал, что осадные работы шведов идут успешно, а положение осажденных становится все более затруднительным, продовольствие и боевые припасы истощаются и что дальнейшее стремление только «потрудить» противника «над тем место» становится крайне опасным для гарнизона.

В связи с этим 12 июня царь созвал «генеральный совет» для обсуждения плана действий. Было принято решение произвести демонстративное нападение на шведскую армию в нескольких направлениях. Такая демонстрация была проведена 14 июня. Скоропадский произвел нападение на деревню Жуки, отряд Генскина атаковал Сенжары, а отряд Ренне отбросил шведов от деревни Петровки. Ренне применил военную хитрость. Он устроил засаду. На рассвете 15 июня он приказал двум драгунским полкам скрытно расположиться в лесу, 500 драгунам и всей нерегулярной коннице

подойти к неприятельскому лагерю и затем заманить шведов в устроенную для них ловушку. Этот замысел удался. Как только русские войска были замечены, Карл XII с шестью полками выступил против них. Конница, заманивая шведов, отступала до тех пор, пока не подвела их к лесу.

Но когда шведы подошли к месту засады, «в прикрытии лежащие драгуны великие залпы по оным дали». Шведы, повернув назад, стали отступать к своему обозу, а отряд Ренне, преследуя отступающего противника, нанес ему значительное поражение. Без потерь Ренне возвратился обратно, перешел через Ворсклу, оставив несколько человек для наблюдения за переправой через реку.

Демонстрация, проведенная русскими, а также постоянные набеги конных отрядов заставили шведов стянуть свои войска к Полтаве. Но Карл все же не снял осаду.

На военном совете 15 июня русские генералы постановили еще раз попытаться приблизиться к Полтаве при помощи апрошей, но и эта попытка кончилась неудачей, так как через русские апроши шведы стали рыть поперечные окопы.

4. ПОДГОТОВКА К ГЕНЕРАЛЬНОМУ СРАЖЕНИЮ

Теперь уже обстановка диктовала необходимость вступить со шведами в генеральный бой. Полтава была близка к падению. Отдать Карлу XII Полтаву — значило бы отдать шведам сильную оборонительную линию р. Ворскла и открыть им путь на Белгород, Харьков, Москву. Кроме того, падение Полтавы значительно подняло бы моральный дух шведской армии, усилило бы веру в ее непобедимость, оживило бы дипломатическую и военную деятельность возможных союзников Карла XII. Поэтому крепость надо было во что бы то ни стало спасти.

Так как все возможные меры спасения Полтавы были уже исчерпаны, оставалось только одно средство — дать шведам генеральное сражение. И Петр I решился на это. Жребий был брошен. Уже девять лет продолжалась Северная война. Наступила пора померяться силами.

Русская армия к решающей схватке была готова, за девять лет войны она превратилась в грозную силу. Победа под Лесной явилась стратегическим обеспечением предстоящего генерального сражения. И не случайно Петр назвал эту победу «матерью победы полтавской». Она окончательно вселила в русскую армию уверенность в победе, развенчала «непобедимость» шведов.

16 июня военный совет принял решение дать шведам «генеральную баталию»[1].

Петр I, понимая, что бой со шведами является «зело опасным делом», от исхода которого зависит судьба России, умело сочетал решительность и осторожность — это великое мастерство в военном искусстве.

---

[1] *ТИРВИО*, т. III, стр. 269.

По принятой традиции русские и шведы предварительно договорились, что днем сражения устанавливается 29 июня, и «утвердили за поролем военным, чтобы до оного сроку никаких поисков через партию и объезды и незаметными набегами от обеих армий не быть».

Однако русские, зная крайнюю неуравновешенность характера своего противника, беспокоясь, что он может нарушить принятые им обязательства, опасаясь, что гарнизон Полтавы может не выдержать осады до 29 июня, решили перевести свою армию на правый берег Ворсклы и расположить ее так, чтобы в любую минуту быть готовыми оказать помощь Полтаве.

В целях обеспечения переправы главных сил армии русское командование 17 июня перебросило передовой отряд Ренне (12 драгунских и 3 пехотных полка) на правую сторону Ворсклы у деревни Петровки, где был возведен тет-де-пон[1], прикрывавший переправу, здесь было построено 17 редутов[2]. Для прочного удержания переправы 18 июня отряд Ренне был усилен дивизией Алларта.

В этот же день Шереметев по приказу Петра дал Брюсу указание по тылам:

1) «обозы и прочия тягости от всех трех дивизий, а также от артиллерии тягости, которые в нынешней случай неприятельскому отпору не потребны», отправить к деревне Рублевке и там быть с полковыми обозами;

2) остальные боевые припасы, необходимые для сражения, отпустить по требованию «господ генералов».

Это показывает, какое большое внимание уделял Петр I подготовке боя, а также выбору пункта для обоза на случай неудачи.

Приняв решение дать бой, русское командование в ночь на 19 июня передвинуло свою армию от деревни Крутой Берег вверх по Ворскле к деревне Черняхово, а на второй день под прикрытием отрядов Алларта и Ренне вся армия была переброшена к деревне Петровке на правый берег реки, став лагерем у деревни Семеновка, в 8 километрах от Полтавы.

Сосредоточение русских войск на правом берегу Ворсклы вблизи от лагеря шведов крайне тревожило Карла XII. Он считал, что русские могут немедленно перейти в атаку на шведов для того, чтобы выручить Полтаву. Когда 21 июня к шведскому лагерю начали

---

[1] Тет-де-пон — полевое укрепление из редутов, соединенное между собой ходами сообщения.

[2] «Близкое присутствие неприятеля, а еще более испытанная предприимчивость Карла XII заставили Петра обратить особенное внимание на оборону этой переправы.

Для этого правый возвышенный берег по всему протяжению деревни Петровки был занят укреплениями, разделявшимися овражистою местностью на две отдельные группы. Система укрепления состояла из ряда редутов, расположенных один от другого на расстоянии ружейного выстрела и обращенных исходящими углами к полю; они были соединены ломаными куртинами в виде тупых исходящих углов, оконечности которых не доходили до редутов и тем образовывали широкие проходы» (*Ф. Ласковский,* Материалы для истории инженерного искусства в России, т. II, стр. 260).

подходить русские разведывательные отряды, Карл XII приказал построить свою армию к бою. Приняв боевой порядок, шведская армия простояла целые сутки.

Предвидя неизбежность генерального сражения и не желая оставить у себя в тылу хотя бы и слабый осажденный гарнизон, 21 и 22 июня шведы возобновили ожесточенные штурмы Полтавы, но героический гарнизон с помощью жителей и на этот раз дал отпор захватчикам. «Женщины и дети посильно помогали сражавшимся, поднося им снаряды, бревна и камни» [1].

После этих неудачных штурмов в русском лагере еще больше распространились слухи о том, что якобы шведы собираются переправиться через Днепр и уйти в Польшу. Петра это крайне беспокоило, и он 23 июня писал Долгорукову: «Объявляю вам, что шведские дезертиры сказывают, что в сих числах или граф Пипер или иной кто из знатных шведских персон, с несколькими стами шведов поехал к Днепру искать того, чтоб как возможно за Днепр перебраться: чего для надобно господину гетману послать от себя указы не мешкав к полковнику Калагану и к прочим командирам, обретающим за Днепром, дабы они весьма того накрепко смотрели, чтоб оных шведов за Днепр не перепустить и того для везде по берегам всякие перевозные суда и лодки побрать и приставить крепкие караулы»[2].

Гетман Скоропадский еще раньше занял специальными отрядами возможные пути движения шведов за Днепр, уничтожил переправы, а сам 24 июня подошел со своим войском к деревне Семеновке.

25 июня Петр передвинул свою армию к деревне Яковцы, стоящей в 5 км от Полтавы, и дал войскам диспозицию. Войска немедленно приступили к постройке укрепленного лагеря. При новом расположении в тылу русских находился обрывистый берег Ворсклы. Справа и перед фронтом лагеря простиралась открытая равнина, которая упиралась своим отлогим спуском в лес, находившийся у деревни Малое Будище и Тахтаулова. Этот лес замыкал равнину с запада. С левого фланга находился густой, трудно проходимый лес, тянувшийся почти до самой Полтавы. Между лесами оставался промежуток шириной 1,5 км, через который шведы могли выйти к русскому укрепленному лагерю.

Выбор оборонительной позиции был сделан Петром весьма удачно. Зная решительный и крайне нетерпеливый характер шведского короля, Петр считал возможным, что он не станет ждать установленного дня сражения, а внезапно нападет на русский лагерь. Поэтому русские военачальники срочно произвели тщательную рекогносцировку местности и 26 числа приступили к возведению укреплений. Промежуток между лесами по приказу Петра был прегражден шестью редутами (сомкнутыми четырехугольными земляными укреплениями), построенными один от другого на расстоянии дальности ружейного выстрела.

---

[1] *ТИРВИО,* т. IV, стр. 152.

[2] *И. И. Голиков,* Деяния Петра Великого, дополнение, т. XV, № 1039.

Вторую линию редутов, которую приказал построить Петр, возвели перпендикулярно первой, по направлению вероятного движения противника.

Редуты второй линии (два из четырех передних) не были полностью окончены. Эти редуты вместе с укрепленным лагерем представляли собой довольно сильную позицию. В случае нападения шведы, стесненные с двух сторон лесом, не могли бы развернуть своих сил, а при фронтальном наступлении их встретил бы огонь фронтальных и фланговых редутов. Кроме того, для прохода промежутков между редутами неприятель должен был разорвать линию своего фронта, вследствие чего он попадал под перекрестный огонь со стороны редутов. Благодаря этому инициатива переходила в руки обороняющегося.

Если бы армия противника даже прорвалась через редуты, то она неожиданно наталкивалась на главные силы русской армии, находившиеся в укрепленном лагере. В случае нападения шведов укрепленные позиции русских давали возможность действовать так, как это было выгодно для обороняющихся; они могли выбить инициативу из рук противника и расстроить его ряды.

Итак, редуты, играя роль передовых позиций, должны были затруднить и замедлить доступ шведам к русской армии. Они должны были парализовать маневренность противника, заставить его рассредоточить свои силы и перейти к атакам отдельных редутов, а это приводило к расстройству боевого порядка шведской армии. А обороняющаяся армия, наблюдая за врагом и пропуская его к передовым позициям, открывала артиллерийский огонь, который приводил к окончательному расстройству противника. Это обстоятельство создавало условия для перехода от обороны к наступлению.

Так в петровской системе редутов был заложен принцип активной обороны и идея перехода от обороны к наступлению. В истории военного искусства подобный способ действий был применен впервые. Такой взгляд на оборону в европейских армиях был принят только спустя почти столетие.

Петр I глубоко и всесторонне обдумал план разгрома шведской армии, и в этом плане очень большое, если не главное место он отводил инженерной подготовке поля боя. При этом редуты выражали не только оборонительную тенденцию, но и наступательную, являясь опорными пунктами для разгрома шведской армии.

Шведы вели бой в линейных боевых порядках. Обычно вся армия выстраивалась в две линии, по три шеренги в каждой линии, пехота располагалась в центре, конница на флангах, артиллерия впереди фронта или на флангах.

Линейный боевой порядок позволял развить всю мощь ружейного огня, но исключал при наличии редутов возможность необходимого маневрирования. Редуты были предназначены для того, чтобы разорвать сплошные линии боевого порядка шведов, обессилить их этим и уничтожить разрозненные таким путем части шведской армии. Петр понимал слабые и сильные стороны линейной тактики и нашел средства борьбы с нею.

Ко дню Полтавского сражения русская армия состояла из 58 батальонов пехоты, 17 полков конницы и располагала мощной артиллерией — 72 пушками. Общая численность войск доходила до 42 тысяч человек.

26 июня Петр произвел смотр пехотным полкам и расписал по дивизиям, «из которых первую царское величество своею персоною изволил принять в правление, а протчие разделили по генералитету». Но «фельдмаршал и генералитет просил его царское величество, чтоб в баталию не преобщаться, на что изволил сказать, чтоб о том более ему не говорили» [1].

При объезде русских войск Петр I, говоря им о намерениях шведского короля поработить Русское государство, призывал офицеров и солдат постоять за Родину.

Обращаясь к офицерам гвардейских полков, Петр I сказал: «Вам известно, что кичливый и прозорливый их король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпарра пожаловал уже губернатором Московским, и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, совсем истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение наше без отмщения?»

На эту речь герой Нотебурга и Лесной М. М. Голицын ответил: «Великодержавный царь-государь! Ты видел труд и верность нашу, когда через целый день в огне стояли, шеренг не помешали и пяди места неприятелю не уступили; четыре раза от стрельбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли; ныне же войска те же, и мы рабы твои те же. Уповаем... иметь подвиг ныне, как и тогда» [2].

Шведская армия накануне Полтавского сражения состояла не менее чем из 30 тысяч человек. За неимением пороха из всей артиллерии шведы могли использовать только четыре пушки. Это были результаты побед русских над шведами в битве под Лесной, но, несмотря на ряд неблагоприятных условий для шведской армии, о которых было сказано выше, она представляла серьезную силу.

Во главе армии стояли испытанные генералы с незаурядным полководцем Карлом XII. Армия шведов обладала хорошей маневренностью на поле сражения, в чем русская армия уступала шведской. Поэтому не случайно Петр I при разработке Полтавской операции обращал особенное внимание на то, чтобы парализовать маневр шведской армии. Редуты, построенные Петром, и должны были это сделать.

Шведский король, объезжая свои войска, обратился к офицерам и солдатам с речью. Он вспомнил одержанные победы и приглашал офицеров на пир в шатры московского царя. «Он приготовил нам много кушанья, — говорил король. — Идите же завтра туда, куда ведет вас слава».

---

[1] *ТИРВИО*, т. III, стр. 274.

[2] Там же, стр. 275.

Какая поразительная разница в призывах русского царя и шведского короля! Первый призывает войска к защите своего отечества, второй призывает к тому, чтобы грабить и разорять чужой народ.

Получив сведения от изменника унтер-офицера Семеновского полка Немчина о диспозиции русских войск, о больших инженерных работах по укреплению лагеря, Карл XII, чтобы расстроить планы русских и напасть на них врасплох, решил перейти в наступление раньше установленного срока.

На решение Карла XII дать генеральное сражение русской армии оказали большое влияние два сообщения: 21 июня из Турции прибыл полковник Сандул и сообщил о том, что Турция в ближайшее время отказывается реально помогать шведам; в тот же день из Польши прибыл королевский секретарь Клинкострем и доложил, что Лещинский и шведский генерал Крассау, будучи заняты борьбой с русским отрядом Гольца, не в состоянии выступить из Польши для оказания помощи главным силам шведской армии.

Нельзя признать, что решения Карла XII были целесообразны и отвечали реальной оперативной и международной обстановке, сложившейся явно не в пользу шведов. Чтобы спасти армию и выиграть время, наиболее благоразумным для Карла XII было бы отступление за Днепр. Некоторые генералы советовали ему это сделать. Но самолюбивый король, привыкший пожинать лавры победы, пренебрежительно отнесся к реальной обстановке — «главной повелительнице в войне», за что и был жестоко наказан.

Карл XII, решив дать генеральное сражение русским, не принял мер по обеспечению боя и путей отступления на случай неудачи. Это — вторая крупнейшая ошибка Карла XII. Накануне боя шведы не организовали тщательной разведки противника. Карл XII руководствовался принципом «где он?», т. е. противник, но беззаботно относился к тому, в каком состоянии он находится. По меткому замечанию Вольтера, Карл XII не был Александром (Македонским), но смело мог быть первым солдатом в его армии.

Наконец, нужно заметить еще крупный промах в действиях Карла XII под Полтавой — он упустил время для сражения (21 июня), когда он построил свою армию к бою, узнав о переправе и сосредоточении русской армии у деревни Петровки. Русская армия тогда находилась в крайне невыгодном оперативно-стратегическом положении по сравнению со шведской армией, и трудно представить себе, чем бы кончилось дело, если бы тогда шведы вступили в бой.

Стремление Карла XII перейти в наступление и захватить инициативу боевых действий в свои руки — фактор на войне положительный. Однако, проводя это решение, Карл XII упустил момент (25 и 26 июня) и дал возможность русским создать сильные оборонительные укрепления.

Действия Петра I носили во время подготовки к бою совершенно иной характер. Умелое сочетание решительности и осторожности, тщательная подготовка поля сражения во всех отношениях, прозорливая предусмотрительность, быстрый глазомер и настойчи-

вая последовательность в проведении принятых решений — таковы характерные черты его действий.

Петр I прибыл к Полтаве с убеждением, что «частительное» разрушение шведской армии достигнуто и что при удобном случае русская армия может дать шведам генеральный бой. Но между генералами шли горячие споры по вопросу о том, какой принять план борьбы со шведами.

Всесторонне ознакомившись с мнением отдельных генералов, Петр, отбросив крайние из них (немедленное вступление в бой со шведами или необходимость «перепустить» шведов за Днепр), принимает решение, соответствующее обстановке: всеми средствами удерживать Полтаву и оказывать ей возможную помощь, сосредоточив все войска на подступах к Полтаве; если над Полтавой нависнет угроза захвата ее противником, то расположить армию так, чтобы она в любую минуту смогла дать противнику генеральный бой.

Теперь все мысли Петра были направлены на подготовку сражения. Но так как еще трудно было определить, когда и при какой обстановке разыграется бой, то Петр принял необходимые меры для подготовки боя в стратегическом и тактическом отношениях. Этими мероприятиями являлись:

1. Тщательное изучение обстановки, непрерывная разведка противника.

2. Преграждение шведам переправы через Псел и Днепр в случае добровольного отступления в Польшу или в случае отступления после неудачного для противника сражения.

3. Сосредоточение всей русской армии к Полтаве и внезапная скрытная переброска ее на правый берег Ворсклы. Причем переправа была совершена выше Полтавы, что являлось мерой предосторожности на случай неудачи; кроме того, такое расположение армии давало возможность базироваться на центральную Россию (обеспечение тыла).

4. Постановка армии в выгодное положение по отношению к противнику. Постройка укрепленного лагеря у деревень Петровки и Семеновки с целью предотвращения внезапного нападения противника и с целью обеспечения для русской армии тыловой позиции на случай обратной переправы через Ворсклу (принцип безопасности).

5. Удачный выбор поля сражения и скрытный перевод русской армии 25—26 июня под прикрытием конницы к деревне Яковцы (принцип безопасности).

6. Создание оригинальных, доселе не применявшихся укреплений у деревни Яковцы (принцип активной обороны). Редуты давали возможность маневрировать и переходить в наступление на неприятельскую армию; они обеспечили русским расчленение врага; редуты ослабили силы шведской армии на первом этапе боя (идея взаимноперпендикулярных редутов); они предохраняли русскую армию от внезапного нападения противника и явились ловушкой для шведов; они дали возможность обороняющимся захватить инициативу в свои руки.

7. Непрерывные нападения русских конных отрядов, утомление противника постоянными нападениями в дни, предшествующие бою, с целью подрыва сил противника (принцип безопасности и подготовки к бою).

8. Преграждение вероятных путей отступления шведов за Днепр, уничтожение переправы у Переволочны, заградительный отряд гетмана Скоропадского (принцип эксплоатации победы).

9. Моральная подготовка войск — обращения Петра к солдатам и генералам и личные беседы с ними о значении предстоящего сражения для России (принцип экономии сил и подъема морального духа армии).

10. Блестящая внешнеполитическая и военная изоляция Карла XII от возможных союзников (умение создавать условия для победы).

Все эти мероприятия характеризуют Петра I как великого полководца, умевшего быстро ориентироваться в самой сложной обстановке. Все, что можно было сделать для всесторонней подготовки к бою, русское командование под руководством Петра I сделало. Плоды больших предшествующих трудов не замедлили дать в бою свои блестящие результаты.

5. ПЕРВЫЙ ЭТАП БОЯ

В ночь с 26 на 27 июня противник «из дифилеев, в которых он во всю ночь свое все войско в строй поставленное имел»[1], вел боевую разведку, но передовые разведывательные отряды русских ее отбили.

27 июня в 2 часа утра вся шведская армия, надеясь напасть на русских врасплох, выступила из лагеря и приняла боевой порядок. Шведы выстроили свою армию в две линии. Первой линией командовали генералы Левенгаупт, Стенбок и Реншельд. Центр находился под командованием генералов Спар, Горна и Штакельберга. Впереди в четырех колоннах двигалась пехота, за нею в шести колоннах следовала конница под командованием принца Виртембергского, полковника Фиельда и Гамильтона. Для продолжения блокады Полтавы и для охраны коммуникаций в виде небольших постов вниз по Ворскле Карл XII выделил 2 батальона пехоты, 6 эскадронов конницы и 3 тысячи казаков, сторонников Мазепы (всего около 6 тысяч), а часть из них он оставил в резерве для прикрытия артиллерии и обоза[2].

Раненный накануне, шведский король не мог сидеть на лошади. Общее руководство ходом боя было возложено на фельдмаршала Реншельда. Но, желая ободрить войска своим присутствием, Карл XII приказал вынести его перед рядами на носилках и, обращаясь к Реншельду, сказал: «Начинайте с богом!»

---

[1] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 23, л. 33—34.

[2] Шведы в бою использовали только четыре пушки. Остальная же часть артиллерии (26 орудий) была оставлена в обозе, так как применить ее шведы не могли вследствие отсутствия боеприпасов.

Карл XII не дал своим войскам хорошо продуманной диспозиции боя, так как расположение русских войск было прикрыто передовыми отрядами конницы и не было точно известно шведам.

Окончательный план боя король решил сообщить частным начальникам тогда, когда выяснится обстановка. Но так как обстановка чрезвычайно быстро менялась, то строго продуманного плана боя шведы не имели и им пришлось подчиниться воле противника, который вел бой по тщательно разработанному плану. Еще 25 июня в русском лагере узнали от перебежавшего к ним поляка, что король готовится дать бой 27 июня.

26 июня военный совет принял решение, «чтоб сначала ночи против 27 числа войско было во всякой готовности к баталии».

Но в пятом часу утра 26 июня Петр I узнал о предательстве Немчина. Тогда снова был созван военный совет, на котором приняли решение о внесении изменений в диспозицию войск. На главном направлении Петр I решил поставить наиболее обученные части, имеющие большой опыт. Была применена военная хитрость. Предполагая, что изменник Немчин, очевидно, укажет шведам на то, что новобранцы одеты в серые кафтаны, и шведы безусловно будут принимать меры, чтобы сбить боевой порядок новобранцев, Петр I приказал одеть новобранцев в зеленые мундиры, а Новгородский полк, один из лучших полков, одеть в серые кафтаны. Эта предосторожность сыграла большую роль в ходе боя.

Петр приказал занять передовые редуты двумя батальонами пехоты. За редутом выстроились 17 полков регулярной кавалерии. Вправо для связи с частями гетмана Скоропадского было поставлено 6 кавалерийских полков под начальством Волконского. Главные силы русской армии — 58 батальонов пехоты и вся артиллерия (72 пушки) — находились в укрепленном лагере.

Заметив наступление шведов, Меншиков двинул навстречу свою конницу и сообщил о приближении неприятеля Петру и Шереметеву. В свою очередь шведская конница через интервалы между пехотными колоннами выдвинулась в голову.

В третьем часу утра перед передовой позицией русских уже шел горячий бой. Коннице Меншикова (23 полка и один эскадрон), выполнявшей роль авангарда на передовой позиции, удалось несколько раз отбить выдвинувшуюся вперед шведскую кавалерию, но противник стремительно продвигался вперед. Меншиков упорно сдерживал натиск шведов, чтобы дать возможность русской армии привести свои силы в боевую готовность.

В 4 часа утра главные силы русской армии были уже готовы к бою. Коннице Меншикова, удачно выполнившей возложенную на нее задачу, согласно диспозиции боя надлежало отойти назад, к главной позиции.

Но Меншикову, очевидно, успехи вскружили голову. Забыв об ограниченной задаче, поставленной ему Петром, упуская из виду общий план боя, он продолжал оставаться на передовых позициях. Пытаясь развить свой успех, Меншиков решил разбить врага на линии редутов, о чем послал донесение Петру, прося подкрепить его конницу несколькими полками пехоты.

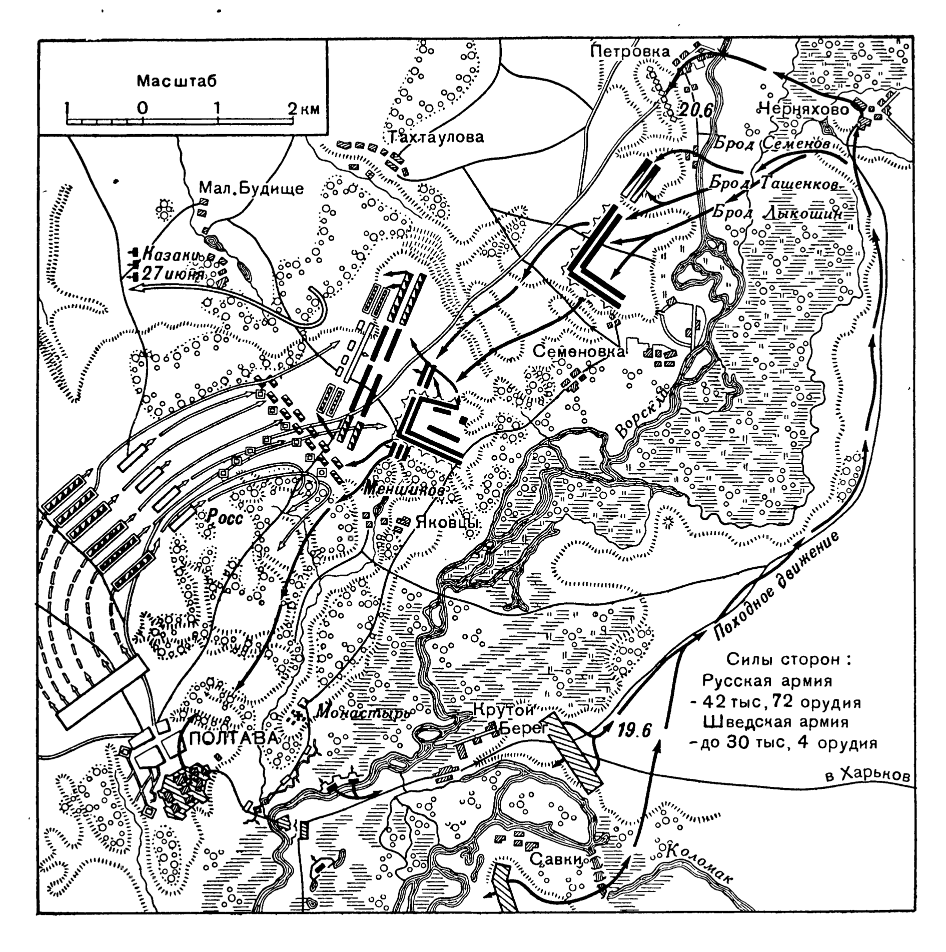

Схема 13. *Сражение под Полтавой 27 июня 1709 г.*

В то время как «в великом огне» кавалерия Меншикова дралась, Петр I, обладая исключительным глазомером полководца, успел еще раз объехать свои полки и осмотреть поле боя. Петр твердо убедился, что «инфантерия тогда стояла вся под ружьем во всякой исправности», готовая вступить в бой с противником. Дальнейший же бой русской конницы со шведами на передовых позициях Петру казался не только бессмысленным, но и опасным, так как он не отвечал принятому плану сражения и мог привести к поражению русской армии по частям. Учитывая это обстоятельство, Петр I приказал Меншикову отвести конницу на правый фланг укрепленного лагеря и расположить ее севернее ретраншемента.

Но Меншиков, считая, что Петр I недостаточно осведомлен об обстановке, решил продолжать бой со шведами, а Петру послал донесение, в котором сообщал, что шведы уже понесли большие потери, а его кавалерия не имела до сих пор решающего успеха над

шведами только потому, что ему не оказана помощь пехотой, в то время как шведская конница поддерживается своей пехотой. Причем Меншиков сообщал, что русская кавалерия находится от шведов близко, на расстоянии не более 40 саженей, и что теперь начать отступление невозможно потому, что движение русских назад морально подымет дух шведов и они могут на плечах русских ворваться в главный ретраншемент. В заключение Меншиков снова просил Петра оказать ему помощь пехотой, хотя бы несколькими полками, при помощи которых «по прошествии неприятеля к редутам средней линии удобнее можно (его) удержать и далее не пропустить».

Между тем горячий бой на передовых позициях продолжался. Шведы хотя медленно, но продвигались вперед. В пятом часу утра шведы атаковали два передних редута — они возводились в последнюю ночь и еще не были закончены.

Ценою больших потерь шведам удалось взять редуты, но когда противник продвинулся вперед, перед ним оказалось еще два редута, «в линию к армии его построенные», т. е. перпендикулярно к фронту шведской армии. Встретив здесь еще более сильное сопротивление, шведы вынуждены были замедлить свое движение.

Перед Карлом XII встал вопрос, что делать дальше? Либо атаковать и эти редуты, как и два передних, либо обойти их с севера или с юга. Карл понимал, что атака редутов потребует много сил, поэтому ему казалось более удобным совершить обход. Но и обход был сопряжен с большими трудностями: нужно было совершить сложный маневр, так как редуты находились против середины фронта шведской армии. Площадь между поперечной линией редутов и лесами была так тесна, что не могла вместить полностью боевой порядок шведской армии ни с одной, ни с другой стороны. Создавалась опасность разделения армии при маневре на две части. Учитывая все это, Карл попытался атаковать и эти редуты.

Шведы произвели ряд ожесточенных атак, понесли большие потери, но редутов взять не могли. Карл XII, убедившись в трудности штурма редутов, желая сохранить свои войска от напрасных потерь, отказался от первоначального плана и приказал войскам отойти немного назад, плотнее сомкнуть свои ряды и попытаться обойти редуты с северной стороны. Шведы начали совершать этот сложный маневр. Под огнем фронтальных редутов шведская кавалерия вынеслась вперед и развернула фронт влево от дороги, ведущей из Полтавы в Петровку.

Кавалерия Меншикова быстро заметила этот маневр шведов и, передвинувшись к северу, заняла промежуток между редутами и Будищенским лесом. Лихие кавалеристы вновь вступили в бой и смелыми атаками не допустили противника за линию поперечных редутов.

Все атаки шведской конницы были отбиты.

Солдат Нижегородского полка Авраам Иванович Антонов, прокладывая себе дорогу саблей, первым захватил трофей — полковое знамя шведов. В этой схватке было взято 14 знамен и штандартов.

Меншиков отправил их Петру в доказательство успехов, одерживаемых им на передовой позиции.

Успехи русской кавалерии еще больше убеждали Меншикова в правильности его решения. Но в это время он получил приказание Петра отвести конницу в указанное ему раньше место. Петр считал нецелесообразным при данной обстановке пускать ее в дальнейший ход, поскольку все силы шведов сосредоточились на левом фланге.

Но Меншиков, продолжая упорствовать, в донесении уговаривает Петра согласиться с его мнением и «всепокорнейше» просит Петра оказать ему помощь, мотивируя тем, что если «неприятель и достольными редутами овладеет, ежели с кавалериею отступить и оставить редуты без сикурсу; а при сикурсе кавалерия, того учинить и поперешной линии шти (шести) редутов пройти (шведам будет) невозможно».

Опасение Карла XII относительно раздвоения армии при обходе продольной линии редутов было не напрасно: боевой порядок шведов действительно не поместился на поляне между редутами и Будищенским лесом, и под огнем русских они начали его перестраивать.

В это время Росс подступил со своей колонной к третьему перпендикулярному редуту, но попал под перекрестный огонь двух перпендикулярных и трех фронтальных редутов. Это заставило колонну Росса отделиться от главных сил, отступить от редутов вправо и укрыться в лесу. Участок правее дороги, идущей от Полтавы к Петровке, был очищен от шведских войск, и колонне Росса угрожала опасность остаться отрезанной от главных сил.

Видя такую опасность, шведы двинули в этот промежуток свою кавалерию. Встреченная русской конницей, а также сильным артиллерийским и ружейным огнем из редутов, она вынуждена была приостановить свое наступление.

При перегруппировке сил шведская армия действительно разделилась на две части. Шесть батальонов и несколько эскадронов с генералами Россом и Шлиппенбахом оказались отрезанными продольными редутами и, опасаясь потерпеть поражение, укрылись в южном лесу ближе к Полтаве.

Петр I, внимательно следивший за полем боя, к 6 часам утра имел точные сведения о действиях русской конницы на передовых позициях; узнав к тому же о том, что в лесу укрывается оторвавшаяся от главных сил шведская колонна Росса, он решил принять более радикальные меры для направления боя, согласно принятой диспозиции.

Петр приказал Меншикову с пятью кавалерийскими полками и пятью батальонами пехоты уничтожить вражескую колонну, отрезанную от главных сил армии, пока шведы производят перегруппировку своих сил и ожидают прибытия Росса. Чтобы выполнить этот приказ, Меншиков вынужден был оставить поляну севернее редутов. Боуру было приказано принять начальствование над остальной конницей и начать отход к правому флангу укрепленного лагеря.

Но «крепко смотреть, чтобы гора у него в фланге, а не позади была, дабы неприятель не мог нашу кавалерию под гору утеснить;

также уступать велено до тех пор, пока неприятель с пехотою на оного будет наступать, а ежели с одной кавалерией, тогда велено биться»[1]. Отход русской конницы был принят шведами за вынужденное отступление. Шведский король решил немедленно перейти в наступление на оборонительные позиции русских.

Дальнейший ход событий показал, что решение Петра было правильное. Пока Меншиков успешно громил отрезанные отряды шведов, Карл XII своими главными силами совершил несколько атак на поперечные редуты. Оказавшись в крайне невыгодном положении, шведы вынуждены были развернуть фронт для атаки поперечных редутов, «так как машина была пущена в ход, то уже нельзя было ни остановиться, ни отказаться от своего намерения».

Шведы всеми своими силами атаковали шесть поперечных редутов. Но атака была отбита. Тогда Карл XII приказал своим войскам пройти между редутами. Несмотря на сильный ружейный огонь, шведы прорвались через редуты и стали медленно продвигаться за отходившей русской конницей. Пыль, поднятая отступающей русской конницей, облака дыма от непрерывной артиллерийской стрельбы заслонили от шведских колонн укрепленный лагерь. Не заметив его, правый фланг пехоты Левенгаупта почти вплотную подошел к главным русским укреплениям.

Когда правый фланг шведов оказался в 60 метрах от лагеря, русская артиллерия открыла во фланг линейного боевого порядка шведской армии ураганный огонь картечью. В панике шведы бросились в Будищенский лес[2], где стали приводить в порядок свои поредевшие ряды, готовясь снова повторить наступление на русские оборонительные позиции.

Между тем Меншиков в точности выполнил приказ Петра I. Он разбил отрезанную колонну Шлиппенбаха и взял его в плен. Причем Меншиков «на своем пути наткнулся на резервный отряд в количестве 4 тысяч человек, стоявший у леса и прикрывавший правое крыло шведов. Московиты их мужественно атаковали. Шведы столь же стойко сопротивлялись, но были вынуждены податься. Князь Меншиков совершенно уничтожил этот отряд, перебив одних и пощадив немногих остальных»[3].

Дальнейшее преследование остатков колонны Росса, укрывшейся в лесу, Меншиков поручил Ренцелю, а сам возвратился на поле битвы к главным силам. Росс слишком хорошо понял, что он совершил большую ошибку, но он не знал, что нужно сделать, чтобы присоединиться к королю. К «его величеству он послал одного капитана, по фамилии Функ, разведать, не были ли это войска короля, которых он видел приближающимися издали и кото-

---

[1] Книга Марсова, стр. 68.

[2] Нельзя согласиться с мнением Леера, который сожалеет, что Петр I не использовал этот момент и не перешел в общее наступление. Петр I поступил правильно, поскольку еще окончательно не выяснилась обстановка. Неизвестно было, каковы успехи Меншикова в его борьбе против колонны Шлиппенбаха. («Военный сборник» № 3—4, 1865 г.).

[3] *Лимьер*, История Швеции в царствование Карла XII. Цитируется по сборнику «Полтавская битва». СПБ, 1909 г., стр. 222.

рые на самом деле были войска Ренцеля, спешившие окружить его. Функ, подъехав слишком близко, принял их за шведов, так как увидел среди них Шлиппенбаха, и был взят в плен, так что Росс не успел еще получить никакого ответа, как уже Ренцель напал на его войска и окончательно окружил их со всех сторон»[1].

Остатки колонны Росса прорвались к Полтаве. Ренцель преследовал их. Шведы надеялись укрыться в своем лагере, но гарнизон Полтавы произвел вылазку и захватил лагерь шведов. Попытка Росса укрыться в одном из редутов под Полтавой успеха не имела. Шведы вынуждены были капитулировать. В руки русских попала вся шведская артиллерия.

6. ВТОРОЙ ЭТАП БОЯ

После отступления шведов к Будищенскому лесу Петр I построил часть пехоты на флангах укрепленного лагеря, «для того ежелиб неприятель атаковал ретраншемент, чтоб свободно из оного стрельбе быть можно было; в выведенным на стороны со флангом оного атаковать». Между тем шведы продолжали стоять в логовине у леса без действий. Это было наглядным доказательством сильной «конфузии» шведской армии после первого этапа боя.

Петр I, внимательно следивший за противником, не мог не заметить этого и начал беспокоиться о том, чтобы шведы, испытавшие уже частичную неудачу, не уклонились от решительного боя и не предприняли мер к планомерному отступлению за Днепр. При сложившейся обстановке шведам разумно было бы принять такой вариант.

Допуская такую возможность в действиях Карла XII, Петр I приказал немедленно вывести армию из ретраншемента, стеснявшего маневр, и быть готовыми перейти немедленно в наступление на шведов, если они даже начнут отступать за Днепр. Если же шведы будут медлить с наступлением, то самим перейти в наступление на противника.

На решение Карла XII уклониться от боя с русскими могло также повлиять и то обстоятельство, что русская армия выстраивалась в боевой порядок на глазах у противника, вследствие чего шведы не могли не заметить количественного превосходства сил у Петра I.

Учитывая все эти соображения, Петр I принял следующее решение: большую часть армии вывести из ретраншемента и построить боевой порядок так, чтобы обеспечить свободу маневрирования; меньшую часть армии оставить в ретраншементе в качестве резерва, продолжая окончательно выяснять обстановку. В резерв Петр I назначил восемь пехотных батальонов, один батальон гренадер и несколько сот человек из резерва дивизий. Командование резервом было возложено на полковника Гинтера. Для охраны коммуникации с Полтавой Петр I направил через Яковцы к Воздвиженскому монастырю три батальона под командованием полковника Головина, «дабы тот пас в руках наших был для всякого случая», а шесть драгунских полков под начальством Волконского послал

[1] *Г. Адлерфельд,* Военная история Карла XII, стр. 237.

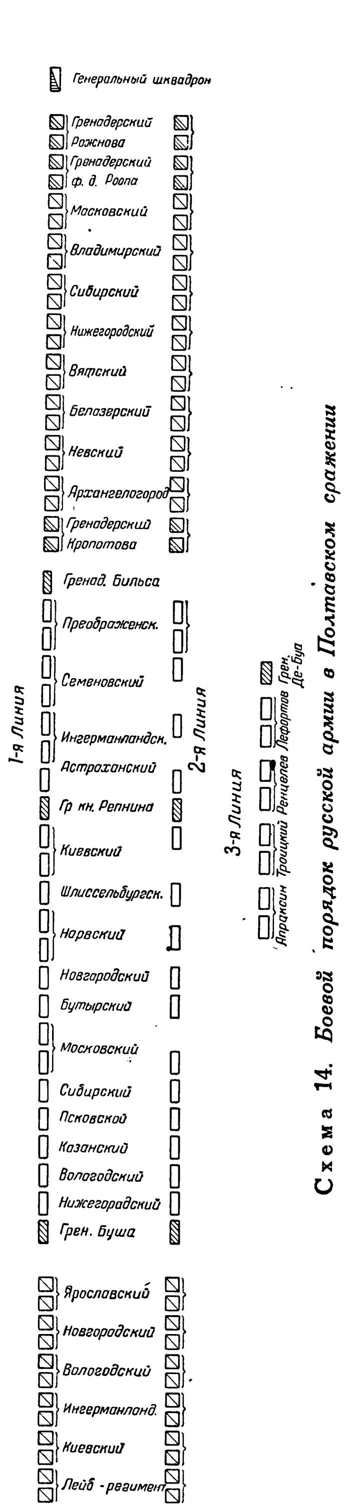

Схема 14. *Боевой порядок русской армии в Полтавском сражении*

к Скоропадскому, чтобы, установив с ним связь, образовать заслон на случай отступления шведов за Днепр и для преследования разбитого врага.

Около 6 часов утра главные силы русской армии стали выходить из лагеря и выстраиваться фронтом к Будищенскому лесу.

В центре боевого порядка построились 42 батальона пехоты под командованием фельдмаршала Шереметева, на правом фланге — 18 драгунских полков под начальством Боура, на левом фланге — 6 драгунских полков под начальством Меншикова, который успел уже к этому времени разбить отрезанную колонну Шлиппенбаха.

Русская армия выстроилась в две линии, имея впереди артиллерию, расположенную по всему фронту. При этом первая и вторая линии были составлены из батальонов одного полка; за каждым батальоном первой линии стоял второй линейный батальон того же полка. Этим была обеспечена взаимная выручка. Вторая линия превратилась в линию поддержек. Боевой порядок русской армии получил глубину, что в бою обеспечивало необходимую устойчивость. Петр дал классический образец применения линейной тактики. Это был крупный шаг вперед в развитии тактических форм боя. Всего в строю русские имели около 32 тысяч против 30 тысяч шведов. В первой линии русская армия имела не более 10 тысяч человек.

Шереметев крайне беспокоился за успех действий главных сил в связи с тем, что к моменту решительной битвы значительная часть войск была выделена для охраны коммуникаций с Полтавой и для организации заслона на случай отступления шведов. Петр ему заметил на это, что «больше побеждает разум и искусство, нежели множество».

Характерно отметить исключительно высокий подъем духа русской армии. Солдаты, оставленные в резерве, просили царя, чтобы он дал им возмож-

ность тоже принять участие в битве. Они говорили ему: «Мы, надежда-государь, ни в чем не провинились перед тобой, мы несли равные с другими труды и тяготы и ожидали с нетерпением сего дня. За что же отлучаемся от них?» На это им царь ответил: «Вы ни в чем конечно не проступились, но надобно вам охранять «ретраншемент». Вы равную со сражающимися получите милость мою и награду».

Закончив построение частей к бою, Петр еще раз обращается к войскам: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру порученное, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ними неоднократно доказывали... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния нашего!».

После объезда войск Петр сказал Шереметеву:

«Господин фельдмаршал! поручаю вам мою армию и надеюсь, что в начальствовании оною вы поступите согласно предписанию, вам данному, а в случае непредвиденном, как искусный полководец. Моя же должность надзирать за всем вашим начальствованием и быть готовым на сикурс во всех местах, где требовать будет опасность и нужда». Петр I, имевший в это время чин полковника, принял на себя должность начальника пехотной дивизии.

С целью удлинения фронта Карл XII выстроил пехоту в одну линию. Кавалерия разместилась на флангах в две линии. Такое построение шведов привело к тому, что в количественном отношении силы противника, принимавшие непосредственное участие в бою, были почти равны. В 8 часов утра шведы перешли в наступление. Шведская армия в то время считалась одной из лучших европейских армий и имела в своих рядах испытанные в боях кадры офицеров и генералов. Таковыми были маршал Реншельд, генерал Фиельд, принц Виртембергский, граф Левенгаупт, генералы Стенбок, Штакельберг, Спар, Шлиппенбах, Розен, Горн, Гамильтон и другие. Все это были генералы, известные своей опытностью.

Накануне сражения шведский король в качалке еще раз объехал свои войска, напомнив им о прошлых победах. Но это была уже не Нарва. Перед ним стальными рядами стояла новая, прошедшая боевую выучку и уже имевшая неоднократные победы над шведами русская регулярная армия, во главе которой стояли русские, отечественные, офицеры и генералы.

«И злобясь, видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных.
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемых штыков».

И все же...

«...слабым манием руки
На русских двинул он полки».

Как только было замечено движение в шведской армии, русские колонны стройными рядами стремительно двинулись вперед до расстояния ружейного выстрела от шведов и стали «как неподвижные стены, во всякой исправности регула, и неслышно было никакого шуму, кроме командующих повелений». Загрохотала русская артиллерия, осыпая свинцовым дождем шведские колонны, но они продвигались вперед. Русские и шведы, стреляя залпами, сблизились. Начался рукопашный бой.

В результате первого натиска шведам удалось отодвинуть несколько назад первый батальон Новгородского полка, не выдержавший стремительного нажима неприятеля. Но прежде чем батальон отодвинулся назад, он вывел из строя несколько шеренг шведской пехоты, которая в этом месте имела численное превосходство. В первой линии русского боевого порядка образовался прорыв. Петр I сейчас же это заметил. Взяв из второй линии батальон новгородцев, он во главе их бросился в контратаку, чтобы ликвидировать прорыв. Новгородцы, воодушевленные личной храбростью Петра, с такой стремительностью ударили в штыки, что им удалось не только остановить натиск шведов, но и заставить их отступить. Положение было быстро восстановлено. Во время ожесточенной схватки одна пуля пробила шляпу на голове Петра, вторая расплющилась о висевший на его груди крест, третья застряла в седле.

Вслед за этим в русском лагере был дан сигнал для перехода в общее наступление по всему фронту. По нему кавалерия, охватывая фланги шведской армии, стала брать противника в клещи. Меншиков, командовавший кавалерией на левом фланге, как и на передовых позициях, храбро сражался: под ним были ранены три лошади. По всей линии закипел ожесточенный бой. Обе стороны подошли друг к другу вплотную, и началась страшная работа штыков, сабель, прикладов, пик. Облаком дыма покрылось небо над полем боя.

Сметая все на своем пути, шведы стремились остановить русскую пехоту. Но русская кавалерия уже охватывала фланги шведской армии, и шведы дрогнули. Напрасно король кричал: «Шведы, остановитесь!» В этот момент ядро разбило носилки Карла, и он упал на землю. Придя в сознание, Карл приказал посадить его на скрещенные пики и, высоко подняв вверх, нести перед пехотой, чтобы воодушевить ее. Но и эта мера, как и многие другие, применявшиеся шведскими генералами, не помогла. Расстроенные шведские полки, боясь полного окружения русскими, в беспорядке хлынули назад к Будищенскому лесу.

К 11 часам окончательно определился исход сражения. Множество шведов было перебито и пленено. Сам король чуть не попал в плен. Русская конница стремительно преследовала отступающего противника. Битва, продолжавшаяся около двух часов, закончилась. Петр I в «Истории Свейской войны» так отзывается об этой «совершенной виктории»: «Хотя и зело жестоко в огне оба войска бились, однако-ж то все долее двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали, и от наших войск

Рис. 12. *Полтавская битва*

с такою храбростью вся неприятельская армия (с малым уроном наших войск, еже наивяще удивительно есть) кавалерия и инфантерия весьма опровергнуты; так что шведское войско не единожды потом не остановились, но без остановки от наших шпагами и бойонетами колоты и даже до обретающегося леса, где оные перед баталией строились, гнали»[1].

В иностранной военной литературе неоднократно делались попытки умалить значение победы русских под Полтавой. Многовековый опыт войн показывает, что искусство полководца в том и состоит, чтобы быть сильнее противника в решающий момент битвы.

В Полтавском сражении количественное превосходство русских войск было крайне незначительно. Общеизвестно, что русских под Полтавой было не больше 42 тысяч человек (58 батальонов пехоты и 17 полков кавалерии). Надо учесть еще то обстоятельство, что «из нашей пехоты токмо одна линея, в которой с десять тысяч не обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла»[2].

В первой же линии находилось не более 10 тысяч человек, так что по количеству силы, непосредственно принимавшие участие в бою, были почти равны. Но русские генералы и солдаты сознавали, что они под Полтавой сражаются за судьбу родины, за независимость Русского государства, которое шведские захватчики стремились разделить по частям, превратить в свою колонию. Храбрые герои Полтавы видели, что Петр защищал интересы страны, поэтому они, как говорил Петр, «не щадили живота своего, на тысячу смертей устремлялись небоязненно». Итак, на стороне русских было огромное моральное превосходство солдат и офицеров.

Шведские же генералы вели своих солдат проливать кровь за чуждые им интересы. Это не могло не сказаться на моральном состоянии шведских солдат. Уже 8 лет они были оторваны от своей страны, кроме того, они были деморализованы холодной и голодной зимовкой на Украине, частыми набегами и стычками с русскими войсками и, наконец, безуспешной трехмесячной осадой Полтавы.

От былой самоуверенности и прославленной дисциплины шведской армии не осталось и следа. Участились случаи дезертирства и неповиновения начальникам. Король уже не имел авторитета среди солдат. Они говорили, что «он ищет смерти потому, что чувствует дурной конец». И, действительно, солдаты не ошиблись. Этот конец пришел: вся шведская армия, которая до этого времени казалась страшной, перестала существовать.

На поле битвы шведы потеряли убитыми 9 234 солдата и офицера. Взято в плен в ходе сражения у Полтавы и через два дня на переправе у Переволочны свыше 18 тысяч. Среди пленных был

---

[1] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. I, СПБ, 1770, стр. 214—215.

[2] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 23, л. 41.

и весь шведский генералитет (с фельдмаршалом Реншельдом и министром Пипером во главе). Всего было захвачено в плен 1 160 офицеров. В качестве трофеев русские захватили в плен 246 штандартов и знамен. Кроме того, все оружие и обоз, который шведы не успели сжечь или бросить в Днепр, остались русским. Потери русских составляли 1 345 убитых и 3 290 раненых.

Так окончился Полтавский бой, в котором решалась будущность Русского государства. Разгром шведской армии был полным и окончательным. Остатки разбитой армии потянулись к Переволочне в надежде где-либо переправиться на правый берег Днепра.

7. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРОТИВНИКА. КАПИТУЛЯЦИЯ ШВЕДОВ У ПЕРЕВОЛОЧНЫ

После боя русские войска были отведены на отдых. Петр I, убедившись, что «баталия окончена благополучно», построил свою армию, объехал вдоль фронта, а затем остановился и, преклонив перед ней свой меч, сказал:

«Здравствуйте, сыны отечества, чады мои возлюбленные! По́том трудов Моих ради вас, без вас государству как телу без души жить невозможно. Вы, имея любовь к отечеству, славе и ко Мне, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши никогда не будут забвенны у потомства».

На приветствие царя ответил князь М. М. Голицын. «Благочестивейший государь!.. Кто тебя достойно восхвалить может? В тебе утвердилось сердце наше. Ты остротою разума, храбростию и смыслом учения всех нас обогащаеши».

После этого Петр I беседовал с пленными генералами шведской армии, а потом объезжал с непокрытой головой русские полки и благодарил их за проявленную самоотверженность в боях за родину.

В это время остатки разбитой шведской армии потянулись вниз, вдоль р. Ворскла к Переволочне; туда же направился и шведский король с гетманом Мазепой.

«Тогож числа, по окончании щастливого боя, к вечеру за неприятелем в след посланы генерал порутчик и полковник от гвардии князь Голицын с гвардиею, да генерал-порутчик Боур с драгунским полки. На завтра же в 28 день июня его светлость князь Меншиков тудаж послан» [1].

Шведы торопились к Переволочне. Но за ними стремительно двигалась русская кавалерия, уничтожая остатки разбитой под Полтавой шведской армии. Сам король, будучи в обморочном состоянии, очнулся только к часу следующего дня. Придя в себя, он узнал от своих генералов о тяжелом поражении, понесенном его армией. Король сначала не хотел верить, что его армия совершенно

[1] *ЦВИА*, Фонд ВУА, д. № 1497, л. 1; *И. И. Голиков*, Деяния Петра Великого, т. XI, стр. 227—228.

разгромлена, и даже намеревался повернуть отступающие остатки снова против русских. Но окружавшие его генералы сообщили королю, что Пипер, Реншельд, принц Виртембергский и многие другие генералы взяты в плен. Тогда король отказался от этой безумной мысли и приказал забрать весь обоз и двигаться дальше вниз вдоль Ворсклы.

К вечеру 29 июня шведы достигли Переволочны; здесь перед ними расстилался широкий Днепр. А между тем русские эскадроны все ближе и больше теснили остатки шведской армии. Король все еще верил в возможность сопротивления, но русские передовые отряды уже начали переходить в наступление. Дальше оставаться на берегу, не имея никаких переправ (они были уничтожены), было невозможно.

Генералы уговорили короля немедленно переправиться на правый берег Днепра, так как оставаться на левом берегу было уже опасно. Он согласился. Начальствование над остатками разбитой армии Карл передал Левенгаупту, приказав ему отступать во владения крымского хана, а сам вместе с Мазепой и небольшой группой своих приближенных за несколько часов до появления у переправы русских успел на небольших лодках переправиться через Днепр и бежал в Бендеры.

Между тем русские отряды плотным полукругом прижали остатки шведской армии к Днепру. Шведские солдаты уже не исполняли приказаний своих офицеров. В изорванных мундирах, босые, голодные, упавшие духом, они не хотели больше воевать. Многие из них в беспорядке устремились к переправе. Но «при давке от столпившегося народа и в попытках переплыть реку погибло множество людей»[1].

Шведские генералы, собравшиеся у Левенгаупта, решили послать парламентера в русский лагерь с предложением о перемирии, но парламентеру был дан ответ, что «теперь уже поздно»[2].

Меншиков категорически потребовал сложить оружие и сдаться, угрожая перебить всех пытающихся оказать сопротивление. Получив этот ответ, Левенгаупт после совета с генералами решил сдаться на «аккорд», по которому «неприятель (состоящей еще паче всех чаяний в четырнадцати тысячах в тридцати человеках вооруженных, большая часть кавалерии) ружье свое, яко воинские полонянники положили, сдались, и оное еще тогож дня купно со всею артиллериею и принадлежащею к тому воинскою казною, канцеляриею, и всеми знамены, штандарты, литавры и барабаны, посланному генерал-лейтенанту Боуру отдали» [3].

Сдача без боя такой значительной части армии поражала современников.

Английский посол Витворт, внимательно следивший за ходом Северной войны, писал: «Может быть, в целой истории не найдется

---

[1] *В. Лагуса*, Карл XII в Южной России, стр. 16.

[2] Там же, стр. 7.

[3] Книга Марсова, стр. 73.

подобного примера покорного подчинения судьбе со стороны такого количества регулярных войск» [1].

Датский посол Грунд писал из Москвы, что «такое множество вооруженных людей, доходившее до 14—15 тысяч, разделенное на полки и снабженное генералами и офицерами, не посмело обнажить шпаги, но сдалось в плен гораздо более малочисленному врагу; они (шведы), конечно, указывают, что у них не хватало пороху и съестных припасов; но если их лошади могли нести их, а они сами могли держать в руках шпагу, то каждому кажется — сдаться без боя — это уж слишком» [2].

Между тем к моменту капитуляции шведов прибыл к Переволочне и Петр. Узнав о том, что Карла XII не было в числе пленных, он поручил Меншикову отправить генерал-майора князя Волконского преследовать короля. Волконский быстро переправился через Днепр и пустился в погоню за шведским королем и Мазепой.

Многие из свиты короля погибли в степи. Голод и жажда, дневной зной и ночная стужа были неминуемыми орудиями в руках смерти, поражавшей без пощады начальствовавших и подчиненных. Степь была усеяна трупами шведов. Только незначительная часть казаков спаслась от смерти.

Волконский догнал отступающих уже у переправы через Днестр и прижал их к реке. До 300 человек, бросившихся в реку, потонуло, а 500 были взяты в плен и отведены в Полтаву. Только королю и Мазепе и на этот раз удалось уйти, «хотя не далее как до места, с которого мог зреть гибель, постигшую его спутников» [3]. Мазепа через два месяца умер в Турции.

Так были разгромлены последние жалкие остатки шведской армии, которая еще год тому назад наводила ужас на всю Европу.

Шведским захватчикам не удалось осуществить свои авантюристические планы — захватить территорию Русского государства и лишить его национальной независимости. Шведскому королю, несмотря на трехмесячную осаду Полтавы, не удалось взять ее. В открытом бою на полях Полтавы хотел он выиграть сражение с русской армией, но последним выигрышем скандинавских завоевателей в России был тот кусок земли, известный под названием «могилы шведов», который до сих пор напоминает об их разгроме.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Боевые действия русских войск в Полтавской операции представляют большой научный интерес. Они дают много поучительного для истории военного искусства не только русской, но и западноевропейских армий. Многие из уроков Полтавского сражения не потеряли своего значения и по настоящее время.

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. I, стр. 207.

[2] *А. Стилле*, Карл XII как стратег и тактик, стр. 155.

[3] *В. Лагуса*, Карл XII в Южной России, стр. 5.

Прошли века. Техника современного боя в связи с экономическим развитием, с появлением новых технических средств борьбы сделала большие успехи, коренным образом изменились и приемы ведения войны. Но тот, кто хочет основательно изучить историю развития военного искусства, обогатить свои знания историческим опытом прошлого, тот не может обойти Полтавское сражение. В этом смысле Полтавская «баталия» никогда не потеряет свежести интереса у исследователей и военных специалистов.

Исход Полтавского сражения имел громадное влияние на новую расстановку сил в международных отношениях Западной Европы. Поэтому не случайно, что после Полтавского сражения не только шведы, но и многие западноевропейские государственные деятели, политики, журналисты, писатели пытались долгое время скрыть победу русских над шведами или представить ее в ложном освещении.

При изучении Полтавского сражения прежде всего бросается в глаза исключительная стойкость, храбрость русских солдат, желавших до конца выполнить свой воинский долг — уничтожить армию шведских захватчиков. Дружественная поддержка русской армии со стороны населения была залогом успешного выполнения этой задачи.

В Полтавском сражении Петр I явил миру классические образцы стратегии и тактики. Маршал Мориц Саксонский, оценивая Полтавское сражение, писал: «Вот каким образом, благодаря искусным мерам, можно заставить счастие склониться в свою сторону» [1].

Известный военный писатель эпохи Людовика XIV Роканкур дает замечательную характеристику того нового, что дал Петр I для истории военного искусства. «Сделанные им (Петром) распоряжения не были ли предупреждением и уроком для других армий? Следует отметить в этом (Полтавском) сражении новую тактическую фортификационную комбинацию, которая была реальным прогрессом для той и другой. Петр, отстранив рутину, которая с древних времен принуждала армии оставаться неподвижными за ретраншементами в длинных линиях, прикрыл фронт своей пехоты редутами, отдельными значительными интервалами. Этим именно способом, до тех пор не употреблявшимся, хотя одинаково удобным для наступления и обороны, должна была быть уничтожена вся армия авантюриста Карла XII» [2].

И, действительно, Петр I отказался от принятого шаблона в области стратегической и тактической, от принятых форм ведения войны западноевропейскими армиями в начале XVIII века.

Характерными чертами боевых действий западных армий были следующие: исключительное пристрастие к методизму, подражание давно уже отжившим приемам и методам ведения войны, стремле-

---

[1] Сборник «Полтавская битва», стр. 229.

[2] *А. К. Пузыревский*, Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПБ, 1889 стр. 312.

ние центральной военной администрации руководить военными операциями издалека, отсутствие инициативы у военачальников, однообразие стратегических и тактических форм ведения войны, ничтожность поставленных целей, отсутствие смелых вторжений на территории противника, господство пограничных крепостных войн при магазинной системе снабжения армий, нерешительность в действиях полководцев, преобладание «маневрирования» с целью уклонения от боя с решительными целями.

Быстрые успехи в развитии огнестрельного оружия привели к тому, что на штык в европейских армиях стали смотреть как на оборонительное, а не наступательное оружие. Действиям пехоты отводилась пассивная роль, преобладающее значение занимала конница, которая также придерживалась установившейся неправильной системы — стрельбы с коня на сдержанных аллюрах.

При такой организации боевых действий бой представлял собой шаблонное столкновение по всему фронту, а основной удар, преследующий цель разбить противника по частям, а затем организовать преследование его для окончательного уничтожения, отсутствовал. Вследствие применения таких стратегических и тактических форм борьбы войны на Западе тянулись десятки лет.

Совершенно иных взглядов, принципов держался в своей полководческой деятельности Петр I. Гениально проведенное им Полтавское сражение заложило новые стратегические и тактические формы ведения войны, которые почти на столетие легли в основу военного искусства не только русской армии, но и западноевропейских армий (до Суворова и Наполеона).

Как русские, так и иностранные военные специалисты в один голос подчеркивают глубокое понимание Петром I основных принципов военного искусства и умение применить их в реальной оперативно-тактической обстановке. Эти способности Петра уже ярко определились во время Ингерманландского, Гродненского сражений, а также в действиях против Левенгаупта.

Но необыкновенные творческие дарования Петра I как полководца проявились с особым блеском в Полтавском сражении. Гармоническое сочетание решительности и осторожности, исключительный глазомер, редкая проницательность в оценке обстановки и способность быстро и верно принимать решения, уверенность в принятом решении и настойчивое его проведение, умение не теряться при всякого рода неожиданностях, верная оценка боя как «зело опасного» средства, к которому нужно тщательно и всесторонне готовиться,— все это характеризует Петра как крупного полководца.

Полтавское сражение Петр I тщательно готовил, чтобы достигнуть победы, как он говорил, с «легким трудом и малой кровью». Петр осуществил стратегическое окружение армии интервентов и «малой войной» добился ее деморализации. Одержав победу под Лесной, русские обеспечили себе превосходство артиллерии и в то же время сорвали оперативные планы Карла XII, стремившегося после прорыва оборонительной линии русских к достижению главной своей цели — к захвату Москвы.

Под Полтавой Петр создал необходимое численное превосходство. Понимая слабые стороны линейной тактики, он отлично подготовлял поле боя в инженерном отношении. Боевому порядку своей армии Петр придал необходимую глубину, превратив вторую линию в линию поддержки и выделив достаточно сильный резерв. Таким образом Петр усовершенствовал линейную тактику, взяв от нее все, что возможно. Он действовал не по принятому шаблону, а сообразуясь с обстановкой. Для окончательного разгрома интервентов Петр заблаговременно подготовил преследование.

Из всей суммы мероприятий, проведенных Петром I в период подготовки и хода Полтавского сражения, должны быть особо выделены следующие:

1. Беспрерывная и всесторонняя разведка противника.

2. Введение новой системы полевых укреплений, которые привели в расстройство шведскую армию на первом этапе боя. Созданная Петром система редутов, установленный им взгляд на оборону как на активное средство борьбы и первый шаг для подготовки к наступлению были затем приняты и в западноевропейских армиях.

3. Искусная расстановка сил на поле сражения и обеспечение им свободы маневрирования на случай перехода в наступление.

4. Умелое прикрытие вероятных путей отступления противника за Днепр; оставлен был только один путь отступления — на Переволочну, но здесь были приняты меры к задержанию противника.

5. Умелая подготовка главного удара по шведской армии. Большую роль в этом отношении сыграл трехчасовой бой на передовой позиции, вынудивший шведскую армию к преждевременному развертыванию. Это привело к нарушению стройности боевого порядка шведов, парализовало сильную сторону шведской армии — маневрирование на поле боя, деморализовало шведов, выбило инициативу из их рук. Инициатива в бою перешла в руки русских.

6. Умелое использование изменившейся обстановки: отрыв колонны Росса от главных сил и уничтожение ее (принцип подготовки к решающему бою и уничтожению противника по частям).

7. Своевременное и правильное решение Петра I прекратить не предусмотренный планом бой на передовых позициях конницы Меншикова, успешно выполнившей задачу авангарда, и постановка ему частной задачи, которая была им блестяще выполнена.

8. Своевременный вывод Петром войск из ретраншемента для построения боевого порядка и обеспечение себе свободы маневрирования на случай наступления противника (принцип подготовки к решающему столкновению).

9. Маневр, искусно проведенный под командованием Боура русской конницей при отступлении ее на правый фланг. Поднятая конницей пыль заслонила ретраншемент, из которого русские в упор по шведам открыли артиллерийский огонь и заставили противника

под огнем производить новую перегруппировку сил, что повлекло беспорядочное отступление шведов к Будищенскому лесу. Этот эпизод боя, происходивший на глазах всей русской армии, значительно способствовал подъему ее морального духа и наступательного порыва.

10. Целесообразное построение боевого порядка русской армии в две линии, причем во второй линии ставились батальоны тех же полков, игравшие роль поддержки. Выделение специального резерва и оставление его в ретраншементе. В результате всего этого была достигнута известная глубина боевого порядка, что при необходимости давало возможность парировать удары противника (принцип взаимной поддержки).

11. Умелый захват инициативы в свои руки, переход от обороны к наступлению в решающий период боя, умение использовать мощь артиллерийского и ружейного огня для подготовки штыковой атаки, быстрое и своевременное парирование удара шведов, стремление к охвату конницей флангов наступающего противника и завершение штыковой атакой — все это в конечном итоге решило исход боя в пользу русских.

12. Решительное преследование противника Меншиковым и полное уничтожение остатков шведской армии у Переволочны.

В Полтавской битве замечательные образцы показала русская артиллерия. В начале боя, поставленная на редуты, линию которых должны были преодолевать шведы, русская артиллерия впервые вела перекрестный огонь.

Артиллерия, находившаяся на линии лагеря, своевременно открыла губительный огонь картечью по правому флангу шведских колонн, прорвавшихся сквозь линию редутов. В этот период боя артиллеристы расстроили боевые порядки шведов.

В решающей стадии боя русские артиллеристы сильным огнем картечи обстреливали боевые порядки шведских войск, невзирая на то, что огонь пехоты противника причинял им большие потери.

О большой силе артиллерийского огня в Полтавском сражении можно судить по следующим данным: в течение пяти часов боя русская артиллерия произвела 1 461 выстрел, выпустив 972 ядра, 427 картечных снарядов и 62 бомбы. В среднем каждое орудие сделало около 20 выстрелов. Самый интенсивный огонь русская артиллерия вела в продолжение 30 минут, когда обе армии, построенные одна против другой, сближались для рукопашной схватки (последний этап боя).

При изучении Полтавского сражения нельзя не остановиться еще на трех вопросах; они привлекали внимание исследователей, но по-разному объяснялись ими.

1) Как оценить действия Меншикова в подготовительный период боя?

2) Почему русские бездействовали во время отступления шведов к Будищенскому лесу?

3) Почему произошел перерыв в преследовании шведов после завершения генерального сражения 27 июня?

Действия Меншикова после выполнения возложенной на него задачи нельзя признать правильными, и трудно судить, какими соображениями он руководствовался, желая перенести бой на передовые позиции. Однако одно ясно, что Меншиков, увлекшись выполнением относительно ограниченной задачи, не понял до конца диспозиции боя. Неизвестно, чем бы кончилось сражение, если бы он в своих действиях не был своевременно остановлен Петром I, направлявшим бой по строго разработанному плану.

Многие военные историки считают, что для русских был весьма удобный момент перейти к немедленному наступлению на шведов, когда они, расстроив свои ряды, отступили к Будищенскому лесу. Признать это мнение правильным нельзя. Последующие действия Петра показывают, что для него обстановка была еще не совсем ясной и что он не был твердо уверен в расстройстве шведской армии, умевшей неплохо маневрировать на поле боя. Отсюда осторожность, постепенное выстраивание боевого порядка из укрепленного лагеря, ожидание выяснения обстановки.

У исследователей Полтавского сражения всегда возникал недоуменный вопрос, почему Петр I, так блестяще проведший это сражение, допустил 27 июня перерыв в преследовании противника? Конечно, сам факт перерыва преследования шведов говорит не в пользу Петра.

Для того чтобы организовать преследование, Петру нужно было пойти наперекор взглядам многих его помощников, в особенности иностранцев, проникнутых господствующими на Западе идеями предоставления врагу «золотых мостов» отступления, пришлось бы нарушить также и старинные традиции русских людей, которые привыкли пировать после боя; значит это была известная дань духу времени.

Вряд ли сочувствовал Петр I этим традициям, но при разработке плана боя он их учитывал, хотя и понимал необходимость «эксплуатации победы» и необходимость преследования разбитого врага.

Заранее предвидя неизбежность перерыва в преследовании шведов, Петр I заботился о том, чтобы этот перерыв был кратковременным и не повлек за собой вредных последствий, поэтому полковнику Яковлеву было приказано уничтожить все переправы через Днепр у Переволочны, а М. Голицыну подтянуть к Киеву лодки, паромы, находившиеся вблизи от Переволочны. Другие пути отступления для шведов также были закрыты войсками гетмана Скоропадского.

Петр I, узнав о том, что шведы отступают по «продиктованному» им пути, мог быть совершенно спокоен и сделал уступку традициям, так как полная победа над противником уже была обеспечена тщательной всесторонней подготовкой боя в стратегическом отношении. Итак, Петр I прекрасно понимал необходимость преследования шведов, а допущенный им перерыв, не укладывающийся в наши современные понятия, был естественным явлением для начала XVIII века. Умение Петра предусмотреть возможные последствия

этого перерыва лишний раз подчеркивает большую проницательность его.

В действиях шведов было много отрицательных фактов. Пренебрегая основными принципами военного искусства, Карл XII выработал из себя, по меткому выражению Роканкура, полководца-авантюриста, отвергшего всякую осторожность и основывавшего свои действия исключительно на внезапности и решительности. Он не беспокоился о том, чтобы подготовить сражение в стратегическом отношении, а также не принимал мер к обеспечению армии на случай неудачи в сражении. При таком отношении к ведению войны Карл XII мог одерживать победы только до тех пор, пока он имел дело со слабым противником, но как только ему пришлось вступить в борьбу с обученной русской армией, руководимой незаурядным полководцем Петром I, слава Карла XII должна была поблекнуть, и за свой авантюризм в политике и в военном деле, за пренебрежение к основным приемам ведения войны он должен был жестоко поплатиться.

В Полтавском сражении Карл XII допустил ряд крупных ошибок, важнейшими из которых были:

1. Отсутствие постоянной разведки противника, недостаточная рекогносцировка местности накануне боя.

2. Отсутствие стройного, продуманного до конца плана сражения.

3. Пренебрежение советами своих генералов, дававших иногда ценные указания.

4. Неудовлетворительное управление войсками во время боя вследствие растерянности шведского командования, встретившегося на пути движения армии с рядом неожиданностей. Бой в общем велся беспорядочно. После отступления шведов в Будищенском лесу благоразумнее было бы для Карла XII уклониться от боя.

5. Беззаботное отношение к тылам, необеспеченность коммуникаций на случай отступления. Если бы Карл XII тщательно готовился к бою и обеспечил себе путь отступления, то часть остатков разбитой армии могла быть спасена от плена.

Положительным в действиях шведов в Полтавском бою нужно отметить стойкость солдат, хорошее взаимодействие конницы с пехотой и удачный выбор времени для наступления во второй период боя. Обращает на себя внимание личное поведение Карла XII, который, несмотря на свою рану, оставался на поле боя и поддерживал моральный дух своей армии.

* * *

Полтавская битва имела исключительно большое международное значение и огромные последствия не только для воюющих стран, но и для всей Западной Европы. Недаром современники называли ее «воскресением» России. По своей значимости ее можно сравнить только с такими крупными сражениями, как Невская битва, Ледовое побоище и Бородино.

Полтавская битва явилась переломным моментом в ходе Северной войны. После нее окончательно обнаружилось могущество

Русского государства. Русская армия количественно и качественно выросла, возмужала, морально окрепла и показала свое искусство побеждать противника. Все это было результатом преобразований Петра.

Оценивая значение Полтавской битвы, Петр I писал Апраксину: «Ныне уже совершенно камень в основании С.-Петербурга положен» [1]. Эти слова показывают, что вопрос о выходе к берегам Балтийского моря решался на полях Полтавы.

Если в прошлом решающую роль в Европе занимали крупнейшие европейские державы — Англия, Франция, Австрия, Дания, Голландия и Швеция, то после Полтавской битвы выступает на историческую сцену доказавшая свое могущество Россия, которая начинает играть громадную роль в международных отношениях.

Русское государство и его народ в борьбе со шведскими интервентами выдержали суровые испытания, ликвидировав попытки врага распространить свое влияние не только на Россию, но и на значительную часть Западной Европы. В этом величие и историческое значение Полтавской битвы.

Великий французский писатель Вольтер писал: «Из всех сражений, обагрявших когда-либо кровью землю, есть сие одно, которое вместо разрушения, . . . послужило к счастию человеческого рода, потому что оно даровало Царю свободу приводить в благоустройство великую часть света. . . Ни одну войну, между нынешними народами бывшую, не можно поставить в пример, которая бы вознаградила хотя бы малым добром причиненное ею зло, но следствием Полтавского сражения было шествие наипространнейшей в свете империи».

Великий сын русского народа революционный демократ Белинский видел огромное значение Полтавской битвы в укреплении международного положения Русского государства: «Полтавская битва была не просто сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови. Нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства» [2].

Шведским захватчикам не удалось осуществить свои авантюристические планы — лишить Русское государство его национальной независимости. Вся шведская армия без остатка была разгромлена так, что мало можно найти подобных примеров в военной истории. «Карл XII,— писал Энгельс,— сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России» [3].

Могущество Швеции, которое она и ее армия имели еще со времени известного шведского полководца Густава-Адольфа, пало. Швеция лишилась лучшей части своих солдат, генералов и временно короля. Она потеряла большую часть материальных ресурсов. Это был тяжелый удар для Швеции, после которого она не могла уже восстановить на северо-западе Европы своего былого мо-

---

[1] Сборник «Полтавская битва», стр. 54.

[2] *В. Г. Белинский*, Собрание сочинений, т. III, СПБ, 1913, стр. 341.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 9.

гущества. «Вся неприятельская столь в свете славная армия (которая бытием в Саксонии не малой страх в Европе чинила) Его Царскому Величеству в руки досталась».

Известный вельможа Людовика XIV герцог Луи Сен-Симон вынужден был признать, что «1709 год принес полную перемену положения на Западе. Пала Швеция, в прошлом наводившая ужас на Европу. После ее падения поднималась держава, которая до сих пор не оказывала влияния на другие государства,— это Россия» [1].

Принц Евгений Савойский, один из активных участников войны за испанское наследство, сражавшийся на стороне Австрии против Франции и рассматривавший Швецию как известный противовес, необходимый для европейского равновесия, после Полтавы в своих мемуарах писал, что европейское равновесие пошатнулось, а блеск и величие Швеции значительно затмились.

Шведское правительство и генералы не только скрывали от своего народа, что Карл XII потерпел жестокое поражение и лишился всей армии, но даже обманывали народ, говоря, что шведы нанесли русским тяжелое поражение. Так, в одном из августовских номеров газеты за 1709 год был помещен отрывок из письма генерала Крассау, написанного им 19 июля, в котором сообщалось, что король жив и здоров и что Полтава шведами взята. Причем в этом же номере был еще ряд корреспонденций, в которых указывалось, что русские под Полтавой потеряли 20 тысяч человек, что Полтава занята шведами и началась война России с Турцией. Такая наглая ложь повторялась в газетах и некоторых европейских государств.

Только после того как русские дипломаты распространили подлинные реляции о Полтавской битве, их начали помещать и в европейской печати. Впоследствии шведские историки, как современники, так и последующие исследователи, упорно не хотели признать факта разгрома шведов русской армией под Полтавой. Профессор Стилле писал: «Поражение под Полтавой еще не являлось само по себе окончательной катастрофой для шведской армии».

И дальше этот историк повествует, что «шведы отступают благополучно, отразив попытки преследования русских и уведя с собой обоз и артиллерию; это не бегство. Не вина Карла, если силы ему, наконец, изменяют, он впадает в забытье, никто из генералов не вступает в командование армией и она стихийно идет мимо переправ через Ворсклу к Днепру, где после отъезда короля, передавшего команду Левенгаупту, шведы, вопреки приказанию короля, проводят бессонную ночь в бесплодных попытках устроить переправу и утром, под давлением Левенгаупта, сдаются без боя вдвое слабейшему противнику» [2].

Очевидно, этому почтенному историку, который собрал немало фактов, говорящих не в его пользу, наконец, изменяют силы, он впадает в забытье и в «бесплодных попытках» извращает действительность перед читателями.

---

[1] Saint Simon, Mémoires, v. XVIII.

[2] *А. Стилле,* Карл XII как стратег и тактик, стр. 163—164.

Главную причину неудачного исхода сражения для шведов шведские историки видят только в том, что король не мог сам управлять боем. Они оправдывают захватническую, авантюристическую политику своего короля, говоря, что якобы его война с Россией носила оборонительный характер.

Иначе оценивали политику Карла XII наиболее дальновидные современники и последующие поколения, занимавшиеся исследованием Северной войны. «Таковаго государя, — пишет в своем письме Г. Голберг, — который, оставляя отечество свое, проникает с обнаженным мечом в другие земли и опустошает оные, назвать достойно не Государем, меньше же героем, а бичом рода человеческого, или паче смертоносною язвою, везде плачевные следы по себе оставляющею».

Но эта «смертоносная язва», пробравшаяся в Русское государство, была с корнем вырезана на полях Полтавы. Полтавская победа коренным образом изменила международную обстановку в пользу Русского государства, предрешив успешный исход войны со Швецией.

Все побежденные ранее Карлом XII союзники Петра I снова подымают голову и стремятся возобновить союз с Русским государством против Швеции. Даже те государства, которые в прошлом игнорировали Русское государство, а иногда прямо враждебно относились к нему и оказывали шведам прямую или косвенную помощь, после Полтавской битвы пытаются установить дружественные отношения и даже заключить союз с Россией.

Те изменения, которые должны были произойти в ближайшее время после Полтавской битвы в международных отношениях, сразу были замечены английским послом Витвортом, который уже 6 июля доносил своему правительству: «Эта победа, вероятно, значительно изменит положение дел на всем Севере, и первый, кажется, почувствует перемену король Станислав, так как царское величество, кажется, решился двинуться в Польшу, прежде чем шведы успеют собрать новую армию»[1]. В следующем донесении он писал, что «Станислава там не станут терпеть далее»[2].

Международное положение Швеции стало затруднительным. После Полтавской битвы бывшие союзники России — Дания и Польша — выразили желание возобновить союз с Русским государством против Швеции. К союзу с Россией стремилась примкнуть и Пруссия.

13 июля Петр I двинул свои войска под командованием Меншикова в Польшу. Шереметев был послан для осады Риги. Ставленник шведского короля Станислав Лещинский был низложен, а Август II, снова став польским королем, заключил союз с Россией. Станислав Лещинский вместе с отрядом Крассау ушел в Померанию.

Положение русских послов за границей сразу резко изменилось. Если раньше министры и послы тех стран, в которых они находились, неохотно с ними разговаривали, то после Полтавской

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. 50, стр. 200.
[2] Там же, стр. 217.

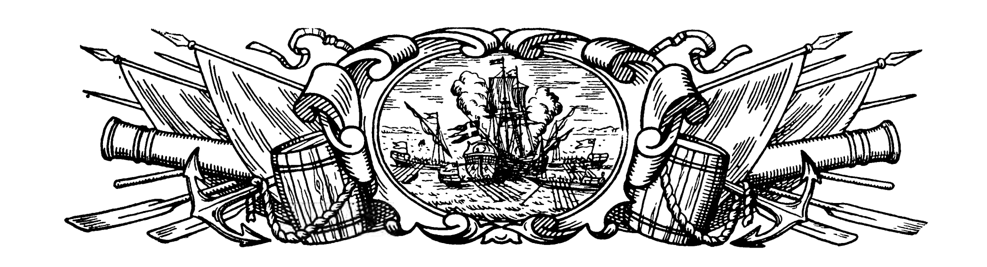
победы они начали заискивать у них. Французский король Людовик XIV изъявил желание вступить в союз с русским царем. Но русские дипломаты быстро раскусили истинные намерения короля: союз с Россией ему нужен был для того, чтобы продолжать войну за испанское наследство против коалиции, состоящей из Англии, Голландии, Австрии и Пруссии.

В это время русские дипломаты ревностно защищали интересы своего государства и никому не позволяли дать себя спровоцировать, чтобы другие могли могуществом России воспользоваться для своих целей. Русская дипломатия после Полтавской битвы ставила главную задачу — закрепить за собой возвращенные от шведов исконные русские земли, получить для Русского государства вознаграждение за издержки, понесенные им во время войны, и выйти из состояния войны.

Присланному Карлом XII для мирных переговоров после разгрома шведов под Полтавой представителю было заявлено, что русское правительство не прочь заключить мирный договор со Швецией при условии сохранения завоеванных Россией Нарвы, Ингрии, части Карелии с городом Выборгом, а также присоединения Эстляндии и Лифляндии, при условии возмещения убытков, понесенных Россией в войне. На это предложение Карл ответил категорическим отказом.

При таких обстоятельствах дальнейшее продолжение войны со Швецией было неизбежно.

———◆———

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТ ПОЛТАВЫ ДО ГАНГУТА. ВЫБОРГСКОЕ СРАЖЕНИЕ. ГАНГУТСКАЯ ПОБЕДА

Разгромом шведской армии под Полтавой окончился первый период Северной войны. Была решена важнейшая политическая и стратегическая задача: уничтожена считавшаяся непобедимой первоклассная в Европе шведская армия. Полтавская битва изменила соотношение сил в пользу России. Казалось бы, здравый смысл должен был подсказать Карлу XII, что войну, изнурительную для народов обоих государств, пора кончить. Петр I был согласен после Полтавской победы заключить мирный договор при условии возвращения ему территорий, искони принадлежащих его предкам, настаивая на присоединении к России Эстляндии и Лифляндии. Но Карл XII об этом и слушать не хотел, так как Швеция еще располагала сильным флотом, а военные действия сейчас шли не на шведской территории, что делало войну менее ощутимой для населения Швеции.

Для того чтобы добиться окончательной победы, Петр решил перенести театр войны снова на Балтийское море, уничтожить значительную часть шведского флота и овладеть Финляндией, а при дальнейшей затяжке войны военные действия перенести на территорию Швеции. Только так мог быть решен вопрос об окончании Северной войны.

Ближайшей оперативной задачей русское командование поставило: отбросить шведов с Карельского перешейка и занять по меньшей мере оборонительную линию — Выборг, Вуокса, Кексгольм, выбить шведов с Балтийского побережья от Нарвы до Риги, обеспечив этим самым безопасность Петербурга.

После Полтавского сражения Меншиков был послан в Польшу для оказания помощи Августу II, а Шереметеву и Апраксину приказано приступить к боевым операциям в Прибалтике.

Кампания второй половины 1709 г. прошла в подготовке русской армии к новым, завершающим действиям. Но уже в 1710 г. русские войска снова одержали ряд крупных побед над шведами, взяв Выборг, Ригу, Ревель и ряд других городов. Большой интерес представляет собой операция Апраксина по овладению Выборгом.

Для взятия Выборга был сформирован осадный корпус, состоявший из 13 тысяч человек с 24 пушками и 4 мортирами. Местом сосредоточения корпуса назначили остров Котлин. 21 февраля 1710 г. Петр отдал указ графу Апраксину, «чтобы он собрался, шел на Выборг». 21 марта Апраксин «с корпусом пехоты и кавалерии через лед, морем с Котлина острова марш свой восприял... мимо Березовых островов» для осады города Выборга.

Это был бесподобный в военной истории героический ледовый поход, совершенный молодой петровской регулярной армией. Датский посланник Юст-Юль, участник похода, в своих записках отметил, что войска выступили «в самый ужасный мороз, какие бывают только в России; перешли они прямо через лед с орудиями и со всем обозом. Всякая другая европейская армия, наверное, погибла бы при подобном переходе. Но где предводителем является само счастье, там все удается. Впрочем, русские выносливы, что для солдат других наций невыполнимо» [1].

Войска, успешно совершив 130-километровый марш по льду, обложили Выборг и приступили к осаде.

23 марта Апраксин доложил Петру, что «за Выборг с финского берега, 21 числа в седьмом часу пополуночи, с кавалериею и пехотными полками пришел благополучно и посад при Выборге... овладели и пост заняли». Шведы, «не вытерпя от наших солдат жестокого наступления, вынуждены были бежать от Выборга на север» [2].

Но в Выборге остался сильный гарнизон, который продолжал обороняться. Осада приняла затяжной характер, а между тем у осаждающих иссякли боевые припасы и продовольствие. С наступлением весны и открытием навигации осажденный шведский гарнизон ожидал поддержки своего флота. Вот здесь-то решающую роль и сыграл Балтийский флот.

30 апреля под командованием Петра и контр-адмирала Боциса на помощь осадному корпусу вышла от Кроншлота флотилия в составе 270 больших и малых судов с дополнительным подкреплением, боевыми припасами и продовольствием. Этот морской переход был исключительно труден, так как с 30 апреля по 5 мая на протяжении всего пути от Котлина до Выборга пришлось пробиваться через льды.

Поход к Выборгу в ледовых условиях многим иностранцам казался верхом безумия. Однако он был блестяще выполнен. Датский посланник Юст-Юль вынужден был признать, что морской поход, предпринятый русскими, увенчался двойным успехом, закончившись счастливо как для флота, так и для армии.

---

[1] «Русский архив», № 7, 1892 г., стр. 326.
[2] Сборник военно-исторических материалов, т. V, стр. 79.

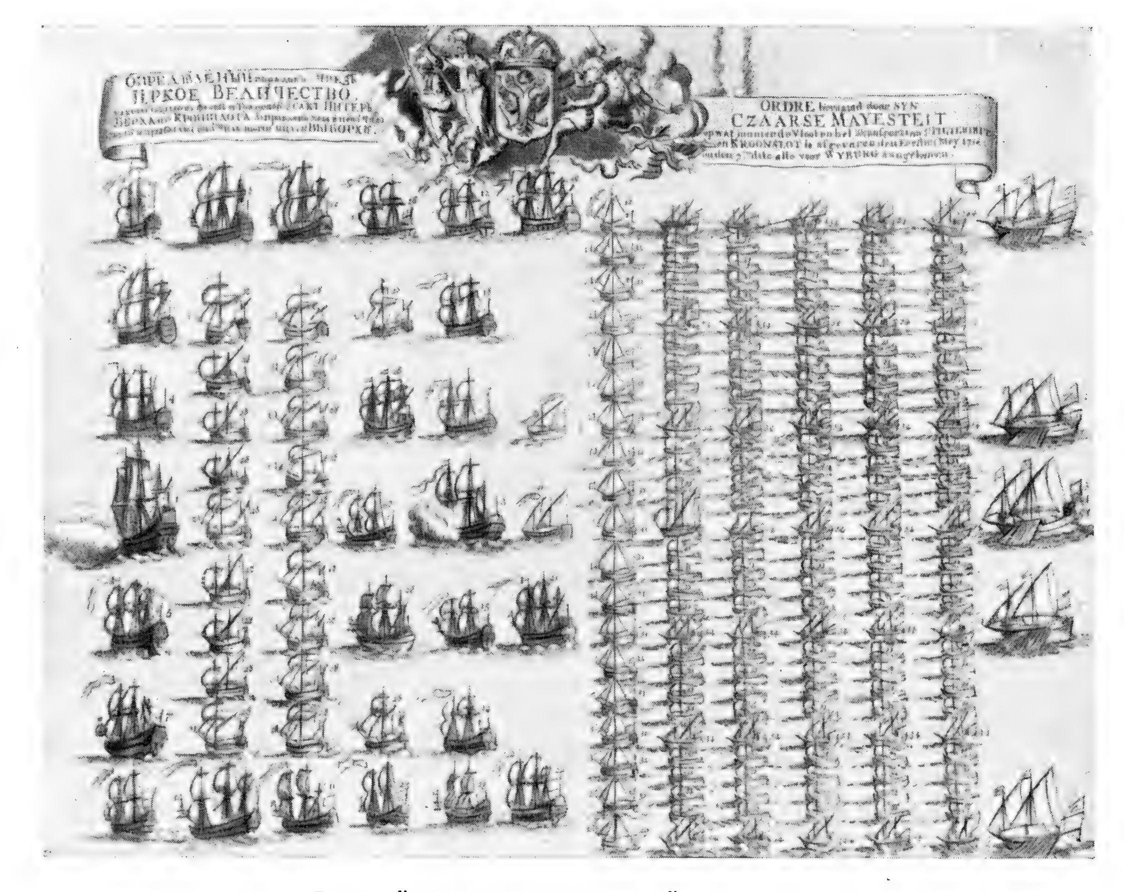

Рис. 13. *Русский флот, отправленный в мае 1710 г. в Выборг*

Для того чтобы зайти в гавань Выборга, русские применили военную хитрость: на ластовых судах они подняли флаги и вымпелы, «подобные шведским флагам, а на людей, обретающих на судах, надели мундир, подобный шведскому». При проходе мимо русских батарей у Транзунда открыли стрельбу якобы с неприятелем. Комендант, наблюдая эту картину, «отворя ворота, вышел навстречу». Суда, пройдя опасное место, повернули к русскому лагерю. Шведы открыли огонь, но было уже поздно.

Между тем 16 мая у Выборгского залива появилась шведская эскадра — 18 линейных кораблей под командованием адмирала Ватранга. Ватранг подошел к Транзунду, но, увидев батареи русских, вынужден был ограничиться только наблюдением за русским флотом у Кроншлота, не решившись оказать помощь осажденному Выборгу. Либекер, возглавлявший сухопутную армию в Финляндии, держался тоже пассивно на позициях у реки Кюмени.

Русские, получив подкрепление и боевые припасы, с усиленной энергией возобновили осаду. Крепость была уже не в состоянии дольше держаться, и выборгский комендант, не дожидаясь штурма, решил 13 июня «на аккорд сдаться».

На второй день после взятия Выборга Петр I писал Екатерине: «Матка, здравствуй. Объявляю Вам, что вчерашнего дня город Выборг сдался и сею доброю ведомостью, что уже крепкая подушка Санкт-Петербургу устроена... Вам поздравляю»[1]. Взятие Выборга значительно укрепило позиции русских, и Петербург получил «конечное безопасение».

«Ледовые походы» осадного корпуса и флотилии показали высокую морскую подготовку русской армии и флота и их умелое взаимодействие.

На других участках военные действия для русских проходили также успешно. Прямым оперативным следствием падения Выборга было падение Вильманстранда (Лаппенрата) и Кексгольма (бывшая новгородская крепость Карела).

Датский посланник Юст-Юль, оценивая военные успехи русских, отметил в своих записках (15 октября 1710 г.), что «кампания нынешнего лета закончилась так счастливо, что о большем успехе нельзя было мечтать. В самом деле, в одно лето царь взял восемь сильнейших крепостей, а именно Эльбинг, Ригу, Динамюнде, Пернов, Аренсбург, Ревель, Выборг и Кексгольм, и благодаря этому стал господином всей Лифляндии, Эстляндии и Кексгольмского округа. Ему больше ничего не оставалось завоевывать. Успех был тем беспримернее, что при взятии названных крепостей было меньше расстреляно пороху, чем в ознаменование радости по случаю всех этих побед и при чашах в их честь»[2].

Взятие Выборга и овладение побережьем от Нарвы до Риги имело огромное стратегическое и политическое значение. Русский флот теперь мог свободно курсировать по Финскому заливу, а при удобных обстоятельствах мог выйти в Балтийское море и Ботнический залив.

---

[1] *И. И. Голиков*, Деяния Петра Великого, т. XII, № 1163.

[2] «Русский архив», № 9, 1892.

Менее успешно действовали союзники Петра. Августу II при помощи Меншикова удалось очистить Польшу от шведских войск и польских отрядов Лещинского, которые вынуждены были уйти в Померанию. Снова возведенный на польский престол Август II 26 сентября 1709 г. в городе Торне возобновил союз с Петром; к союзу примкнула и Дания, обязавшись «сея осени» начать сухопутные и морские операции против Швеции. Причем Дания обещала высадить десант в Сконию (шведская провинция на юге Скандинавского полуострова), а Петр обязался «чинить нападение в Финляндию».

Операции датчан успеха не имели. Высаженный в Сконии 15-тысячный отряд был разбит шведским генералом Штейнбоком, и остатки датчан покинули шведский берег. С началом навигации 1710 г. Дания хотела запереть шведский флот в Карлскроне, но сил для этой операции у нее нехватило. Предложение Петра о совместных действиях морскими силами против Швеции было Данией отклонено. А вступивший в бой со шведами 23 сентября 1710 г. флот Дании потерпел жестокое поражение. На этом действия союзников и ограничились.

Петр I и союзники разрабатывали новый план операций против Швеции, но выполнение его пришлось временно отложить в связи с тем, что Турция под влиянием Карла XII объявила войну России. Значительную часть армии пришлось перебросить на юг России, и операции в Прибалтике снова возобновились только после Прутского похода 1711 г.

Урегулировав взаимоотношения с Турцией, Петр ставит задачу окончательно овладеть Финляндией. Первым шагом в решении этой задачи была кампания 1712 г.

При тогдашних технических средствах борьбы Финляндией возможно было овладеть двояким путем: либо при помощи речного флота через систему рек и озер вторгнуться внутрь страны, а оттуда итти к прибрежным пунктам Ботнического залива, либо наступать от Выборга вдоль побережья, комбинируя боевые действия сухопутных войск с операциями шхерной флотилии.

После всестороннего обсуждения русское командование приняло второй способ, так как он облегчал устройство тыла, снабжение и довольствие войск. Применение же первого способа затрудняла особенность театра военных действий, было «зело тесно и каменисто, гористо, лесно и зело много вод, и телегам ехать с великим трудом и зело бескормно». Поэтому Петр I указал «чинить всякое приготовление к походу морем»[1].

С исключительной энергией началась спешная подготовка к походу. Голландский резидент в Петербурге Де-Би 26 апреля 1712 г. сообщал своему правительству, что «все здесь пришло в движение, корабли выведены из гавани, на них грузят провизию и военные снаряды; несколько полков, расположенных на острове Рычарт (Котлин. — *Б. Т.)* и в окрестностях, готовы отправиться на этих

[1] Журнал или поденная записка Петра Великого, стр. 357.

судах... к Выборгу, а оттуда дальше... держась ближе к берегу, куда большие суда (неприятельские.— *Б. Т.*) дойти не могут» [1].

Финляндская операция характеризовалась решительным наступлением на противника, предпринятым совместно армией и флотом. Она преследовала цель создать плацдарм для вторжения в Швецию, принудить ее заключить мирный договор, по которому она должна признать возвращение добытых «потом и кровью» территорий «отчич и дедич».

Во главе вооруженных русских сил в Финляндии попрежнему стоял весьма медлительный в своих действиях адмирал Апраксин, ближайшим помощником у него был М. Голицын, обладавший большой решительностью и личной храбростью.

План кампании 1712 г. был разработан вместе с союзниками. По этому плану союзники, высадив десант, прикрываемый датским флотом, должны были нанести главный удар по Швеции, а русские войска должны были произвести диверсию в Финляндии, чтобы оттянуть значительную часть шведской армии на себя, обеспечив этим самым по замыслу операции нанесение удара в главном направлении.

Но вследствие медлительности и нерешительности Апраксина кампания 1712 г. протекала очень вяло, в ней ограничились главным образом стратегической разведкой.

Разногласия, обнаружившиеся между союзниками, помешали осуществить план кампании 1712 г. Главное внимание пришлось сосредоточить на подготовку удара по Швеции со стороны Финляндии. Это пришлось делать исключительно своими силами посредством комбинированных действий армии и флота.

Петр I придавал очень большое политическое и стратегическое значение овладению Финляндией, что видно из его письма к Апраксину в октябре 1712 г. «Сие главное дело, чтобы, конечно, в будущую кампанию, как возможно сильные действа с помощью божиею показать и идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе — удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить... другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не токмо мяса и прочие, но и дрова оттоль, и ежели бог допустить летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет» [2].

Кампания в 1713 г., руководимая Петром, проходила более успешно. Она подготовила изгнание шведов из Финляндии. Если в кампанию 1712 г. русской армии ставилась задача — организация диверсии для отвлечения сил противника от главного направления удара союзников, то в кампанию 1713 г. была поставлена задача — овладение Финляндией. Операционное направление оставалось то же — от Выборга вдоль побережья на запад. Ближайшая задача — овладеть опорными пунктами, расположенными на побережье, главнейшим из которых был Гельсингфорс.

---

[1] Материалы для истории русского флота, ч. I, № 424.

[2] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. IV, стр. 311.

Для выполнения этой задачи был организован десантный корпус. Разрабатывалась новая тактика боевых действий, основанная на совместных действиях галерного флота с пехотой. Тактической единицей был полк, прикрепленный к галерам. Дробление полка воспрещалось. Он должен был всегда находиться в сборе: и на суше, и во время высадки на берег, и на море. Боевые порядки галер соответствовали строевому расчету пехоты. Галерные эскадры делились на три дивизии: «авангардия», «кор-де-баталия» (центр) и «арьергардия». Походный строй совершался в кильватерной колонне. При построении боевого порядка из походного строя первая дивизия выходила вправо, вторая вперед, а третья влево. В марте и апреле все пехотные части, приписанные к флоту, находились на кораблях и проходили курс обучения.

В конце апреля десантный корпус в количестве 200 галер и других мелких судов с экипажем в 16 тысяч человек был двинут в финляндские шхеры.

Подойдя к Гельсингфорсу, Апраксин вступил в бой с батареями порта. Артиллерийский бой продолжался целую ночь. От стрельбы в городе вспыхнул пожар. Под прикрытием флота русские высадили десант. Шведы, увидев, что их окружают, на рассвете выступили из города и через Борго отступили по Тавастгусской дороге на соединение с Либекером.

Русское командование решило дать бой Либекеру у Борго. Спешно произведя посадку на суда, десантные войска отправились к Борго. Через некоторое время шведский флот вышел на гельсингфорсский рейд, и шведы опять заняли город. Между тем 11 мая русская галерная эскадра вошла на рейд в Борго. На 13 мая была намечена высадка десанта, предназначенного для атаки Либекера. Начались подготовительные работы. Однако противник не оказывал никакого сопротивления и отказался принять бой. Либекер бросил без боя Борго и отступил на деревню Мянтселя. Итак, русским вследствие уклонения противника не удалось уничтожить его живую силу. Зато отступление шведов внутрь страны лишало их возможности взаимодействовать со своим флотом. Но это еще не разрывало сообщений шведского флота с побережьем. Для того чтобы достичь этой цели, надо было овладеть Гельсингфорсом, превратив его в промежуточную базу для комбинированных действий сухопутной армии и флота. Но обстановка пока не позволяла прочно обосноваться в Гельсингфорсе, поэтому русское командование после ряда рекогносцировок устроило промежуточную базу на острове Форсбю (теперь Рюссе) в глубине залива Перно. Этот пункт вследствие малой глубины пролива был недоступен для корабельного флота.

25 мая русские отряды выступили из Борго к Форсбю: трехтысячный отряд Бутурлина пошел сухим путем, а главные силы — шхерами. Одновременно из Борго выступил Боцис с 30 скампавеями для наблюдения за шведским флотом у Гельсингфорса. Обнаружив на гельсингфорсском рейде восемь кораблей, один фрегат, одну шхуну и несколько частновладельческих транспортов, Боцис решил их атаковать. В результате атаки было сожжено пять транспортов

и захвачено 22 пленных. Эта атака имела большой моральный эффект.

Совместными действиями корабельного и галерного флотов русские уже намечали полное уничтожение шведского флота на рейде. Но эта операция не была проведена: корабельный флот, отвлекшись случайными целями, упустил время, а шведский флот, видя угрожающую ему опасность, оставил Гельсингфорс и без боя ушел в Тверминне. Русские вторично и на этот раз уже прочно заняли Гельсингфорс, лишив этим самым шведский флот опорной базы на Финском заливе.

Петр так оценивал стратегическое значение взятия Гельсингфорса: «Неприятельская эскадра из Финского моря выбита... и так неприятелю ныне нет ближе гавани, как Готланд и Эланд».

Овладение Гельсингфорсом, а затем и Ревелем, расположенным на противоположной стороне Финского залива, создавало мощную преграду на подступах к Петербургу и вместе с тем давало широкие возможности русским подготовить операции на Балтийском море.

28 августа русские взяли Або. 27 сентября Апраксин занял Тавастгус. 6 октября у деревни Пелкино разыгралось сражение, в котором русские разгромили превосходящий по своим силам шведский отряд. Им командовал Армфельд, который был поставлен на место Либекера, отстраненного за его нерешительность вступать в бой с русскими. Голицын, совершив со своим отрядом легендарный переход на плотах по озеру, ударил по флангу противника. Шведы, потеряв много убитыми и ранеными, вынуждены были отступить.

19 февраля 1714 г. у деревни Лаппола на дороге к Вазе М. Голицын нанес второе крупное поражение отряду Армфельда и отбросил остатки разбитых войск шведов на север Финляндии. Шведы в этом бою, по подсчетам Голицына, потеряли 5 133 убитых, много раненых и 535 пленных. Голицын потерял 421 человека убитыми и 1 047 ранеными.

Шведские войска в Финляндии были окончательно деморализованы и больше не проявляли активности.

Так было подготовлено изгнание шведов из Финляндии, которое завершилось знаменитой победой Балтийского флота при Гангуте.

* * *

Гангутское сражение — одна из блестящих страниц в истории русского флота. Оно тем более замечательно, что это была первая морская победа молодого русского флота над сильнейшим в то время шведским флотом, который до Гангута не знал поражений.

Эта победа была подготовлена длительной и упорной работой Петра I и его сподвижников, создавших свой русский национальный флот, без которого невозможно было решить задачи обороны страны, невозможно было возвратить исконные русские земли, невозможно было добиться выхода к берегам Балтийского моря и войти в семью западноевропейских государств.

Петр говорил: «Всякий Потентат (владетель. — *Б. Т.)*, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

На протяжении всей зимы 1713/14 г. велась тщательная подготовка к морскому походу: быстро строили суда и галеры, ремонтировали старые, снаряжали боевые припасы и продовольствие для флота и сухопутной армии, в спешном порядке приводили в боевую готовность весь флот. Особенное внимание уделялось личному составу галерного и корабельного флотов и десантных войск. Руководство подготовкой корабельного флота было поручено начальнику котлинского гарнизона флагману Шельтингу, но общее руководство над корабельным флотом взял на себя Петр I — контр-адмирал флота.

Во главе галерного флота стоял генерал-адмирал Апраксин, ближайший сподвижник Петра по строительству флота, успевший в короткий срок в совершенстве овладеть искусством морского дела. О нем в английской рукописи сказано: «Несмотря на невыгоды, происходящие от незнакомства его с чужими странами и незнания заграничной жизни и языков, и несмотря на то, что ему уже в относительно преклонных летах пришлось знакомиться с основами морской службы и бывать в море, тем не менее, благодаря удивительным природным способностям и огромной памяти, он достиг достаточного искусства в морском деле и поразительно поддерживает авторитет свой, как генерал-адмирал».

Ближайшим помощником у Апраксина был Змаевич, один из лучших командиров галерного флота. Морские силы русских на Балтийском море состояли из корабельного и галерного флота. Корабли могли итти только под парусами при наличии ветра. Галеры же (небольшие суда с мелкой осадкой — до 4 футов) были способны ходить при помощи парусов, но основным средством их передвижения служили весла. Галеры подразделялись на большие галеры и скампавеи (полугалеры). Галера имела 52 весла и вмещала около 300 человек, на скампавее имелось 36 весел, и при осадке в воде менее 3 футов она вмещала до 150 человек. Каждая галера была вооружена 24-фунтовой пушкой на носу и несколькими мелкими пушками по бортам. Так как дистанция стрельбы достигала 300—500 метров, то тактической формой боя был абордаж. Апраксин учил моряков «пороху напрасно не тратить, а сойдясь борт о борт, дать залп всем лагом, закрыть нижние борты и свалиться без церемонии на абордаж».

Петр I, учитывая особенность шхерного театра боевых действий, особенное внимание обращал на строительство галерного флота. Такой флот был хорошим маневренным средством и нападения, и транспортирования войск для десантных действий в шхерах. Действия же корабельного флота в шхерах были крайне затруднительны. Шведы, располагая большим корабельным флотом, недооценивали значение галерного флота и за это жестоко поплатились.

Русский галерный флот сосредоточивался у Котлина. Всего было приготовлено к походу 99 судов. На галеры было посажено 15 тысяч человек, а на транспортные суда — 9 тысяч.

Подготовка корабельного флота велась в Кронштадте, Ревеле и Архангельске. Кроме этого, производились закупки судов в Англии и Голландии. Несмотря на строгий контроль шведов, корабли, купленные за границей и построенные в Архангельске, удалось привести в Финский залив.

Так, Иван Синявин, обманув бдительность шведских крейсеров, привел из Англии два замечательных, вполне снаряженных к бою корабля.

Местом сосредоточения корабельного флота был назначен Ревель, куда должна была притти и Котлинская эскадра, состоявшая из 18 кораблей, 9 скампавей и 9 бригантин. Последние предназначались для службы охранения и разведки.

К весне все было готово. В английской рукописи указывается, что «чувствовалось какое-то всеобщее напряжение, выжидание чего-то необычайного на текущее лето». Тем более поддерживало это убеждение «решение царя взять лично на себя командование» корабельным флотом.

Ввиду неудачного исхода переговоров с датским королем о совместных действиях в пределах Швеции, Петр вынужден был ограничить свои действия только Финляндией. Успокоенный мирным отношением Турции и прекращением военных действий в Померании, а также располагая мощным флотом и сильной сухопутной армией, он решил в 1714 г. во что бы то ни стало овладеть Финляндией и утвердиться на Балтийском море, а потом предпринять высадку десанта в Швецию и этим заставить ее пойти на мир.

По оперативному плану, разработанному русским командованием, предусматривались совместные действия флота с сухопутными войсками. Главным операционным направлением намечались Аландские острова. Туда должен был двигаться Апраксин с галерным флотом. Но если у Аланда обнаружится превосходство неприятельских сил, то Апраксин должен был оставить там часть судов, а с остальными направиться к Вазе. Корабельному флоту у Ревеля ставилась задача обеспечивать левый фланг и предотвратить возможность прорыва шведского флота в Финский залив. Справа сухопутный отряд Брюса должен был прикрыть промежуточную базу, Або, а отряды пехоты и конницы у Тавастгуса, Гельсингфорса, Нейшлота, Выборга — прикрыть коммуникации от возможности прорыва шведских отрядов с севера.

Открытие навигации в 1714 г. в Петербурге произошло очень поздно. На Аландских островах до начала апреля стояла суровая зима. Нева вскрылась только 21 апреля, поэтому русский флот мог выступить из Петербурга только 9 мая.

Шведский флот выступил в море значительно раньше. 4 мая он показался у Або, а 9 мая против залива Кирки-Поэ стояло уже 6 кораблей противника; другие отряды крейсировали у Ревеля, Наргена и Рогервика, доходя до Котлина. Таким образом путь в Або, необходимый для оказания помощи сухопутной армии, а также для снабжения ее боевыми припасами и продовольствием, русскому галерному флоту у мыса Гангут был прегражден.

После остановки у Березовых островов 31 мая русский галерный флот вошел в шхеры, и только 11 июня он смог достигнуть Гельсингфорса, так как сильные ветры мешали его быстрому движению. За галерами следовали провиантские суда.

Корабельный флот, находившийся под командованием Петра, от Березовых островов отправился к Ревелю, куда и прибыл 11 июня. Здесь сосредоточился весь корабельный флот, представлявший собой довольно внушительную силу: 16 кораблей, 844 орудия и 5 600 человек экипажа, 8 фрегатов и шняв; при корабельном флоте находился галерный отряд из 9 скампавей и 10 бригантин. Общая сила флота составляла 1 016 орудий и 8 000 человек судовых команд [1]. «Теперь, — писал Петр I Меншикову, — дай боже милость свою! Пытаться можно».

На ревельском рейде велась сложная работа по вооружению и снаряжению всего собранного для боевых операций корабельного флота.

У Гельсингфорса галерный флот простоял до 19 июня. Здесь была произведена выгрузка на берег провианта для сухопутной армии, действующей в Финляндии под командованием М. Голицына, который прибыл к этому времени сюда к Апраксину для согласования боевых действий сухопутных войск с флотом. 24 июня галерный флот пришел к Кирки-Поэ, где была выгружена часть провианта и оставлены суда и скампавеи для полков Голицына, которые шли сюда из Або. Весь остальной флот Апраксин передвинул 29 июня к дер. Тверминне, расположенной на перешейке полуострова Гангут, где в 1713 г. стоял шведский флот.

У полуострова Гангут, расположенного в юго-западном углу Финляндии, было очень удобное место для стоянки флота, позволяющее запереть выход и вход в Финский залив.

Разведка установила, что шведский флот состоит из 16 линейных кораблей, 5 фрегатов и 7 мелких судов при 832 орудиях и что флот находится под командованием адмирала Ватранга. Ватранг занял удобные позиции у мыса Гангут и преградил путь русскому галерному флоту к Або. Прибывшие дезертиры также подтвердили эти данные, что «вне островов близ Гангута по остную сторону в дистанции пушечной» стоит шведский флот [2].

Получив сведения о противнике и оценив обстановку, Апраксин наметил предварительный план боевых действий: немедленно занять Гангутский мыс, изучить его окрестности, возвести на нем укрепления и вести пристальное наблюдение за противником.

В ожидании указаний Петра Апраксин вместе с Голицыным, произведя тщательную рекогносцировку, решили укрепить мыс Гангут, чтобы не допустить высадки шведов на полуостров. Тем временем из Або в Кирки-Поэ пришла пехота; здесь она была посажена на скампавеи, и 10 июля отряд Голицына присоединился к галерному флоту. Всего в галерном флоте было 33 батальона — 13½ тысяч человек.

[1] Сборник военно-исторических материалов, т. V, Приложения, № 62 и 67; Материалы для истории русского флота, ч. I, № 808, 813, 839 и 841.

[2] Сборник военно-исторических материалов, т. V, № 186.

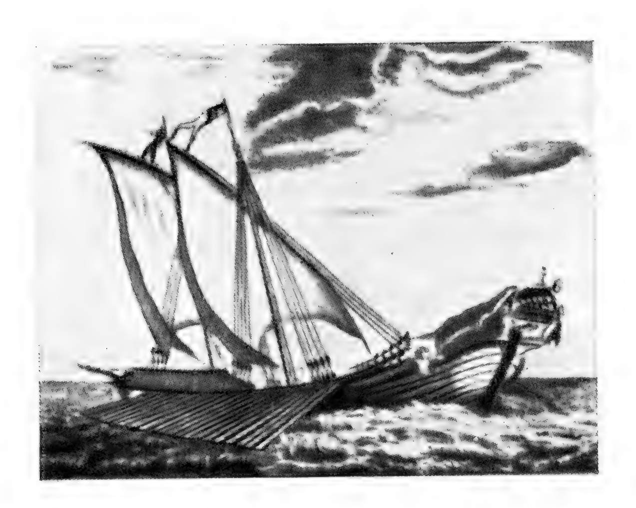

Рис. 14. *Галера*

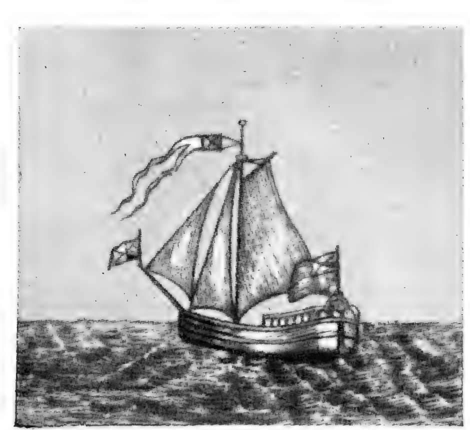

Рис. 15. *Шнява*

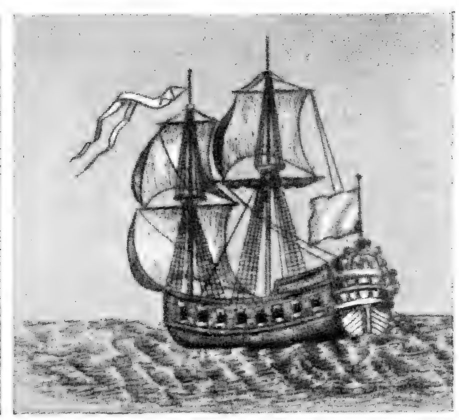

Рис. 16. *Бригантина*

Рис. 17. *План сражения при Гангуте*

Получив донесения о создавшейся обстановке, Петр отправился к галерному флоту и 20 июля находился уже на полуострове Гангут. 21—22 июля он лично произвел рекогносцировку окрестностей и усилил наблюдение за шведским флотом. К группе островов, расположенных около мыса, было послано 15 скампавей, которые должны были строго наблюдать за противником. Работы по возведению укреплений у мыса Гангут Петр прекратил. При рекогносцировке полуострова командор Змаевич нашел севернее Тверминне,

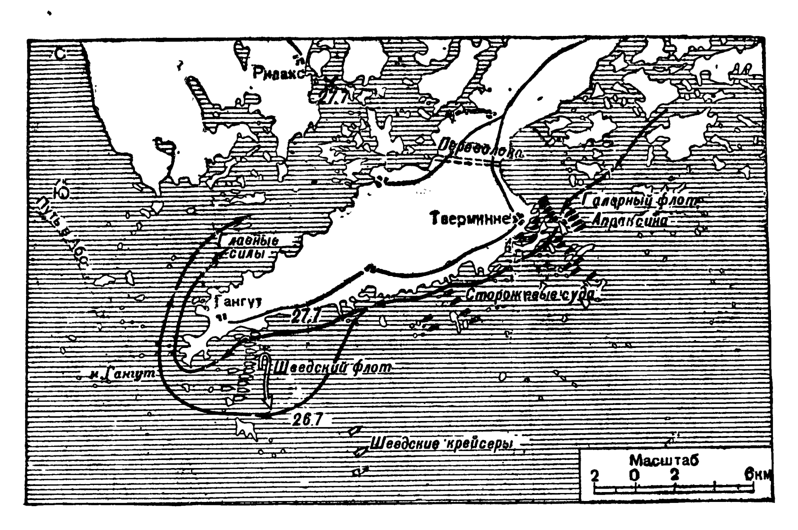

Схема 15. *Прорыв русского флота у мыса Гангут в июле 1714 г.*

у мызы Лапвик, удобное место для перетаскивания легких галер сухим путем. Здесь расстояние между обоими берегами равнялось только 1 170 сажен.

У Петра I родилась оригинальная мысль: устроить в узком месте «переволоку», перетащить по ней суда и зайти противнику в тыл. Идею начали претворять в жизнь. 23 июля близ погоста Эквиес начали возводить мост, по которому предполагалось передвинуть галеры. Автор английской рукописи «История Российского флота в царствование Петра Великого» считает, что со стороны русских это был только маневр: «Россияне сделали вид, что намереваются перетащить галеры свои через северную оконечность берега: этот маневр им так хорошо удался, что контр-адмирал Эреншельд получил приказание выдвинуться с 6 галерами, двумя десантными лодками и прамом, снабженным 14 пушками, стать так, чтобы помешать Россиянам спустить на воду свои галеры на другой стороне перешейка» [1].

Как бы то ни было, но эта замечательная идея создала новую обстановку для русского командования и породила новый план разгрома шведского флота.

---

[1] История Российского флота в царствование Петра Великого. Перевод с английской неизданной рукописи графа Е. Путятина. СПБ, 1897.

Адмирал Ватранг, узнав от шпионов о принимаемых русскими мерах, дал новую диспозицию своему флоту. Он решил напасть на фланги «переволоки» и разгромить русский флот. Для этой цели часть корабельной эскадры под командованием адмирала Лиллье он отправил на юго-восток, чтобы обойти русский галерный флот, расположенный у Тверминне. Остальные галерные суда с одним фрегатом под командованием Эреншельда шведы отправили «разыскивать проход между шхерами и островами с противоположной стороны российских галер с тем, чтобы, заключив их таким образом между двумя эскадрами, при возможности приступить к их уничтожению». Остальная часть флота под командованием адмирала Ватранга находилась на прежнем месте. Таким образом Ватранг раздробил свои силы, чем и не замедлил воспользоваться Петр I.

В полдень 25 июля в Тверминне услышали пушечные выстрелы. В русском стане сначала думали, что шведы производят стрельбу по поводу каких-либо торжеств. Но осторожный флотоводец Петр I не удовлетворился этими догадками и выдвинулся с 35 скампавеями вперед на линию сторожевых судов. Приближаясь к противнику, он заметил, что вице-адмирал Лиллье с 12 судами направился в море к юго-востоку, а на якоре остался Ватранг с 6 линейными кораблями и 3 фрегатами. С наступлением утра 26 июля Петру удалось установить, что Лиллье, выйдя из шхер, повернул к востоку в обход Тверминне, намереваясь там запереть выход флоту в море. Надо было принимать срочные меры для спасения галерного флота, стоявшего у Тверминне. Было послано приказание немедленно приготовиться к выходу из бухты.

Тем временем наступил штиль. Положение Ватранга стало тяжелым. Он лишался теперь возможности присоединить к себе эскадру Лиллье и отряд Эреншельда.

Пользуясь наступившим штилем, «по многих воинских советах», русские решили обойти Ватранга, стоявшего на якоре мористее[1]. В 9 часов 26 июля 20 скампавей под веслами, под командой капитан-командора Змаевича, бригадира Волкова и капитана Бределя направились на шведские корабли. Русские галеры, не дойдя на расстояние пушечного выстрела, повернули мористее в обход.

Ватранг, заметив такое движение русских, тотчас же приказал сняться с якоря, но громоздкие корабли были не в состоянии загородить путь скампавеям и их пришлось шлюпками буксировать к проходящим галерам. Шведы с кораблей открыли сильный огонь, но он не достигал русских галер.

Апраксин, видя, что обход совершается удачно, послал по тому же пути еще 15 галер под командованием бригадира Лефорта и галерных капитанов Дежимонта и Гриса. Эти галеры также прошли успешно.

Во время обхода кораблей Ватранга русские получили известие о том, что на западной стороне, против места, где кончался помост для переволоки, появился неприятельский флот. Он пришел, очевидно, для того, чтобы помешать предполагаемой операции — пере-

[1] Мористее — дальше от берега.

таскиванию судов по «переволоке». Шведы не могли знать о том, что в результате удачно совершенного маневра русских им грозит страшное поражение. Змаевичу было приказано немедленно атаковать суда Эреншельда, запертого в районе Рилакс-Фиорда, но наступившая ночь помешала ему выполнить это приказание.

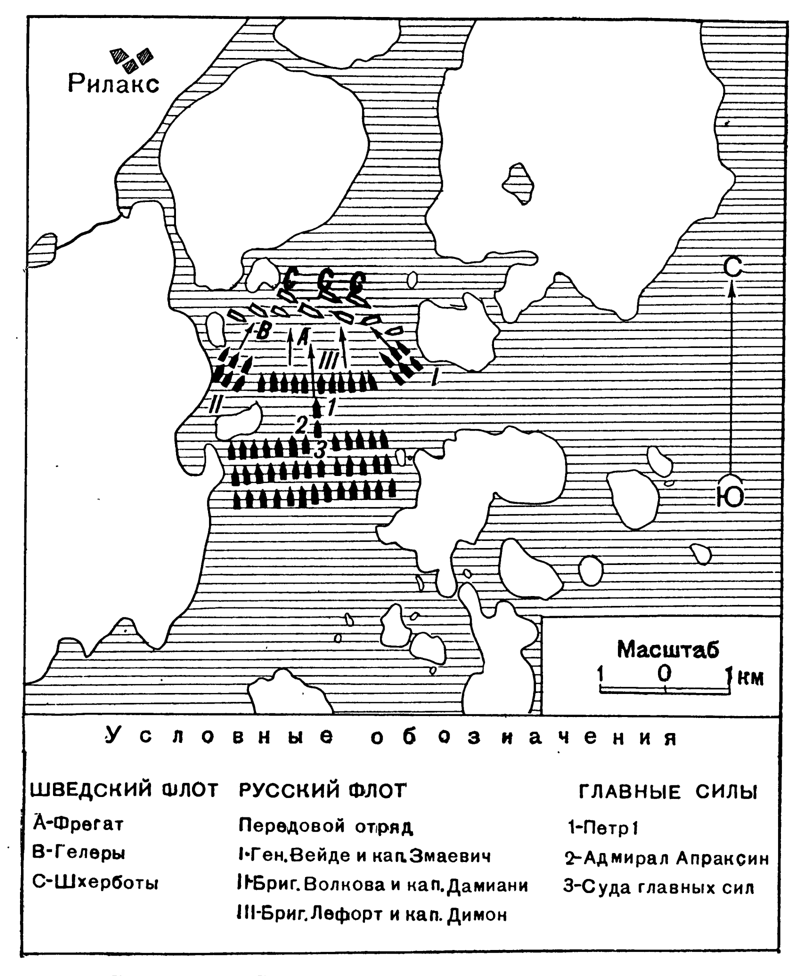

Схема 16. *Сражение у мыса Гангут 27 июля 1714 г.*

Всю ночь обе стороны тщательно готовились к решительному сражению. Ватранг решил во что бы то ни стало исправить допущенную им ошибку и снова собрать свои силы. Он приказал Лиллье возвратиться обратно к Гангуту, а сам, руководствуясь тем, что русские галеры обошли его с моря, решил отойти в сторону от своего правого фланга, несколько дальше от берега, чтобы предупредить обход его сил с моря. Такое встречное соединение обоих отрядов, действительно, предотвращало возможность обхода его сил

русскими галерами. Но тут Ватранг допустил вторую, не менее крупную ошибку: отойдя от берега, он обнажил галерный фарватер вблизи мыса Гангут.

Русские флагманы, зорко следившие за действиями неприятельского флота, на рассвете сразу же заметили эту ошибку Ватранга.

Ночью главные силы галерного флота были передвинуты ближе к Гангуту и оставлены на линии сторожевых судов. На совете у Апраксина, состоявшемся в три часа ночи, решили воспользоваться новой ошибкой Ватранга (тем более, что снова настал штиль) и провести главные силы галерного флота в промежуток между шведским флотом и берегом, придерживаясь к последнему так близко, как это позволит глубина.

С рассветом 27 июля в строгом порядке Апраксин повел свои галеры. В авангарде шел Вейде, за ним следовала кор-де-баталия адмирала Апраксина, в арьергарде — эскадра Голицына. Шведы, заметив новый маневр русских, открыли ураганный огонь. Но выстрелы не приносили вреда, так как шведский флот стоял от берега далеко, а наступивший штиль на море не давал возможности шведам подтянуть свои корабли к берегу. Только три шведских корабля, стоявшие ближе других к месту прорыва, были прибуксированы поближе к берегу и смогли сделать до 250 выстрелов, нанеся незначительные повреждения.

Все русские галеры, кроме одной, севшей на мель и взятой шведами без экипажа, прошли благополучно.

Смелый маневр русских моряков опять блистательно удался. Морская позиция шведов, казавшаяся неприступной, была обойдена.

Ватранг не выполнил своей задачи, несмотря на большое превосходство сил и занимаемую им выгодную позицию. Пытаясь исправить допущенную им первую ошибку, он еще больше усугубил ее второй и этим самым предоставил возможность Змаевичу запереть отделившийся от него отряд Эреншельда в районе Рилакс-Фиорда. После прорыва к Змаевичу присоединились главные силы галерного флота во главе с Апраксиным.

Теперь предстояла задача уничтожить заблокированный отряд Эреншельда. Передовым русским галерам было приказано не выпускать отряды шведов из Рилакс-Фиорда. Эреншельд, используя выгодную позицию, расположил суда вогнутой линией на интервалах, примкнув фланги к суше. В центре позиции стоял 18-пушечный фрегат «Элефант», по сторонам его — по три галеры, а позади линии — три шхербота. На всех этих судах шведы имели огромную артиллерию — 116 пушек и около тысячи человек экипажа.

Как только подошли главные силы галерного флота, они тотчас же по «диспозиции» адмирала Апраксина начали выстраиваться в боевой порядок: впереди — авангардия под командованием Петра; она расположилась тремя группами: в центре с 11 скампавеями находились бригадир Лефорт и капитан Дежимонт; на правом фланге с 9 скампавеями были Вейде и Змаевич; на левом фланге — с 9 скампавеями расположились бригадир Волков и капитан Дамиани. Своими загнутыми флангами авангардия полукругом почти обхва-

тила все неприятельские суда. Кор-де-баталия (вторая линия) и арьергардия (третья линия) в таком же количестве галер и в таком же порядке были расположены за авангардией (первой линией).

У русских было около 3 250 человек, не считая офицеров. Принимать бой приходилось в чрезвычайно неблагоприятных условиях, так как шведы имели преимущество в артиллерии.

Петр и Апраксин понимали, что бой потребует чрезвычайно большого напряжения сил и жертв с обеих сторон, поэтому к Эреншельду послали генерал-адъютанта Ягужинского с предложением о сдаче. Не торопясь с переговорами, он внимательно высматривал «диспозицию» противника.

После безуспешных переговоров в третьем часу на мачте скампавеи русского адмирала взвился синий флаг и раздался пушечный выстрел, это был сигнал «Вступать в бой».

Началась знаменитая Гангутская баталия, первая морская победа молодого русского флота, покрывшая неувядаемой славой русских моряков. Три часа шел горячий бой. Шведы, надеясь на подход главных сил, оказывали упорное сопротивление, но из-за штиля главные силы не могли помочь своему блокированному отряду. Упорно сопротивляясь, шведы стреляли ядрами и картечью. Невзирая на сильный артиллерийский огонь, русские передовые галеры два раза подходили к противнику, но оба раза были отбиты. Подпираемые другими судами с тыла, отчасти охватывая фланги противника, они, наконец, свалились на абордаж. Началась ожесточенная схватка. Но только уже в третий раз штурмующей пехоте удалось сломить сопротивление шведов. Русские солдаты с такой храбростью бросились на штурм при абордаже на самые пушки, что «от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым из пушки разорваны были».

Шведы, пользовавшиеся славой непобедимости, не хотели уступать русским первенство на море, так как считали русских еще младенцами в морском деле. Но отважный штурм русских солдат заставил их это сделать. Одно за другим суда начали спускать флаги, т. е. сдаваться в плен. Последним спустил свой флаг контр-адмирал Эреншельд. В суматохе боя он хотел уйти на небольшой лодке, но был замечен капитаном Ингерманландского полка Бакеевым и его гренадерами и взят в плен.

В Гангутском сражении шведы потеряли 10 судов, вооруженных 116 пушками, 711 человек убитыми и ранеными, а оставшиеся все взяты в плен; русские потеряли 468 человек.

Русский флот после сражения вышел из бухты и стал на шхерном фарватере, ведущем к Або. Морально подавленный, адмирал Ватранг на другой же день оставил Гангут и ушел к Аландским островам.

30 и 31 июля по поводу победы состоялось торжественное празднование во флоте, а 9 сентября в Петербурге. Все участники сражения были награждены медалями в честь Гангутской битвы. Петр I был произведен в вице-адмиралы.

Значение Гангутской битвы огромно. Петр I сравнивал ее с победой под Полтавой. И, действительно, она нанесла шведскому флоту такой удар, после которого шведы на Балтийском море потеряли инициативу, и их могущество на море начало падать. Русское государство уже выступало перед Европой как морская держава. «Объявляем вам, — писал Петр I Меншикову на третий день после сражения,— коим образом всемогущий господь бог Россию прославить изволил, ибо по многодарованным победам на земле, ныне на море венчати благоволил... и так сею, мню, николи у нас бывшею викториею вас поздравляем».

Гангутская битва показала уже достаточную зрелость, военно-морскую опытность, смелость и отвагу русских офицеров и солдат, бесстрашно сражавшихся за честь своей страны.

Петр I проявил в этом бою, как и во многих других, незаурядные способности крупного общевойскового начальника и флотоводца. С широким военным кругозором, полный энергии, с большим оригинальным умом, он прекрасно изучил все отрасли военной науки и сам практически дошел до ее самых мельчайших деталей. Был «исправным, осторожным, благоискусным и бесстрашным огнестрельным мастером и художником», искусным кораблестроителем, инженером и флотоводцем. Это позволило Петру во время Гангутской битвы во всей широте развернуть свои военно-морские способности и дать шедевр комбинированных действий галерного флота с пехотой. Все это характеризует Петра I как крупного флотоводца, опередившего своих современников на Западе, у которых он учился.

Петр I блестяще оценил шхерный театр войны, гениально использовал на нем галерный флот, умело организовал маневр прорыва шведов, выполнение которого привело к рассредоточению сил противника, что дало возможность заблокировать, а потом уничтожить часть шведского флота.

Шведы поздно оценили значение галерного флота. Только после кампании 1712 г. они начали строить галеры, и поэтому у Гангута шведы могли выставить только незначительный отряд. Однако он не мог воспрепятствовать прорыву русских к Або.

Операции шведов на море ограничились главным образом действиями корабельного флота. Допущенные крупные ошибки адмирала Ватранга (расчленение флота) еще больше ухудшили положение шведов и привели к бездействию значительную часть флота. За это шведы жестоко поплатились: на глазах у шведов Петр I атаковал и уничтожил их сильный отряд.

Во время сражения внимание шведского флота было приковано к своему побережью, которое находилось под угрозой нападения русских десантов. Гангутская виктория дала возможность русскому флоту широко использовать выход в Ботнический залив и Балтийское море, она завершила «отлучение» Финляндии от Швеции и открыла операционное направление к Стокгольму и другим важнейшим экономическим центрам Швеции. Это обеспечило перенесение театра войны на территорию Швеции и предрешило успешное окончание Северной войны в пользу России.

Военное искусство на Западе в начале XVIII в., несмотря на плодотворное развитие ряда отраслей военных знаний, находилось в глубоком упадке; и в сухопутной войне, и в морских операциях на бой смотрели, как на «рвотное» средство. У флотоводцев так же, как и у полководцев, не было стремления к уничтожению живой силы противника посредством сокрушительного удара. Они стремились к бесконечным сложным искусственным маневрам, демонстрациям, диверсиям, к удержанию сильной позиции и к истощению противника.

Что касается морской стратегии Карла XII, то он исходил из ложного убеждения, что Россия не имеет мощного флота и что война с ней будет решена на сухопутных театрах. Действиям же русского флота Карл XII придавал второстепенное значение и недооценивал возможности превращения его в грозную для Швеции силу, которая решит исход войны. Этими причинами и объясняется нерешительность шведских адмиралов в проведении операций на море. Они придерживались иных принципов ведения морской войны, чем Петр I. Следовательно, нерешительность в действиях шведских адмиралов нужно искать в самой системе взглядов на морскую войну, утвердившейся в европейских флотах того времени.

Петр правильно оценил значение морского флота для исхода Северной войны. Он понимал, что только превосходством на море можно окончить войну со Швецией. Уже после заключения Ништадтского мирного договора на гравюре, выпущенной в честь Северной войны, была надпись, оценивающая значение флота и сухопутной армии:

«Конец сей войне таким миром получен ничем иным токмо флотом; ибо землею никаким образом достигнуть было того невозможно ради положения места, понеже в Финляндии сухим путем пребезмерной трудности проход, ради каменной и узкой дороги и бескормицы и почитай невозможный».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОКОНЧАНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ. НИШТАДТСКИЙ МИР 1721 г.

После Гангутского сражения шведы на протяжении семи лет продолжали еще вести борьбу за господство на Балтийском море. Этот промежуток времени представляет собой чрезвычайно сложный клубок дипломатических и военных столкновений. Окончание войны за испанское наследство давало возможность западноевропейским государствам вмешаться в борьбу между Россией и Швецией. Две знаменательных победы русского оружия — под Полтавой и у Гангута значительно подняли престиж Русского государства, его армии и флота. Но Петр попрежнему думал над тем, как нанести сокрушительный удар по самой Швеции и вынудить ее на выгодный для России мир. Для этой цели Петр снова обратился к коалиции, чтобы вместе с ней посредством десанта нанести удар по Швеции.

В 1715 г. против Швеции сложилась новая коалиция, в которую вошли Пруссия, Ганновер (ганноверский курфюрст одновременно был и английским королем), а затем к коалиции примкнули прежние союзники Петра — Польша, Саксония и Дания, возобновившая союз с Петром после Полтавской битвы.

Петр I прекрасно понимал, что нельзя возлагать большие надежды на союзников, но нужно было с ними поддерживать дружественные отношения, иначе они могли бы пойти на сделку со Швецией, а Русское государство могло бы оказаться политически изолированным, не доведя борьбу со Швецией до конца. Петр был прав: на исходе войны некоторые из них так и поступили. Союзники составили комбинированный план нападения на Швецию. В 1715—1716 гг. русские войска снова были двинуты в Северную Германию. Весной 1716 г. предполагалось овладеть Висмаром, а после его оккупации армия Шереметева вместе с датчанами должна была произвести «десант в Сконию».

Рис. 18. *Битва при Гренгаме 27 июля 1720 г.*

Рис. 19. *Петр Великий объявляет народу о Ништадтском мире*

Для выполнения этой операции датчане обещали перевезти из Мекленбурга в Зеландию 24-тысячный русский отряд под прикрытием своего флота. Апраксин с русским галерным флотом должен был произвести диверсию со стороны Аланда.

Весною 1716 г. в проливе Зунд собралось 22 вымпела — лучшие русские корабли. В Балтийское море ранней весной прибыли английский и голландский флоты для охранения от шведских каперов своих торговых судов.

Адмиралы соединенных флотов просили Петра как опытного адмирала взять на себя общее командование. Командование четырьмя флотами навсегда осталось радостным воспоминанием для Петра. В память этого события была выбита медаль, на одной из сторон которой была надпись: «Владычествует четырьмя. При Борнгольме».

По плану кампании союзные эскадры должны были запереть шведский флот в гавани Карлскрона и этим обеспечить высадку десанта в Сконию.

Однако дело ограничилось только демонстрацией, так как датчане вместе с другими союзниками, опасаясь мощи шведского флота, не решились запереть его в Карлскроне.

Ввиду разногласий между союзниками осуществить высадку десанта не удалось. Союзные государства хотя и обещали помощь России, но реальной поддержки так и не оказали.

После неудачной кампании 1716 г. Петр I делает ставку на свои собственные силы, и чтобы «от Аланда неприятеля теснить», он повелел Сенату «всякое приготовление чинить».

В 1717 г. русские войска покинули Мекленбург, гвардейские полки были перевезены из Ростока в Ревель. Началась тщательная подготовка к высадке десанта на берега Швеции. Апраксин совершил высадку десанта на Готланд и угрожал Стокгольму. На севере, через Торнео, русские войска вступили на шведскую землю и дошли до местечка Луна (Лулео).

Швеция, с большими усилиями выносившая тяжелую войну с Россией, оказавшись под угрозой полного поражения, наконец, обнаружила склонность к миру.

В марте 1718 г. на Аландских островах уполномоченные обеих сторон собрались для мирных переговоров. Швецию представлял Герц (прежде голштинский, затем шведский министр); от Петра I уполномоченными были Брюс и Остерман. Переговоры затягивались и не обещали успеха, так как Швеция не соглашалась удовлетворить требования Петра.

Чтобы сделать шведов более сговорчивыми, Брюс и Остерман посоветовали Петру употребить против неприятеля «сильное средство» — «разорение всех мест до Стокгольма», так как без нанесения шведам «большого урона достичь своих намерений нельзя». Эти советы Петром были приняты. Он высылает в море уже имевшийся к этому времени в его распоряжении могущественный корабельный и галерный флот, готовясь померяться силами со шведским флотом, который в течение 1718 г. совершенно не показывался в море и стоял в гаванях у Стокгольма и Карлскроны.

Крейсирование русского флота по Балтийскому морю дало положительные результаты.

Переговоры пошли более удачно и приближались к концу. Карл XII уже соглашался на присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и части Финляндии с Выборгом и Кексгольмом. Но в связи с внезапной смертью Карла XII, убитого в 1718 г. при осаде норвежской крепости Фридрихсгам, переговоры были прекращены.

Вступившая на престол сестра Карла XII Ульрика-Элеонора категорически отказалась от заключения мира на условиях, принятых Карлом XII. Война вновь оказалась неизбежной.

К 1719 г. Русское государство уже имело мощный военно-морской флот, не уступающий по качеству и количеству шведскому флоту. Русский флот состоял из 39 кораблей, а шведский из 38[1], причем русские флотоводцы показали большее искусство в ведении войны на море, чем шведы.

Единственным средством, при помощи которого можно было заставить Швецию пойти на мирные переговоры, Петр I считал разорение побережья Швеции и создание угрозы Стокгольму путем разрушения промышленных предприятий — базы для войны.

С наступлением навигации в 1719 г. русский флот вышел в море. Апраксин с флотилией в составе 132 галер и 100 островных лодок, на которых находился 26-тысячный отряд пехоты, под прикрытием корабельного флота прошел Аландский пролив и высадился на шведском берегу у города Гефле. От Гефле на севере и до Нордчепинга на юге русский десантный отряд уничтожил гарнизоны шведов, разрушил промышленные предприятия и начал угрожать Стокгольму. Население бежало в глубь страны.

Апраксин распространил среди шведского населения манифест Петра I, в котором указывалось, что русские «к замирению склонность пред целым светом» предложили и в заключении мира «не отрекались». Дальше в манифесте указывалось, что вторжение в Швецию делалось «единственно для того, чтобы желаемого замирения достигнуть можно было»[2].

Русский корабельный флот беспрепятственно крейсировал по Балтийскому морю. Эскадра капитана-командора Фангофта совершила высадку на Эланд для отыскания на неприятельском берегу «добрых языков», хорошо знающих дислокацию сил противника. У берегов Швеции Фангофт захватил 13 призов. От шкипера одного из этих судов были получены сведения о том, что скоро из Пиллау в Стокгольм выходят три военных шведских корабля для конвоирования купеческих судов.

Получив данные о противнике, Апраксин приказал капитану Синявину немедленно организовать преследование шведов. Во главе отряда из шести кораблей и одной шнявы Синявин из Ревеля вышел в море. 24 мая 1719 г. между Эзелем и Готско-Сандо он заметил шведский отряд из трех кораблей, оказавшихся под командой капи-

---

[1] *ГАФКЭ*, Кабинет Петра I, д. № 53, л. 749, 968.

[2] Журнал или поденная записка Петра Великого, ч. II, стр. 447.

тана-командора Врангеля. Синявин применил военную хитрость: видя на горизонте корабли, идущие без флагов, он решил на своих кораблях поднять шведские флаги и пустился за противником вдогонку. Шведы, видя корабли, идущие за ними под шведскими флагами, вынуждены были поднять свои флаги. Как только Синявин это увидел, он приказал поднять русские флаги и итти на штурм.

После ожесточенной перестрелки ядрами и картечью весь шведский отряд вынужден был сдаться.

Это было первое морское сражение корабельного русского флота, по словам Петра, «добрый почин российского флота». Петр собственноручным письмом благодарил Синявина и произвел его, через чин, из капитана 2-го ранга в капитан-командоры. Все офицеры, участники кампании, получили следующие чины.

Эта победа, а также действия десантных войск на побережье Швеции произвели сильное впечатление на шведов. Ульрика-Элеонора вынуждена была возобновить перемирие, но на заключение мира не согласилась. Тогда русские войска снова начали опустошать шведские берега.

Семитысячный отряд бригадира Менгдена углубился на 5 миль от берега, разорил город Умео, 41 деревню и более 1000 жилых дворов, а потом вернулся в Вазу. Русский флот крейсировал по Балтийскому морю. В Стокгольме поднялась паника.

В это время часть шведского флота находилась на стоянке подле Аландских островов под командованием вице-адмирала Шеблата. Он имел задачей препятствовать переброске русских десантов на шведский берег. Об этом дошли сведения до Голицына. Он решил отправиться в море, чтобы отыскать и уничтожить шведский отряд. Эскадра Голицына состояла из 61 галеры и 29 лодок. 26 июля русские увидели у острова Фрисберга (один из Аландских островов), в проливе вблизи Лемланда, стоявшие на якоре шведские суда: корабль, 4 фрегата, 3 галеры, шняву, гальот, 3 шхербота и бригантины. Свежий ветер не позволил русским немедленно атаковать шведов. На военном совете было решено выйти к острову Гренгаму, «где было место для наших галер способнее», и, когда ветер стихнет, атаковать шведов.

Только что успели русские подойти к Гренгаму, как на них двинулся в пролив шведский отряд с присоединившимся к нему отрядом Шеблата. Русские галеры начали отступать в теснины, где они получили большое преимущество в действиях, «а неприятель за ними же газардовал», т. е. пошел на риск. В порыве преследования он зашел в такую теснину, в которой лишался маневренности. Тогда Голицын прекратил отступление и перешел к атаке.

На рассвете 27 июля 1720 г. началась ожесточенная схватка. Русские галеры смело подошли к шведским фрегатам. Два из них, поворачиваясь бортами к галерам, чтобы стрелять в упор, сели на мель и были взяты на абордаж. Два фрегата, пытавшиеся уйти, были настигнуты русскими галерами и после жестокого боя также взяты на абордаж.

Только Шеблату путем сложного маневра удалось вывести свой корабль. Начавшийся ветер и появление еще двух шведских судов помешали русской эскадре организовать преследование противника. Трофеями были: 4 шведских фрегата, 104 пушки, взято в плен 407 человек. Шведы потеряли убитыми 103 человека. О жестоком характере боя и об исключительном упорстве, храбрости и отваге русских солдат, которые, не щадя своей жизни, геройски дрались со шведами за честь русского флота, говорит такой факт, как ожог 43 человек выстрелами из орудий. Русский флот в Гренгамском и Гангутском сражениях покрыл себя неувядаемой славой.

«Известно, что на заре своего развития, во времена Петра Великого русский флот сумел нанести не одно поражение шведам, которые в ту пору владели первоклассным боевым флотом. Блистательные победы при Гангуте и Гренгаме вписаны золотыми буквами в историю флота нашего отечества»[1].

Петр I прекрасно понимал, что только силой можно заставить Швецию прекратить войну, поэтому он особенно тщательно готовился к кампании 1721 г. У Котлина и Ревеля спешно приводился в боевую готовность флот, состоящий из 27 кораблей, 12 фрегатов, 3 бомбардирских кораблей и ряда мелких судов, а галерный, доведенный более чем до 170 единиц, готовился к походу в стокгольмские шхеры.

Не рискуя послать все галеры, Петр выделил 60 галер, посадив на них отборный отряд пехоты и 450 казаков. Командиром десантного отряда был назначен мастер десантных операций Ласси. 17 мая этот отряд двинулся к шведскому берегу и от Гефле до Питео на расстоянии 300 км опустошил его. Ласси уничтожил 13 заводов, из них один оружейный, захватил 40 каботажных судов, разогнал гарнизоны шведских городов и захватил много военных материалов.

Между тем Петр стал готовить к выходу в море весь свой флот.

Эти решительные действия Петра оказали сильное влияние на тянувшиеся пока бесплодно переговоры о мире. «Шведские министры, — сообщал Брюс, — начали прилежнее о мире договариваться». Истощенная войной Швеция, наконец, согласилась по-серьезному начать мирные переговоры.

30 августа 1721 г. в Ништадте был заключен мир, по которому Лифляндия, Эстляндия, Ингрия и часть Финляндии (с городами Выборг и Кексгольм) отошли к России. Остальная часть Финляндии возвращалась шведам.

Итак, к России была присоединена восточная часть Финского залива, весь южный берег Рижского залива с прилегающими к нему островами.

Окно в Европу было прорублено. Россия добилась свободного выхода в Балтийское море. «Петр I овладел всем, что было абсолютно необходимо для развития его страны», писал Маркс. Из Северной войны Россия вышла первоклассной морской державой.

---

[1] Газета «Правда» от 17 января 1938 г.

«Только в результате превращения Московии из чисто континентальной страны в приморское государство,— писал Маркс,— московская политика могла выйти из своих традиционных границ» [1].

В Петербурге при большом стечении народа был торжественно отпразднован Ништадтский мир. Сенат преподнес Петру титул отца отечества и императора всероссийского. Русское государство стало называться Российской империей.

Петр I призывал собравшихся на празднество, «надеясь на мир, не ослабевать в военном деле» [2].

---

[1] *К. Маркс*, Тайная дипломатия XVIII века.

[2] Полное собрание законов Российской Империи, № 3840.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Северная война для России окончилась успешно. В семье европейских государств появилось новое могущественное государство — Россия, которая стала оказывать большое влияние на международные отношения.

Могущество Швеции было сломлено. Она навсегда потеряла то значение, которое занимала раньше как крупнейшее государство Европы.

К. Маркс, в «Тайной дипломатии XVIII в.», оценивая значение и результаты Северной войны, писал:

«Благодаря завоеванию Балтийских провинций, России было обеспечено превосходство над соседними Северными государствами, благодаря ему же, она была втянута в непосредственный и постоянный контакт с любым пунктом Европы, и, наконец, благодаря ему были заложены основания для установления материальных связей с морскими державами, которые, получая из России необходимые для их кораблей материалы, оказались в зависимости от нее».

Русское государство превратилось в крупнейшую европейскую державу. Внешняя политика Петра увенчалась блестящим успехом. «Сила внешней политики Петра заключалась в том, что он не разбрасывался на несколько проблем, а сосредоточивался на одной; этой одной проблеме он и подчинял все усилия своей дипломатии. . .» [1].

После Северной войны решающее значение на северо-востоке Европы приобрела Россия, умело использовавшая плоды своей победы. «Именно с раздела Шведской империи начинается эра современной международной политики», — писал К. Маркс.

---

[1] История дипломатии, т. I, ОГИЗ, Госполитиздат, М., 1941 г., стр. 277.

С Россией, ставшей первоклассным европейским государством, вынуждены были считаться в Европе. На протяжении всего XVIII в. Россия играла большую роль в международной политике, крупнейшие европейские государства считались с ней как с равной. Они добивались установления дипломатических и торговых отношений с Россией.

Война Русского государства со Швецией, продолжавшаяся 21 год, была справедливой, прогрессивной войной за возврат территорий «отчич и дедич», захваченных шведами в XVII в.

К. Маркс указывал, что «Россия не могла оставлять устья Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов», так как без него не могли дальше успешно развиваться производительные силы страны.

Фашистские «историки» пытались использовать и извратить историю дипломатических отношений России в своих захватнических целях. Для этого они прибегали к мошенническим подлогам и фальшивкам. Одной из таких фальшивок является облетевшее все немецкие газеты в 1941 г. так называемое «Завещание Петра I». В этом «Завещании» будто бы указывалось, что Русское государство должно стремиться к непрерывным завоеваниям для утверждения мирового господства. Впервые, как известно, эта фальшивка появилась свыше 100 лет назад во Франции, накануне 1812 г.; вторично пытались оживить ее во время Крымской войны, затем в период первой мировой войны. Поддельный характер этого «Завещания» неоднократно был разоблачен историками. Гитлеровские фальсификаторы истории пытались пустить его в ход в 1941 г. В советской исторической литературе[1] убедительно показано, что этот подложный документ пускается в ход каждый раз, как только захватчики, предпринимая поход против нашей Родины, пытаются прикрыть свои захватнические планы.

Добившись выхода к берегам Балтики, Россия установила более тесную экономическую связь с Западной Европой. Широким потоком потекли товары сельскохозяйственной продукции из России на международный рынок.

В 1726 г. структура экспорта Петербургского и Архангельского портов составляла:

Пенька	494 362	пуда
Лен	59 424	пуда
Сало	49 145	пудов
Железо	55 149	пудов
Нефть	172 009	пудов
Льняные ткани	10 319,3	тысячи аршин
Парусина	7 747	кусков
Шелк персидский	2 192	пуда

Всего на сумму 2688,8 тысячи рублей

[1] См. статью *Н. Яковлева* в «Историческом журнале» № 12 за 1941 г.

Структура импорта Петербургского и Архангельского портов в 1726 г. составляла:

Сахар		11 339	пудов
Кофе		494	пуда
Шелк		3,5	пуда
Красильные вещества	на	275 661	рубль
Шелковые товары	на	15 464	рубля
Шерстяные товары	на	662 956	рублей
Бумажные товары	на	28 632	рубля
Льняные товары	на	935	рублей
Напитки	на	141 203	рубля

Всего на сумму 1585,5 тысячи рублей

Общий оборот внешней торговли всех русских портов в 1726 г. составлял 6 364 000 рублей, из него вывоз — 4 238 000 рублей, ввоз — 2 126 000 рублей. Причем основной поток товаров шел главным образом через балтийские порты. Россия добилась активного торгового баланса. Это было значительным шагом вперед в экономическом развитии страны.

Таковы в кратких чертах внешнеполитические итоги Северной войны.

* * *

Северная война имела громадное значение в истории развития военного искусства не только для России, но и для Западной Европы. Накануне войны русская регулярная армия только начала складываться. В ходе же войны она проделала такой путь, какой западноевропейские армии прошли в предшествующие два столетия. Кроме того, русская армия во многом опередила лучшие европейские армии. Петр I со своими сподвижниками Меншиковым, Шереметевым и Апраксиным создал первоклассную регулярную армию и военно-морской флот. Это дало возможность успешно закончить войну со Швецией и возвести Россию в ранг европейской державы.

Северная война, прославившая русское оружие, выдвинула русскую армию в ряд первоклассных европейских армий. Петр I заложил основы русского военного искусства, определившие дальнейшее его развитие при Румянцеве, Суворове и Кутузове.

Северная война дала для истории военного искусства больше, чем война за испанское наследство. Петр I, казалось с внешней стороны, перестраивал свою армию по западноевропейским образцам, но он не был слепым подражателем Запада. Он внес много нового, самобытного в развитие стратегических и тактических форм борьбы, вытекавших из русской действительности. Петр I заложил основы новой системы обучения и воспитания войск, опирающейся на высокий комплекс идей патриотизма, воинского долга, чувства товарищеской взаимопомощи и дисциплины, что отвечало общим прогрессивным целям, за которые велась Северная война. Задачей военного

искусства Петр I считал умение нанести противнику решительное поражение «с легким трудом и малой кровью».

Сила полководческого искусства Петра I заключалась в том, что он умело использовал все формы ведения войны и гибкие принципы стратегического руководства. От стратегической обороны на первом этапе войны он переходит к стратегическому наступлению на втором этапе войны.

Основы стратегических и тактических приемов ведения войны, заложенные при Петре, опередили почти на столетие европейские армии и являлись тем фундаментом, на котором создавалось военное могущество России.

В ходе Северной войны ярко выявились две стратегии. Стратегия Петра I вытекала из его прогрессивной политики, имевшей целью возвратить исконные русские земли в состав Русского государства, без которых не могла дальше успешно развиваться страна, отрезанная от естественных выходов к Балтийскому и Черному морям.

Стратегия Карла XII порождалась его захватнической политикой, имевшей целью удержать в неволе чужие порабощенные народы и захватить новые территории.

Стратегия Петра, отражавшая коренные интересы своей страны и народа, была прогрессивной в самой своей основе и ставила перед собой вполне достижимые цели. Стратегия Карла XII, исходя из захватнической политики, переоценивала свои силы и недооценивала силы противника, была авантюристической по своему существу.

Отличительной особенностью стратегии Петра являлось то, что он ставил перед своими войсками реальные задачи, учитывающие соотношение сил сторон. При этом он стремился использовать свою армию на театре войны так, чтобы изменить общую обстановку в свою пользу и тем самым подготовить генеральное сражение, которому Петр придавал решающее значение для исхода всей войны. Сообразуя свои действия с реальной обстановкой, учитывая соотношение сил, Петр I считал главной задачей разгром армии противника. Он прекрасно понимал, что только разгромом вражеских сил можно добиться благоприятного исхода войны. От Петра ведет свое начало русская наступательная стратегия и тактика.

Сравнивая стратегию Петра со стратегией Суворова и Наполеона I, нетрудно установить общность их основных принципов, а следовательно, и принадлежность их к одной и той же школе. Именно от Петра, а не от Фридриха II, как это пытались утверждать немецкие «историки», идет к Наполеону новейшая стратегия.

Считая бой самым решительным средством достижения успеха, он весьма осторожно относился к нему, как к «зело опасному делу». Однако осторожность Петра как полководца не означала нерешительности. В необходимых случаях Петр действовал смело и решительно. Он требовал возможно более полного изучения обстановки и создания необходимых условий для достижения цели. Учитывая превосходство противника в силах и в боевой подготовке на первом этапе войны, Петр I, пользуясь возможностью маневрировать,

намечал план активной стратегической обороны, рассчитанный на изматывание противника, на выигрыш времени для полного развертывания сил страны и армии. Однако уже на первом этапе войны Петр I вел и наступательные операции и добился больших стратегических успехов.

Быстро расширяя военно-промышленную базу, он сумел создать в кратчайший срок необходимые условия для вооружения и снабжения армии. В ходе войны были подготовлены кадры национального офицерского состава. Русские солдаты прошли суровую, но полезную школу войны.

Все эти обстоятельства учитывались Петром при подготовке к генеральному сражению. Они явились условием победы под Полтавой.

Организационные принципы петровской армии, методы ее обучения и воспитания, стратегические и тактические приемы ведения войны сложились не сразу, не по какому-либо заранее разработанному шаблону, а вырабатывались на боевом опыте, в ходе войны. Они подвергались изменению и дальнейшему совершенствованию и были обобщены в знаменитом «Уставе Воинском» (1716 г.) и «Дополнительных артикулах» (статьи к Воинскому Уставу 1722 г.), в «Учреждении к бою», в «Морском регламенте» (уставе) и в ряде регулов (правил) диспозиций «к бою», данных в различное время. По этим документам мы можем судить о развитии военного искусства при Петре, о стратегических и тактических приемах ведения войны петровской армией.

Воинский Устав 1716 года обобщил опыт русской регулярной армии, подвел итог важной исторической эпохе ее преобразования, закрепил организацию регулярной армии, применяемые ею оперативно-тактические и стратегические принципы ведения войны. В нем изложены основы обучения и воспитания войск. Это гениальное творение русской военной мысли некоторые немецкие «историки» пытались представить делом рук какого-то неизвестного немца. Грубые извращения этих фальсификаторов истории, касающиеся книги II «Устава Воинского», были разоблачены еще в 80-х годах XIX века историком военного права П. О. Бобровским, обнаружившим в архиве Главного Штаба подлинную черновую рукопись Артикула с многочисленными поправками и дополнениями, сделанными рукою Петра I. П. Епифанов, автор статьи «Воинский Устав Петра» [1], привлечением нового архивного материала, ранее не опубликованного, представляющего русский оригинал книги I («О должности генералов») и книги III («О экзерциции») Устава 1716 г., правленного и подписанного Петром, окончательно разоблачил легенду о немецком происхождении Воинского Устава 1716 года. Эта рукопись, как и материалы, ранее использованные П. О. Бобровским, достоверно свидетельствует о том, что текст Воинского Устава от начала и до конца был составлен и отредактирован под непосредственным руководством Петра. Многие из его (свыше 200) собственноручных

[1] «Военная мысль» № 1—2, 1945 г.

поправок и дополнений имеют принципиальный характер. Следовательно, Петр был не только составителем, но и подлинным творцом Воинского Устава, основоположником русского военного искусства, организатором русской регулярной армии.

Не механическое перенесение в русскую действительность, не подражание готовым «образцам», а внимательное всестороннее глубокое и критическое изучение и освоение лучших достижений западно-европейского военного искусства на первом этапе войны, проверка, усовершенствование и дальнейшее творческое развитие этих достижений на основе собственного боевого опыта на втором этапе войны — вот что характеризует Петра как великого полководца и крупнейшего военного реформатора.

Петр I на протяжении всей своей деятельности усиленно изучал военное дело. Во время своего первого путешествия и впоследствии он пользовался каждым случаем, чтобы расширить свои военные знания. Изучение опыта прошлых войн, знакомство с состоянием западноевропейских армий, их стратегией и тактикой, системой обучения и воспитания помогли Петру I критически отнестись ко всему тому, что он наблюдал в русской армии, а также и в других армиях. Ведь не все применяемое в иностранных армиях было достойно подражания, также далеко не все применяемое в старой русской армии было плохим, которое нужно было отвергнуть.

Таким образом, великой заслугой Петра I было то, что он не стал на путь слепого подражания: воспринял лучшее, что было создано военным искусством древнего и нового времени, и, прежде всего, использовал военный опыт, накопленный русской армией. Этот опыт был основой в полководческой и реформаторской деятельности Петра I.

Петр I обращал особенное внимание на организацию вооруженных сил страны, причем в центре его внимания стояли все роды войск.

Накануне вторжения шведов в Россию петровская армия насчитывала до 135 тысяч. По штатам 1711 г. пехота состояла из 47 полков, из них 2 гвардейских (Преображенский и Семеновский) и 5 гренадерских. В 1721 г. в связи с подготовкой войны с Персией было сформировано еще 9 полков «Низового» (Приволжского. — *Б. Т.*) корпуса.

Ошибочно было бы считать, что русская армия при Петре сразу получила законченную организационную структуру. В ходе войны по мере приобретения боевого опыта организационная структура армии подвергалась существенным изменениям.

Типичной воинской частью был полк, в личном составе которого насчитывалось 40 офицеров, 80 унтер-офицеров и 1 200 солдат. До 1711 г. полк состоял из 2 батальонов, по 5 рот в каждом; по новым штатам полк состоял из 2 батальонов, по 4 роты в каждом. В состав полка до 1711 г. входила одна гренадерская рота, укомплектованная из наиболее храбрых, хорошо обученных солдат, дополнительно вооруженных ручными гранатами. Впоследствии из этих рот были созданы особые гренадерские полки. Численный состав полка в мирное и военное время был неизменным. В зависи-

мости от оперативной задачи полки сводились в высшие войсковые соединения: бригады, сформированные из 2—3 полков; особые отряды, например «корволант», как это было у Лесной; дивизии, корпуса (Меншиков в Померании, Гольц в Польше). Высшим соединениям придавались специальные части.

Петр I большое внимание обращал на взаимодействие в бою всех частей, сведенных в крупное соединение. «Устав Воинский» 1716 г. гласит: армия «либо великая, либо малая, от 10.000 человек до 100.000 человек, но Юлиус Цезарь в одном корпусе никогда свыше 50.000 человек не употреблял. Притом в таком порядке и прилежном обучении были, что ими мог надежно великие дела творити, о чем из истории в разных книгах видеть можно. Нужно есть сочинять армию свою, смотря неприятельской силы и оного намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть».

В организации конницы и ее боевом применении Петр опередил Европу на столетие. Он создал стратегическую конницу, которая самостоятельно выполняла оперативные задачи. Конница была драгунского типа, она могла действовать на конях и в пешем строю. Она имела свою артиллерию и действовала огнем и холодным оружием. Основной тактической единицей был полк, состоявший из пяти «шквадронов» (эскадронов), в каждом эскадроне две роты. Состав полка: 38 офицеров, 80 унтер-офицеров и 920 рядовых. В начале войны было сформировано два драгунских полка; по штатам 1711 г. уже имелось 33 полка, из них 3 гренадерских. К 1720 г. конница значительно выросла и уже состояла из 36 тысяч всадников.

Петровская конница самостоятельно выполняла сложные стратегические задачи. Замечательным кавалерийским начальником был Меншиков. Он умело совершал глубокие рейды по тылам противника (разгром Батурина, бой у Калиша, бой со шведами и поляками Станислава Лещинского у предместья Варшавы). Таких решительных рейдов конницы мы не можем встретить даже спустя столетие в наполеоновской армии.

При взаимодействии с пехотой конница внезапными налетами, «ища неприятельскую инфантерию во фланг атаковать должна». «В его (противника) землю впасть и чинить диверсию». Конница широко применялась для разведки и охраны колонн пехоты при переходах.

Новатором Петр I был и в области артиллерии. Ему принадлежит первенство в уточнении функций различных видов артиллерии. Он разделил артиллерию по ее специальному назначению на осадную, полевую и полковую. Петр I ввел артиллерию на вооружение кавалерийских полков, опередив в этом Европу на 50 лет. Между тем фальсификаторы истории эту идею приписывают Фридриху II.

По «ведомости» 1723 г. русская артиллерия состояла из 261 орудия. Она делилась на осадную, полевую и полковую.

После нарвского поражения артиллерия в короткий срок была создана заново. По своим образцам она была лучше, чем в западноевропейских армиях. Во главе артиллерии стоял очень энергич-

ный, талантливый «надзиратель артиллерии» думный дьяк А. Виниус. Позже артиллерию возглавлял генерал Брюс. В 1707 г. открылась артиллерийская школа.

Сам Петр был лучшим артиллеристом. Он много работал над усовершенствованием материальной части артиллерии и над ее тактическим применением. Он очень часто беседовал с полковником Леметри, руководившим изготовлением материальной части артиллерии, и давал ему ряд ценных указаний.

Особенное внимание Петр обращал на подвижность, маневренность артиллерии. До 1706 г. артиллерию перевозили на обывательских подводах, а затем был установлен специальный набор людей и лошадей для обслуживания артиллерии.

В тактическом применении артиллерии Петр I не придерживался принятого в западных армиях шаблона — ставить артиллерию на возвышенности и перед фронтом. Он отверг эту традицию и ставил артиллерию там, где требовала обстановка. Часто артиллерия ставилась и на флангах, и даже в глубине. Несмотря на все это, подвижность артиллерии оставляла желать много лучшего. Петр часто упрекал Шереметева в том, что он сражается старым обычаем, уходит вперед, оставляя артиллерию далеко за собой.

Соединение штыка с ружьем, проведенное в русской армии при Петре I, имело большое значение в разработке тактических форм боя. Мощный штыковой удар, которого обычно не выдерживала ни одна европейская армия, был сильным наступательным средством русской пехоты.

Перевооружение русской пехоты ружьем с ударнокремневым замком и штыком вызвало необходимость введения линейного построения и линейной тактики, которые являлись более прогрессивными в тот период, так как позволяли развить «полную мощь пехотного огня, равно как и полный эффект кавалерийской атаки, позволяя одновременно действовать максимальному числу людей» *(Энгельс)*.

Переход петровской армии к линейной тактике совпал с аналогичным процессом в европейских армиях. Утверждение немецких военных историков о том, что Петр I перестроил свою армию и тактику по иностранным образцам, расходится с исторической действительностью. Не подражание готовым образцам и формам, а глубокое и, главное, критическое изучение достижений западного военного искусства, самостоятельная разработка оперативно-тактических и организационных форм применительно к особенностям русской армии — вот что характерно для Петра как реформатора русской армии, создателя ее военного искусства.

В западноевропейских армиях строго придерживались шаблонного линейного строя, который позволял командиру постоянно наблюдать за каждым шагом подчиненных ему наемных солдат, обычно старавшихся уклониться от боя. В русской армии такой необходимости не было. Это обстоятельство дало возможность Петру внести в линейную тактику существенные поправки, а в нужных случаях видоизменять боевой порядок настолько, что он приближался к глубокому построению. Еще в 1706 г. Петр предписывал Брюсу:

«Становить бой по ордеру баталии: будеже кому места не будет с левой руки, становились с правой, позади один другого во столько линий, сколько ширина позволит».

Если в Западной Европе считали, что применение линейной тактики требовало специальных «плацей» и «полей» сражения, то Петр нарушил этот принцип и первый оценил выгоды проведения боя на пересеченной местности. Учитывая этот опыт, он писал в своем приказе Апраксину (октябрь 1708 г.), действовавшему против Либекера на Карельском перешейке: «Только зело прошу, чтобы не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем привеликая есть польза, как я сам испытал на сей (Лесной) баталии».

В инструкции, данной армии в 1713 г. перед Фридрихштадтским боем, Петр указывал: «Накрепко смотреть, чтобы друг другу секундовать..., когда неприятель пойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тыла во фланг атаковать». Наряду с этим он большое значение придавал использованию огня пехоты.

Укомплектованная надежным солдатским составом, заинтересованная в защите Родины, русская армия могла применять не только залповый огонь из линейного построения, но и вести прицельную индивидуальную и групповую стрельбу, которой солдаты обучались. В западноевропейских армиях, где наемные солдаты были пригодны только к механическому действию в сомкнутом строю, применялся лишь залповый бесприцельный огонь. Петр I усиливал огневую мощь своих войск и тем, что он обязывал первую шеренгу стрелять лежа, вторую с колена, а третью стоя. Введение ружья со штыком придало русской пехоте большую наступательную мощь.

Являясь противником шаблона в военном деле, Петр указывал, что расположение войск в бою «зависит от осторожности, искусства и храбрости генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновение оного знать и потому свое дело управлять надлежит».

Обращает также внимание решение им вопроса о месте начальника в бою. Петр требовал от начальников занимать такое место во время боя, чтобы иметь возможность управлять войсками, но «когда необходимая нужда того требует», служить примером доблести, ведя за собой солдат.

Огромное значение в истории военного искусства имели новаторства Петра в области полевой фортификации. Подготавливая поле Полтавской битвы, Петр I совершил переворот в применении полевых укреплений, а вместе с тем нанес сокрушительный удар линейной тактике, применявшейся тогда всеми передовыми европейскими армиями. Созданная им система редутов была могучим средством для расстройства линейного порядка войск, идущих на обороняющуюся русскую армию. Она давала возможность обороняющимся расстроить ряды противника, выбить инициативу из его рук и перейти на него в решительное наступление. Петровские редуты имели не только оборонительное значение, как это думают некоторые историки, но и наступательное. После Полтавской битвы они применялись во всех европейских армиях.

Петр I обращал большое внимание на организацию четкого управления войсками. В учреждении им должности «генерал-квар-

тирмейстера» с определенным штатом офицеров можно видеть зачатки современного генерального штаба.

Устав гласил: «Генерал-квартирмейстера требует мудрого, разумного и искусного человека в географии и фортификации, понеже ему надлежит учреждать походы, лагери и, по случаю, фортификации и ретраншементы и над оными надзирание иметь, а особливо при небольших войсках, в которых инженеры обыкновенно под его надзиранием и командою обретаются. А ежели таковой и артиллерию при том же разумеет, то может и оною командовать, а особливо надлежит ему генерально оную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается. Такожде какие реки, проходы, дифилеи и горы, леса и болота находятся». Причем «когда определится, что войску маршировать и в ином месте стать, которое место ему не весьма знакомо и от неприятеля опасное, тогда осматривает он за день с добрым экскортом кавалерии таковое место, какое положение имеет и какими надежными путями войско туда маршировать может. Еже все оное через своих подчиненных офицеров ландкартой нарисовать и изобразить должен, а при возвращении своем доносить, что при том внимать надлежит, дабы генералитеты наперед не только положение места знать, но и меры свои по тому восприять могли».

В полках, бригадах и дивизиях были введены должности «квартирмейстера». Петр I требовал от командиров частей и соединений документации всех оперативных планов, изучения и описания театра войны, путей сообщений, географического и экономического описания районов предполагаемого театра военных действий. Причем Петр I обращал особенное внимание на изучение опыта войны. Всеми этими вопросами занимались квартирмейстеры, которые должны были иметь «Записную книгу или протокол» и «все походы и бывшие лагери записывать и чертежи оным рисовать». Они должны были поддерживать теснейшую организационную связь с начальниками частей и соединений, быть их ближайшими помощниками. Однако не всем квартирмейстерам удавалось осуществить такую связь вследствие их слабой подготовки.

В практику управления войсками после Нарвского поражения Петр ввел русский язык и для иностранцев, находившихся на русской службе. Он создал командные кадры из русских людей, так как иностранцы не всегда добросовестно служили и не пользовались доверием у солдат. Некоторые из них, как это было при Нарве, изменяли воинскому долгу. Офицеры-иноземцы зачастую не знали русского языка и, будучи очень далекими от нужд солдат, мало заботились об их обучении. Солдаты в свою очередь ненавидели иноземных офицеров.

На основании Устава 1716 г. офицерами могли быть выходцы из различных слоев населения, «ежели таковые люди не только в экзерциции при кавалерии или инфантерии, но и в протчих военных науках, особливо в артиллерии или фортификации обученные, то толь лучше еще могут при некоторых акциях себя оказать и от других, которые в таковых науках неискусны, отличиться и скорее чин получить».

Учрежденный Петром I в 1722 г. «Табель о рангах» являлся венцом петровских реформ не только гражданских учреждений, но и армии. Согласно «Табеля о рангах» все должности разделялись на 14 рангов или классов. В армии это были чины от фендрика (прапорщика) до генерал-фельдмаршала, во флоте — от корабельного комиссара до генерал-адмирала, на гражданской службе — от коллежского секретаря до канцлера. Все чины первых восьми рангов причислялись (с потомством) к дворянству «во всяких достоинствах и авантажах, хотя бы они и никакой породы не были». «Табель о рангах» давал возможность отдельным наиболее способным выходцам из других слоев населения, защищавшим интересы господствующего класса, тоже продвигаться в чинах. Воспользоваться этим, разумеется, могли только единицы. «Табель о рангах» заставил помещиков учиться. Тем самым обеспечивалась подготовка командных кадров для русской армии.

В XVII в. европейские армии, а частично и русская армия, комплектовались посредством **вербовки** наемников. Петр покончил с такой системой и ввел военную обязанность всего населения, кроме духовенства.

Воинская служба при Петре для дворянства становится повинностью, а не службой за землю, как это было раньше. Состав рядовых формировался из «рекрутов» (так стали называть даточных людей с 1705 г. — *Б. Т.)* по 1 человеку с определенного количества дворов, после подушной переписи с определенного количества душ (в разные годы разное количество. — *Б. Т.*).

Первый рекрутский набор был проведен в 1699 г. До 1709 г. наборы проводились ежегодно. В особенности большой набор был в 1705 г.[1]. Каждый набор давал в армию до 30—40 тысяч молодых солдат.

Длительная война поглощала очень много людей, на ней немало «перебирали людишек». Наряду с общими наборами Петр I проводил специальные. Так, в 1703 г. призвали в армию всех вольноотпущенных кабальных людей и крепостных, хозяева у которых умерли, а в 1704 г. — московских стрельцов.

Служба в армии была очень тяжелой. Многие, подлежащие приему в солдаты, не только из крестьян, но и из детей дворянских, пытались скрываться от записи в армию. Тут на помощь Петру пришли «прибыльщики и доносители». Брянский дворянин Безобразов донес, что в Брянске и в уезде... «умножилось подьячих и дьяков и прочих нижних чинов, из которых гораздо возможно довольное число набрать в службу в драгуны или в солдаты». Такие же сведения сообщал и князь Трубецкой, получивший за это 500 рублей. Петр издал указ: «Разобрать и годных в службу написать», и впредь запретил постригать в монахи до 60 лет[2].

---

[1] До сих пор вслед за Карцевым («Военно-исторический обзор Северной войны», СПБ, 1851, стр. 68) историки считают, что якобы в 1705 г. было три рекрутских набора. Поскольку был большой набор рекрутов вследствие того, что значительная часть из них укрывалась, Петр I отдавал повторные указы о доборе рекрутов, которые Карцев принял как указы о самостоятельных наборах. Полное собрание законов, т. IV, № 2036; Записки *Туманского,* ч. II, стр. 265; *Н. Г. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. II, стр. 644.

[2] *С. М. Соловьев,* История России с древнейших времен, кн. III, стр. 1444.

В армию ежегодно принимались дворянские «недоросли». Одних из них, которые были склонны к учебе, готовили офицерами, а тех, которые не хотели учиться, записывали рядовыми в драгунские полки. Так из «недорослей» в 1704 г. были сформированы драгунские полки.

Таким образом, порядок комплектования офицеров и солдат для русской армии, установленный Петром I, позволил ему создать массовую единообразную по своему национальному составу армию, принципиально отличную от наемных западноевропейских армий. Созданная Петром новая вооруженная организация была прототипом будущих национальных армий Европы, которые возникли только лишь сто лет спустя — после французской буржуазной революции.

Отказавшись от принципа наемных войск, Петр значительные средства мог высвободить для вооружения армии.

О том, насколько введенная Петром военная обязанность населения опередила порядок комплектования, применявшийся в большинстве европейских армий, можно судить по следующим фактам: в Австрии правильный рекрутский набор был установлен лишь с 1722 года, а в Пруссии — лишь с начала XIX века. Принятая Петром система комплектования обеспечивала органическую связь армии со своим народом и государством. Поэтому русская армия обладала более высокими моральными качествами, чем европейские армии. Воспитание солдата и его обучение, построенные на новых принципах, заложенных Петром I, создавали условия для выработки у него стойкости и воли к победе. Высоко поднимая звание солдата, Петр I говорил: «Солдат есть имя общее, знаменитое, солдатом называется первейший генерал и последний рядовой».

В представлении русского солдата служба в армии была прежде всего государственным делом, требующим сознательного к нему отношения.

Петр старался поднять нравственные достоинства солдата и развить в нем не механическое, а сознательное исполнение воинского долга перед Родиной. Это давало возможность применять такие стратегические и тактические формы борьбы, которые были совершенно неприемлемы для наемных армий.

Основным принципом в стратегии Петр I считал «искать неприятеля на его земле», считая обязательным разобщение сил противника и разгром его по частям.

Во время пребывания Карла XII в Польше этот принцип обучения и воспитания внедрялся в русскую армию и был блестяще применен при разгроме шведов.

Этому принципу Петр I твердо следовал во всех проводимых им войнах. Азовские походы, войны со Швецией и Персией проводились Петром по принципу наступательной стратегии. Живая сила противника являлась для Петра главным стратегическим объектом войны. Этим целям были подчинены все операции Петра.

Классическим образцом в этом отношении является Ингерманландский период Северной войны. Уже тогда Петр I проявил себя как крупный дипломат и талантливый полководец. Он прекрасно

помнил уроки Нарвского поражения, но он понимал и допущенные политические и стратегические ошибки противника, не сумевшего использовать свою победу. Правильно оценив политическую и стратегическую обстановку, Петр решил выиграть время, для того чтобы реорганизовать и обучить армию и, пока Карл XII был занят в Польше, путем «малой войны» уничтожить силы противника по частям.

Ингерманландский период Северной войны тем и замечателен, что в это время русская армия прошла боевую школу и подготовилась к решающим действиям. Вместе с тем была решена важнейшая стратегическая задача — овладение береговой линией Нева — Нарова. Характерно заметить, что Петр I после Нарвы изменил традиционное направление главного удара и вместо Нарвы избрал направление через Ладогу к Неве, а потом к Нарве. Это было не случайно: нужно было разобщить силы противника и бить его по частям. План операции был выполнен блестяще. Изменившаяся политическая обстановка заставила Петра перенести направление главного удара на литовско-польский театр войны, чтобы оказать помощь своему союзнику.

Петр I верил в силу своего народа, в силу своей армии. Он требовал от них твердой, железной дисциплины, преданности воинскому долгу и интересам Родины. Петр I добивался от командиров инициативы, решительности, смелости и отваги.

Он говорил: «В уставах порядки писаны, а время и случаев нет, а посему не следует держаться устава яко слепой стены». Петр I, в противоположность Карлу XII, охотно выслушивал советы ближайших помощников. Большую роль в этом отношении играли военные советы генералов и министров. Протоколы этих советов дают ценный материал для изучения военного искусства русских в Северной войне.

В управлении войсками можно найти немало примеров умения Петра и его ближайших помощников быстро оценивать создающуюся обстановку и принимать правильное решение. Образцом в этом отношении является операция, проведенная Петром против Левенгаупта. Основной замысел этой операции заключался в том, чтобы не дать Карлу XII подтянуть к себе корпус Левенгаупта и собрать силу в один кулак для прорыва оборонительной линии на пути в глубь страны. Петр решил бить противника по частям, организовав для этой цели летучий отряд «корволант». При разработке плана разгрома Левенгаупта были предусмотрены вопросы взаимодействия, указывалось командирам частей «накрепко смотреть, чтоб друг друга секундовать».

Разгром корпуса Левенгаупта в значительной степени предрешал дальнейший успех борьбы со шведами. Недаром Петр I назвал победу у Лесной «матерью Полтавской баталии». Инициатива на театре войны была выбита из рук противника.

Широкий стратегический и тактический кругозор, кипучая военная и дипломатическая деятельность Петра обеспечили победу русских над шведами в Северной войне. Все это ставит Петра I в ранг великих полководцев.

Карл XII, будучи талантливым полководцем, не внес ничего нового в историю военного искусства. Ему в наследство досталась замечательно подготовленная армия, с крепкими боевыми традициями. Пехота и кавалерия Карла XII действовали по принципам выдающегося шведского полководца Густава-Адольфа. Карл XII был замечательным исполнителем установившихся стратегических и тактических форм борьбы, но в его искусстве как полководца отсутствовали элементы новаторства. До тех пор пока он имел перед собой слабо обученные армии противника, действующие по установленному шаблону, он был непобедим. Но по мере укрепления боевой мощи русской армии и применения ею новых стратегических и тактических форм борьбы — армия Карла XII начала сдавать, так как в ней не разрабатывались новые приемы борьбы. Она вступила в полосу кризиса и на полях Полтавы потерпела невиданное поражение.

После Полтавы Петр I широко использовал плоды победы и применил свой основной стратегический принцип: «в его (противника. — *Б. Т.)* землю впасть и чинить диверсии».

Петр I был не только талантливым полководцем по управлению сухопутными войсками, но и крупным флотоводцем. Разработанный и осуществленный им оперативный план Гангутского сражения, в котором галерный флот одержал блестящую победу над мощным шведским корабельным флотом, вызывал удивление у современников. Глубокое знание всех видов военного и военно-морского искусства дало возможность Петру разработать и осуществить гениальный план овладения Финляндией посредством комбинированных действий сухопутной армии и военно-морского флота. Операции Петра I по овладению Финляндией являются классическим образцом такого взаимодействия.

Военная деятельность Петра I неразрывно связана со всей его реформаторской деятельностью. Великая заслуга Петра I заключается в том, что он понял значение для России выхода к берегам Балтийского моря и девизом своей жизни поставил борьбу за этот выход. Он сумел возглавить господствующий класс крепостников-помещиков и нарождающийся купеческий класс для решения этой великой исторической задачи. Он сумел привлечь и мобилизовать народ и армию на борьбу против иноземных захватчиков за коренные интересы страны. Сила полководческого гения Петра заключалась не только в правильном понимании природы войны и боя, но и в глубоком знании особенностей русской армии и народа. В этом величие Петра.

Обширные военные знания, кипучая государственная деятельность, энергия, самостоятельное творчество, вера в своих помощников, вера в народ и войско, уверенность в окончательной победе — все это характеризует Петра как крупного государственного деятеля и полководца, много сделавшего для укрепления своей страны, для развития русского военного искусства.

Его военное искусство в основе своей являлось оригинальным и самостоятельным, было глубоко национальным, русским. Петр создал замечательную школу русского военного искусства, из которой вышел ряд талантливых полководцев — его учеников и сподвижников.

Петр I заложил основы русского военного искусства. Справедливо считали себя русские великие полководцы и флотоводцы учениками Петра I. Когда 146 лет тому назад, в марте 1799 г., русско-турецкая эскадра под флагом вице-адмирала Ушакова одержала блистательную победу в Средиземном море, захватив остров и крепость Корфу, и принудила к капитуляции французский гарнизон, великий русский полководец Суворов, получивший известие об этой победе, воскликнул: «Великий Петр наш жив!... Ура! Русскому флоту! Зачем я не был при Корфу хотя мичманом?».

Основные принципы петровского военного искусства были восприняты и развиты великими русскими полководцами XVIII и начала XIX века — П. А. Румянцевым, А. В. Суворовым и М. И. Кутузовым. Петр I был в числе учителей и Наполеона I. Готовясь к походу против России, Наполеон тщательно изучал историю Северной войны и причины поражения в этой войне Карла XII.

Особенность Северной войны состоит в том, что обычно армии тщательно готовились к войне, между тем как армия Петра одновременно и формировалась, и обучалась, и сражалась.

Русский, украинский и белорусский народы в борьбе с иноземными захватчиками проявили чудеса храбрости и героизма.

Петр I хорошо знал исторически сложившиеся черты русского народа: любовь к родине, выносливость, стойкость, твердый характер, сметку, терпение и храбрость. Без этих качеств невозможно было преодолеть трудности, вызванные войной. На эти качества русских людей и рассчитывал Петр. Они стали традицией нашего народа. Эти традиции народы нашей страны свято хранят, и каждый раз, когда враги пытаются поработить нашу страну, они всегда встречают сокрушительный отпор.

После Северной войны и преобразований, проведенных Петром I, внешнеполитическое положение России укрепилось, и она значительно продвинулась вперед в экономическом и культурном отношении, частично преодолев свою отсталость.

Однако «ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны»[1]. И только рабочий класс под руководством партии Ленина — Сталина после победы Октябрьской социалистической революции смог решить эту задачу.

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1932 г., стр. 359.

ХРОНОЛОГИЯ

1672, мая 30.	Рождение Петра I.
1682—1725.	Царствование Петра I.
1682, май.	Стрелецкое восстание.
1686.	«Вечный» мир с Польшей.
1689, августа 27.	Нерчинский договор с Китаем.
1695.	Первый поход Петра под Азов.
1696.	Второй поход Петра под Азов. Взятие Азова (18 июля).
1697—1698.	«Великое посольство». Путешествие Петра за границу.
1698.	Стрелецкий бунт и его подавление. Казнь стрельцов в Москве.
1699.	Указ Петра о роспуске стрелецкого войска.
1699, августа 24.	Заключение договора Петра I с Данией о войне против Швеции.
1699, ноября 8.	Указ Петра о первом наборе «даточных людей» в армию.
1699, ноября 11.	Заключение тайного договора между Петром I и Августом II о войне против Швеции.
1700, июля 3.	Заключение перемирия России с Турцией на 30 лет.
1700, августа 19.	Объявление Петром I войны Швеции.
1700—1721.	Северная война.
1700, август.	Заключение мирного договора между Швецией и Данией в Травендале.
1700, ноября 19.	Поражение русских войск под Нарвой.
1701, февраль.	Свидание Петра I с Августом II в Биржах, возобновление союза против Швеции.
1701, июня 12.	Неудачные действия шведской эскадры адмирала Шеблата против Архангельска.
1702, январь.	Победа фельдмаршала Шереметева над войсками генерала Шлиппенбаха у села Эрестфер.
1702, июль.	Поражение шведской флотилии на Ладожском озере.
	Вторичный разгром войск Шлиппенбаха при мызе Гумельсгоф.
1702, августа 13.	Поражение Кронгиорта у реки Ижоры.
1702, августа 25.	Сдача войскам фельдмаршала Шереметева крепости Мариенбург.
1702, октября 11.	Штурм русскими войсками крепости Нотебург (Орешек). Капитуляция ее.
1703, мая 1.	Взятие русскими войсками крепости Ниеншанц.
1703, мая 14.	Взятие русскими крепости Ямбурга.
1703, мая 16.	Основание Санкт-Петербурга на острове Люст-Эланд.

1703, мая 27.	Сдача русским крепости Копорье.
1704, июля 12.	Штурм и занятие Дерпта войсками фельдмаршала Шереметева.
1704, августа 9.	Штурм крепости Нарвы и взятие ее Петром I.
1705.	Астраханское восстание.
1705—1706.	Восстание башкир, татар.
1705, июня 5, 6 и 10.	Безуспешное нападение адмирала шведского флота Анкерштерна на остров Котлин.
1706—1707.	Боевые действия русской армии против шведов в Литве и Польше.
1706, сентября 24.	Заключение Альтранштадтского мира Августом II с Карлом XII.
1706, декабрь.	Генеральный военный совет в Жолкиеве, принявший план борьбы со шведами.
1707—1708.	Булавинское восстание.
1707, сентября 11.	Начало похода Карла XII против Русского государства.
1708, января 26.	Захват шведами Гродно.
1708, июня 14.	Форсирование шведской армией реки Березины.
1708, июля 3.	Битва со шведами под Головчином.
1708, июля 8.	Захват шведами Могилева.
1708, августа 22.	Поворот шведской армии от Черикова на Мстиславль.
1708, августа 30.	Поражение шведского авангарда у села Доброе.
1708, сентября 9.	Разгром шведского авангарда русскими войсками у деревни Раевка.
1708, сентября 10.	Русскими войсками шведы остановлены на рубеже у деревень Стариши и Раевка.
1708, сентября 13.	Поворот шведской армии от рубежей Смоленщины в Северские земли с целью обходного маневра на Москву.
1708, сентября 19—20.	Переправа шведского корпуса генерала Левенгаупта через Днепр у города Шклов.
1708, сентября 28.	Разгром корпуса Левенгаупта у деревни Лесной.
1708, октябрь—ноябрь.	Движение шведской армии на Украину.
1708—1709.	Партизанское движение в Белоруссии и на Украине против шведской армии.
1709, март.	Сосредоточение шведской армии между реками Ворскла и Псел.
1709, с 25 апреля по 27 июня.	Осада шведами Полтавы.
1709, июня 27.	Разгром шведской армии под Полтавой.
1709, июня 30.	Сдача при Переволочне остатков разбитой под Полтавой шведской армии.
1710, марта 21.	Переход осадного корпуса адмирала Апраксина по льду Финского залива из Кроншлота к Выборгу.
1710, апреля 30.	Отплытие гребной эскадры Боциса к Выборгу.
1710, июня 11.	Прибытие к Выборгу Петра I.
1710, июня 13.	Капитуляция гарнизона Выборга.
1710, сентября 8.	Занятие русскими войсками Кексгольма.
1711.	Прутский поход Петра I.
1713, мая 10.	Высадка адмирала Апраксина при Гельсингфорсе и занятие его русскими войсками.
1713, мая 14.	Занятие русскими войсками города Борго.
1713, августа 28.	Вступление сухопутного отряда Апраксина в Або.
1713, октября 6.	Разгром русскими войсками шведского отряда Армфельда у деревни Пелкино.
1714, февраля 19.	Второе крупное поражение отряда Армфельда у деревни Лаппола.
1714, февраля 23.	Занятие князем Голицыным города Ваза.
1714, июля 27.	Победа русского флота над шведским при мысе Гангут.

1714, августа 11.	Занятие русскими войсками Аландских островов.
1714, августа 14.	Занятие отрядом генерала Брюса города Таммерфорса.
1716.	Издание «Воинского Устава».
1718, ноября 30 (декабря 11).	Гибель Карла XII во время осады шведскими войсками крепости Фридрихсгам.
1718.	Учреждение военной, морской и других коллегий.
1719, мая 24.	Разгром Синявиным шведского отряда между Эзелем и Готско-Сандо.
1720, июля 27.	Победа русского флота над шведским у острова Гренгам.
1721, августа 30.	Заключение Ништадтского мирного договора между Швецией и Россией.
1721, октября 20.	Поднесение Петру Сенатом титула императора.
1722, января 24.	Табель о рангах.
1725, января 28.	Смерть Петра I.

УКАЗАТЕЛЬ
ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В

Г

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

СЛОВАРЬ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абордаж — старинный способ морского боя — сцепление двух судов для рукопашной схватки.

Авангард — часть войск, выдвинутая в походе вперед для обеспечения главных сил от внезапного нападения противника, для разгрома его авангарда, захвата выгодных рубежей на местности и т. д.

Авантаж — выгода, преимущество, перевес.

Ага — начальник янычар (привилегированной пехоты в султанской Турции).

Акорд — соглашение, соглашение о сдаче, капитуляция.

Альтернатива — необходимость выбора между двумя возможными решениями; «одно из двух».

Апрош — зигзагообразный ров (окоп для приближения к крепости).

Артикул — 1) Воинский Устав, изданный Петром I; 2) статья закона.

Арьергард — часть войск, выделяемая от главных сил при отступательном марше; имеет задачей обеспечить их от внезапного нападения с тыла; задержать наступающего противника, разрушить дороги, мосты, переправы и пр.

Багинет — штык в виде широкого клинка с односторонним лезвием, вставлялся в дуло ружей, применялся с конца XVII и в начале XVIII века.

Бастион — выдающаяся часть крепостной ограды; пятиугольное укрепление в виде выступа крепости.

Баталия — битва, сражение.

Бомбардирский корабль — военный корабль, служивший для действий против крепостей и береговых укреплений.

Брандер — в парусном флоте судно, наполненное взрывчатым или горючим веществом. Предназначался для взрыва или поджога неприятельских судов путем столкновения с ними вплотную.

Бригантина — легкое двухмачтовое судно.

Бригадир — военный чин, средний между полковником и генералом. В России был введен Петром I.

Вагенбург — временное полевое укрепление, составленное из сцепленных повозок.

Визирь — сановник, чиновник высшего ранга султанской Турции.

Виктория — победа.

Вымпел — 1) длинный узкий флаг, поднимаемый у верха мачты; 2) единица состава эскадры.

Воевода — высшая административная должность в местном управлении, в которой соединялись функции гражданского и военного управления.

Галера — старинное военное гребное судно.

Галерные флоты — военные флоты из гребных судов галерного типа, появившиеся первоначально в VII—VIII вв. на Средиземном море у Венеции и Генуи и просуществовавшие до конца XVIII в. в составе морских сил некоторых государств (России, Швеции) для действий в шхерных районах, поэтому они носили также название шхерных флотов.

Гальот — небольшое парусное острокильное судно.

Гаубица — артиллерийское орудие для навесной стрельбы, среднее между пушкой и мортирой; используется для разрушения укреплений противника и для стрельбы по закрытым целям.

Гетман — 1) в конце XVI в. на Украине — выборный предводитель войск в Запорожье, затем (с начала XVII в.) правитель Украины; 2) в XVI—XVIII вв.— главнокомандующий вооруженными силами польско-литовского государства, назначавшийся королем.

Гласис — земляная насыпь перед наружным рвом укрепления.

Гренадеры — отборная часть пехоты во многих армиях.

Дефилея (дефиле) — теснина, проход.

Диверсия — маневр, производимый войсками вдали от действия главных сил с целью отвлечь силы противника с главного театра военных действий.

Дислокация — расположение войсковых частей в гарнизонах и на фронте.

Драгуны — вид кавалерии, которая спешивалась для боя.

Думный дьяк — звание, в которое возводились дьяки за служебные заслуги и которое давало право на участие в заседаниях Боярской думы.

Дьяки — помощники бояр и окольничьих по управлению приказами и провинциальными воеводскими и съезжими избами.

Инфантерия — пехота.

Иррегулярные войска — войска, не имеющие правильной постоянной организации и по своему строению и обучению значительно отличающиеся от регулярной армии.

Каботажное судно — судно, плавающее у своих берегов без захода в заграничные порты.

Канцлер — высший гражданский чин в царской России.

Капер — частное лицо, снаряжающее с разрешения правительства воюющей державы вооруженное судно для задержания и захвата в море неприятельских торговых судов, а равно и нейтральных, ведущих военную контрабанду.

Каре — сомкнутый строй пехоты в виде четырехугольника.

Кильватерная колонна — строй эскадры, при котором корабли идут вслед за головным, один за другим, по одной прямой линии.

Колбек — мерка.

Коммуникация — сообщение, связь.

Консилия — совет, совещание.

Контрибуция — сумма, выплачиваемая государством по условиям мирного договора.

Конфузия — поражение, замешательство, смущение.

Конфедерация — в старой Польше временное политическое оппозиционное сообщество средних и мелких дворян.

Копейщики — ратники конных полков иноземного строя, вооруженные длинными копьями, в противоположность рейтарским полкам, имевшим вместо копий мушкеты и пистолеты.

Кошевой — главный атаман у запорожских казаков, избиравшийся ежегодно представителями всех куреней на войсковой раде.

Крейсерство — плавание отдельного судна или эскадры в определенном районе с определенной целью.

Кумпанство — товарищество, добровольно составленное из землевладельцев для отбывания повинности постройки кораблей.

Курфюрст — германский владетельный князь, имевший право участвовать в выборе императора Священной Римской империи.

Линейный корабль — парусный 2- и 3-палубный корабль, имевший пушки, расположенные в линию (по бортам на палубах), и принимавший бой с противником в строю кильватерной колонны.

Люнет — полевое открытое укрепление с одним или двумя фасами (см.) и двумя фланками (см.).

Мористее — дальше от берега.

Мортира — короткоствольное артиллерийское орудие для навесной стрельбы.

Мушкет — старинное фитильное ружье крупного размера, из которого стреляли с подставки.

Мыза — хутор, отдельно стоящая усадьба с сельскохозяйственными постройками.

Наряд пушечный — артиллерия.

Обсервация — наблюдение.

Обсервационный — наблюдательный.

Операционный — выбранный для действия.

Ордер баталии (ордер-де-баталии) — боевой строй.

Осмачка — восемь (мера).

Палаш — старинная прямая, длинная и широкая сабля.

Парировать — отражать, отбивать удары противника.

Периферия — часть страны, области, края, удаленная от центра.

Пикет — небольшой сторожевой пост.

Подьячие — основные канцелярские работники приказов, писцы в судах.

Посадские люди — часть городского населения (торговое и ремесленное), участвовавшая в несении посадских повинностей и в платеже налогов.

Потеха — игра, забава, игрушка, зрелище, охота, конский бег и пр.

Потешный — игрушечный.

Прам — плоскодонное судно парусного периода, вооруженное пушками небольшого калибра. Применялось для действия на мелководье, в реках и пр.

Прелюдия — вступление, введение.

Престиж — авторитет, влияние, уважение.

Протекция — покровительство, оказываемое влиятельным лицом кому-либо.

Рада — сход у запорожских казаков.

Разряд или Разрядный приказ — центральное учреждение, ведавшее организацией военной службы.

Ратуша — здание, где помещается городское самоуправление.

Регулы — правила, положения устава.

Резидент — дипломатический представитель, по рангу ниже посланника.

Резиденция — место постоянного пребывания главы государства или правительства, а также лиц, занимающих крупный административный пост.

Рейтары — средневековые конные наемные войска в Западной Европе.

Рекогносцировка — разведка местности, противника, населения.

Ретирада — отступление.

Ретироваться — отступать, уйти.

Ретраншемент — внутренняя оборонительная ограда в крепостях; также — укрепленный лагерь.

Регимент — полк.

Сапа — земляные рвы, устраиваемые для постепенного и укрытого приближения к осаждаемой крепости или к окопам противника; применяется в позиционной войне.

Секундирование — подкрепление, иногда охранение.

Сепаратизм — стремление к отделению, обособление.

Сепаратный мир — мир, заключаемый государством, входящим в коалицию держав, ведущих войну, отдельно от своих союзников.

Сераскир — главнокомандующий турецкими войсками.

Сикурс — поддержка, помощь.

Ситуация — положение, обстановка, совокупность обстоятельств.

Скампавея — малая галера, гребное военное судно русского галерного флота для операций в шхерах.

Сотник — офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий поручику.

Стольник — один из чинов придворных служилых людей. Смотритель за царским столом, прислуживавший во время торжественных обедов. Большинство стольников назначалось на различные административные должности: воеводами, начальниками второстепенных приказов, послами.

Стрельцы — постоянное войско Московского государства XVI — начала XVIII вв.

Султан — титул монархов некоторых мусульманских стран.

Тет-де-пон — предмостное укрепление.

Траншеи — 1) длинный глубокий окоп для защиты осаждающих от выстрелов со стороны осажденной крепости; 2) сплошная линия окопов; ров полевого укрепления.

Универсал — торжественные грамоты польских королей, а также украинских гетманов в XVII в., обнародованные во всеобщее сведение.

Фарватер — полоса водного пространства, на которой глубина воды при всех условиях достаточна для пропуска судов с предельной осадкой.

Фас — сторона укрепления.

Фашины — связки хвороста, употреблявшиеся для загачивания топких мест, заваливания рвов и т. п.

Фиорд — узкий и вытянутый на десятки километров в длину, глубокий, часто разветвленный морской залив с крутыми и высокими (до 1000—1200 м) берегами.

Флагман — начальник крупного соединения (отряда или эскадры) военных кораблей, подымающий свой флаг на одном из кораблей командуемого им соединения.

Фланка — фланк, крыло фронта или укрепления.

Флотилия — отряд небольших военных кораблей, предназначенных для действий на реках, озерах и на второстепенных морских театрах.

Фортеция — крепость.

Фрегат — в парусном флоте — трехмачтовый военный корабль, второй по величине после линейного корабля.

Фортификация — военно-инженерная наука, указывающая способы возведения искусственных сооружений или приспособлений на местности, изучающая средства укрепления местности с целью облегчить ведение боя для собственных войск и затруднить его для противника.

Фузея — ружье.

Цитадель — сомкнутое укрепление внутри крепостной ограды в виде небольшой самостоятельной крепости.

Шанец, шанц — земляной окоп. Общее название полевых или временных укреплений.

Шкипер — заведующий корабельным имуществом и материальным снабжением военного корабля.

Шнява — легкий корабль для разведочной и посыльной службы, вооруженный 14—18 пушками малого калибра.

Штандарт — кавалерийское и флотское знамя, флаг.

Шхеры — 1) мелкие скалистые острова, надводные и подводные скалы у берегов фиордового типа; 2) морское побережье с тесными проливами, густо усеянное островками.

Шхербот — бот, построенный специально для плавания в шхерах.

Шхуна — небольшое двух- или трехмачтовое судно.

Экзерциция — строевое и тактическое обучение войск; учение, упражнение.

Эскадра — часть флота, состоящая из судов одного или разных типов и плавающая под командованием одного флагмана.

Эскорт — конвой, охрана, прикрытие.

Яхта — небольшое судно, служащее для прогулки и спортивных целей.

СПИСОК

ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ О СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

K. Marx, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London, 1899 (*К. Маркс,* Тайная дипломатия XVIII в., Лондон, 1899).

К. Маркс, Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, Москва, 1938.

К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Сочинения, т. X, Москва, 1933, стр. 61 (Об упадке могущества Турции).

К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Сочинения, т. IX, Москва, 1932, стр. 439 (О традиционной политике России).

К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Сочинения, т. XVI, ч. II, Внешняя политика русского царизма, Москва, 1936.

К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Сочинения, т. XXII, Переписка, М.—Л., 1929, стр. 112—117 (О Северной войне).

К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Сочинения, т. XI, ч. I, Москва, 1933, стр. 363 (О внешней политике Петра).

В. И. Ленин, Сочинения, т. I, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Москва, 1929, стр. 73 (Об образовании всероссийского рынка).

В. И. Ленин, Сочинения, т. XXII, О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности, М.—Л., 1931, стр. 517 (О Петре I).

В. И. Ленин, Сочинения, т. XXX, «Война и революция», Москва, 1932, стр. 334—336 (О подходе к изучению причин, порождающих войну).

В. И. Ленин, Сочинения, т. XIX, Военная программа пролетарской революции, Москва, 1935, стр. 325 (О подходе к определению характера войн).

И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП(б), изд. 9, Москва, 1933, стр. 359 (Об отсталости России и экономической политике Петра I).

И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г., Москва, 1938.

И. В. Сталин, А. Жданов, С. Киров, Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. «К изучению истории СССР», Москва, 1937.

И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 4, Москва, 1944.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс под редакцией ЦК ВКП(б), глава IV, § 2 «О диалектическом и историческом материализме», Москва, 1938.

Adlerfeld, G., Histoire militaire de Charles XII, 1740. (Г. Адлерфельд, Военная история Карла XII, 1740).

Алларт, Подробное описание города Нарвы и сражение под сим городом в 1700 г., «Северный архив», 1822, ч. I.

Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый под редакцией М. И. Семевского, т. I—III, СПБ, 1890.

Базилевич К., Петр I — основоположник русского военного искусства. «Большевик» № 11—12, 1945.

Бантыш-Каменский Д., Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, ч. I—II, изд. 1821.

Бантыш-Каменский Н. Н., Обзор внешних сношений России по 1800 г., ч. I—IV, М., 1894—1902.

Баскаков В. И., Северная война 1700—1721 гг., СПБ, 1890.

Берендже Е., Государственное хозяйство Швеции, ч. I, СПБ, 1890.

Богословский М. М., Петр I, т. I и II, ОГИЗ, 1940, 1941.

Бутурлин Д., Военная история походов россиян в 18 столетии, т. I—II—III, СПБ, 1819—1820—1821.

Веселаго Ф., Очерк русской морской истории, ч. I, СПБ, 1875.

Волынский Н. П., Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне, кн. I—IV, СПБ, 1912.

Гаммель И. Х., Англичане в России в 16—17 столетии, СПБ., 1865.

ГАФКЭ (Государственный архив феодально-крепостнической эпохи), Журнал Петра I, ф. IX, д. № 15 (1702—1711).

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1706—1708 гг., ф. 9, д. № 24.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1707 г., д. № 10.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1707—1708 гг., д. № 8 (Постановление генеральной консилии в Могилеве 23 июня 1708 г.).

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1708 г., д. № 8.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1709 г., д. № 9.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1713 г., отд. II, д. № 19, оп. IX.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1714 г., д. № 20.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1714 г., д. № 20 (Расспросные речи шведских дезертиров и пленных; Переписка Петра с Апраксиным).

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1720 г., д. № 60 (Отчет графа Матвеева о его дипломатической службе при посольствах в Голландии, Франции и Англии в 1699—1715 гг.).

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1721 г., д. № 53.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, 1721 г., д. № 53 (Расспросная ведомость нежинского купца В. Цыцла о прибытии русского посла в Турцию на военном корабле «Крепость»); Письма Г. Кастриота; Ведомости состава русского и шведского флота к 1719 г.; Ведомость состояния ратуши 1705—1710 гг. и др.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, кн. II, д. № 8 (Рассуждение Алларта).

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, Журнал Петра I, д. № 8.

ГАФКЭ, Журнал походов Петра I, д. № 44/63.

ГАФКЭ, Кабинет Петра I, отд. I, кн. II, д. № 54.

ГАФКЭ, Малороссийские дела, 1708 г., д. № 47, 64, 93, 94, 101, 130.

ГАФКЭ, Прусские трактаты, 1697 г., д. № 3.

ГАФКЭ, Сношения России с Турцией, 1703 г., д. № 2 (Письмо Саввы Рагужинского, ответ русского посла в Турцию Толстого на данные ему 17 секретных статей и отписка о том, как Турция выполняет условия мирного договора).

ГАФКЭ, Турецкие дела, 1709 г., д. № 4.

ГАФКЭ, Турецкие дела, 1709 г.

ГАФКЭ, Шведские дела, 1708 г., д. № 8 (Постановления генеральной консилии в Шклове 30 июля и 6 июля 1708 г.; Предложение Шереметева).

ЦВИА, Фонд ВУА (Центральный военно-исторический архив, фонд Военно-учебного архива), д. № 23 (Подлинная реляция о Полтавской битве).

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 1 (Переписка Головкина со Скоропадским).

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 25, ч. 17.

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 1497 (Реляция о Полтавской битве).

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 1519 (План осады Нотебурга).

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 1520.

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 1453 (План осады Ниеншанца).

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 1597 (Ордер де баталии Полтавской).

ЦВИА, Фонд ВУА, д. № 1475 (Акция под Добрым 30.VIII 1708 г.).

ЦВИА, Фонд ВУА, Московское отделение общего Архива штаба, Опись 3, Связка 6, д. № 8, часть 6.

Гилленкрок А., Современное сказание о походе Карла XII в Россию, «Военный журнал» № VI, 1845.

Голиков И. И., Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, изд. 2-е, М., 1837—1843.

Голицын Н. С., Всеобщая военная история средних времен, ч. I, II, III, V, СПБ, 1876—1877.

Гудима-Левкович П., Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 г., СПБ, 1875.

Дворцовые разряды, т. I—IV, изд. II, 1850—1853.

Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 по 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г., ч. I, М., 1892.

Елагин С. И., История русского флота. Период Азовский, СПБ, 1864.

Епифанов П., Воинский устав Петра I, «Военная мысль» № 1—2, 1945.

Житков К., История русского флота. Период Петровский — 1672—1725 гг., СПБ, 1912.

Журнал или поденная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира, ч. I, СПБ, 1770.

Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709 г., Д. Языкова, СПБ, 1940.

История Российского флота в царствование Петра Великого. Перевод с английской неизданной рукописи графа Е. Путятина, СПБ, 1897.

Нечаев В., Внешняя политика Петра I. Исторический сборник «Три века» под редакцией В. Каллаша, М. 1912.

Исторический журнал «Древняя и новая Россия», т. I, 1876.

История дипломатии, т. I, ОГИЗ, Госполитиздат, М. 1941.

Карамзин Н. М., Записка о древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях, 1811.

Карамзин Н. М., История государства Российского, т. VI, СПБ, 1888—1904.

Кафенгауз Б. Б., Вопросы историографии эпохи Петра Великого, «Исторический журнал», 1944 г., № 9.

Ключевский В., Курс русской истории, т. IV, М., 1937.

Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества свейского, СПБ, 1766.

Костомаров Н., Исторические монографии и исследования, кн. 6, т. XVI, СПБ, 1867—1903.

«Красный архив» № 4(95), изд. 1939.

Лагуса В., Карл XII в Южной России, Одесса, 1852.

Ласковский Ф., Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. II, СПБ, 1861.

Лебедев В. И., Булавинское восстание (1707—1708), М.—Л., 1934.

Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705—1711 гг. «Исторические записки», кн. 1, М., 1937 г.

Лебедев В. И., Астраханское восстание 1705—1706 гг. «Проблемы истории докапиталистического общества» № 9—10, 1934 г.

Лебедев В. И., Реформы Петра I, Сборник документов, М., 1937.

Леер Г., Петр Великий как полководец. «Военный сборник» № 3—4, 1865.

Леер Г., Записки о стратегии, вып. I, СПБ, 1887.

Леер Г., Обзор войн России от Петра Великого до наших дней, СПБ, 1885—1898.

Ломоносов М. В., Слово похвальное блаженныя и вечнодостойныя памяти Государю Императору Петру Великому, СПБ, 1755.

Масловский Д. Ф., Записки по истории военного искусства в России, вып. I, СПБ, 1891.

Масловский Д. Ф., Северная война. Документы 1705—1708 гг., СПБ, 1892.

Материалы для истории русского флота, ч. I, СПБ, 1866.

Михневич Н. П., История военного искусства с древнейших времен до начала XIX в., СПБ, 1896.

Морское министерство. Архивные материалы для истории Гангутской операции, вып. II, СПБ, 1914.

«Морской сборник», т. IV, № 12, 1850. «Гангутская битва».

«Морской сборник», т. V, № 4, 1851. «Военные действия русского флота в 1714 г.»

«Морской сборник», т. V, № 5, 1851. «Морская кампания 1715—1721 гг.»

«Морской сборник» № 10, 1869. «Первые годы русского флота на Балтийском море».

«Морской сборник» № 3, 1870. «Русский флот на Балтийском море» 1706—1709 гг.

Мышлаевский А. З., Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг., СПБ, 1896.

Мышлаевский А. З., Северная война (1708 г.). От р. Улы и Березины за р. Днепр, СПБ, 1901.

Мышлаевский А. З., Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Документы государственного архива), СПБ, 1893.

Письма и бумаги Петра Великого, т. I—VII, СПБ, 1887, 1889, 1893, 1907, 1912, 1918.

Полное собрание законов Российской Империи. I, II, V, VI.

Полное собрание русских летописей, т. I—V, СПБ, 1901, 1910, 1911.

Полтавская битва, 1709—27 июня — 1909. Сборник составлен А. Борисовым, Балотнийским и А. Носковым, СПБ, 1909.

Полтавська битва, 1709—1909, Сборник, Киев, 1940.

Посошков И. Т., Книга о скудости и богатстве, 1911.

Прокопович Ф., История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно, СПБ, 1773.

Против исторической концепции М. Н. Покровского, Сборник статей, ч. II, изд. Академии Наук, 1940 г., Статья Б. Б. Кафенгауза, «Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского».

Пузыревский А. К., Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого, СПБ, 1889.

Санглен де Яков, Подвиги русских под Нарвой в 1700 г., М., 1831.

Сборник Императорского Русского исторического общества, т. 39, 40, 49, 50, 52, 61.

«Славянин», военно-литературный журнал № 1, «Историческое известие о Гренгамской битве». 1828 г., СПБ.

Слово о победе, полученной у Ангута, егда Российским гребным флотом пленен Шведский Шаутбенахт с фрегатом и не малым числом других судов. Лета 1714 июля дня 27, СПБ, 1914.

Соловьев С. М., Публичные чтения о Петре Великом, СПБ, 1903.

Соловьев С. М., История России с древнейших времен, кн. III, т. XI—XV, кн. IV, т. XVI—XVII. СПБ, изд. «Общественная польза», 1897.

Стилле А., Карл XII как стратег и тактик, СПБ, 1912.

Стилле А., Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг., СПБ, б. г.

Сыромятников Б., Регулярное государство Петра I и его идеология, Москва, 1943 г.

Труды Императорского Русского военного исторического общества, I—IV, СПБ, 1909.

Устрялов Н. Г., История царствования Петра Великого, т. I—IV, VI, СПБ, 1858—1863.

Шмурло Е., Петр Великий в оценке современников и потомства, СПБ, 1912.

Яковлев В., Петр I — основоположник военно-инженерного дела в России, «Военная мысль» № 4—5, 1945.

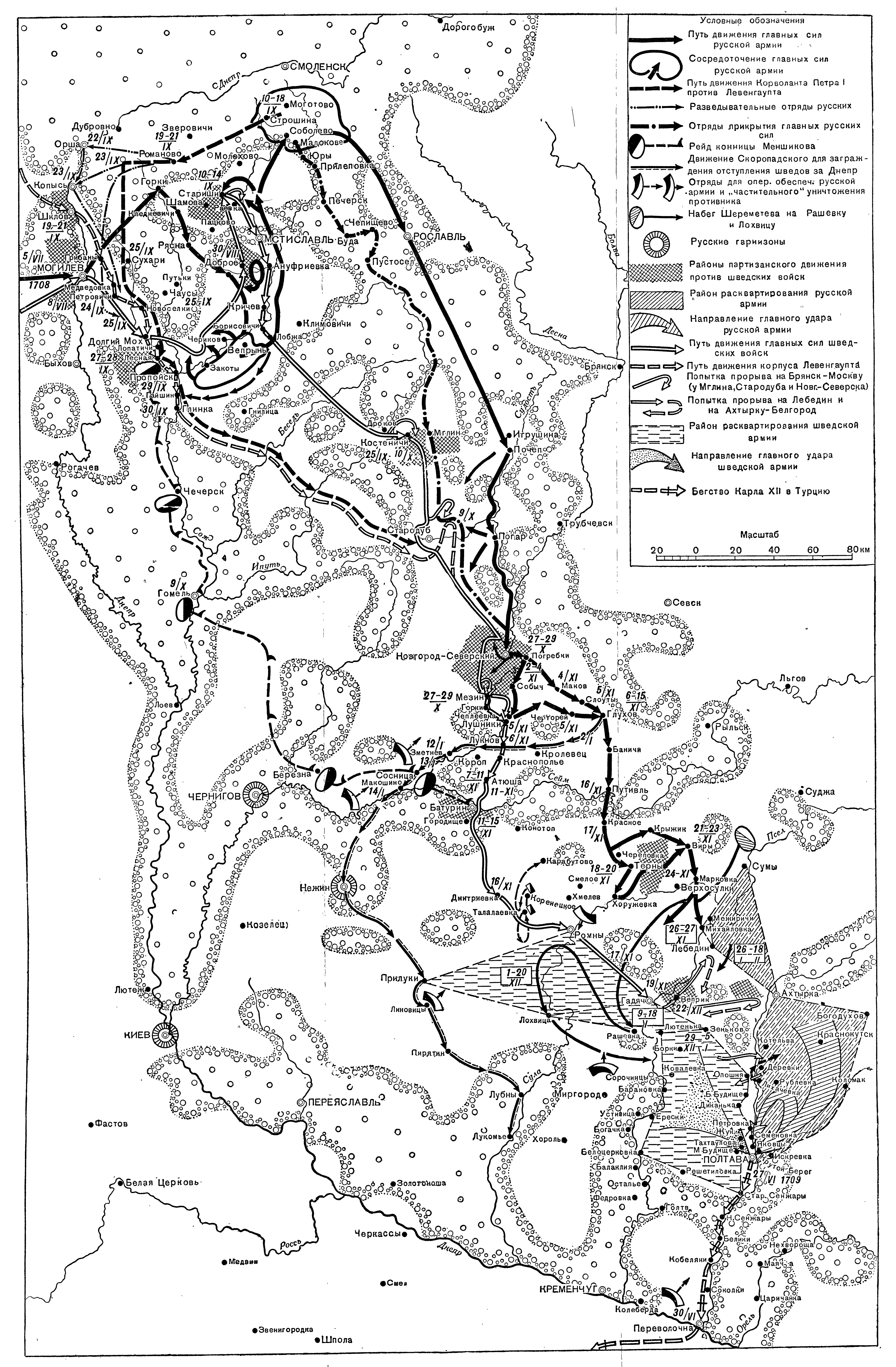

Схема 17. *Маневренные действия во время вторжения шведов в русское государство с 5. VII 1708 г. по 30. VI 1709 г.*

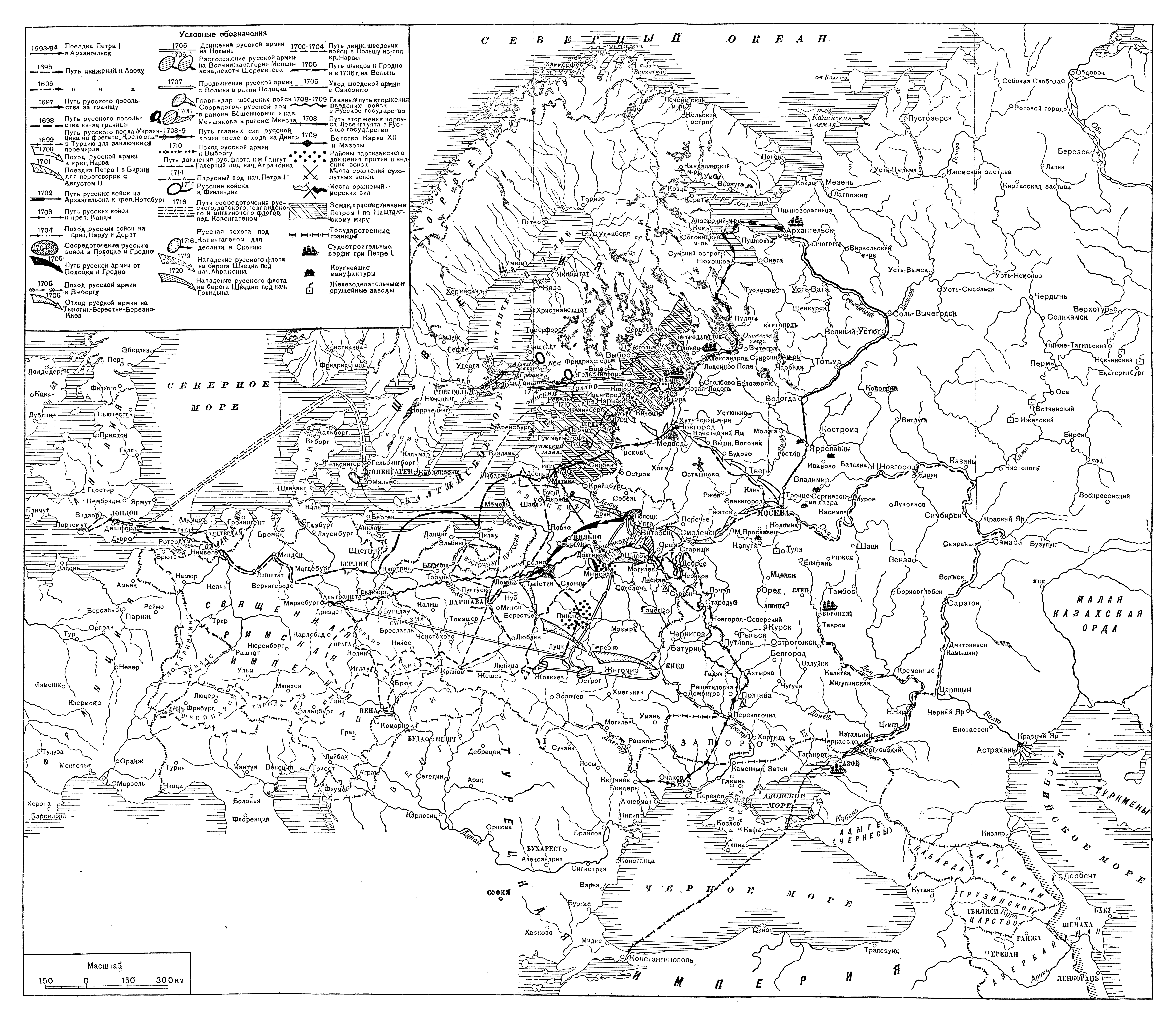

Схема 18. *Общая карта театра Северной войны.*

ПЕРЕЧЕНЬ
СХЕМ, КАРТ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор подполковник **Афанасьев А. Г.**

Отпечатано с матриц
под наблюдением майора **Ворожцова Г. А.**
Технический редактор **Еремеева Е. Н.**
Корректор **Мусатова Е. А.**

Г. 124488 Подписано к печати 19. 9. 46. Изд. № 1249/Л.
Объем 12½ п. л. + 10 вклеек 2¾ п. л. Заказ № 2204/46.

библиотека
Беспалова
СССР

Цена 10 руб.

Б.С.ТЕЛЬПУХОВСКИЙ * СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

ПОЛКОВНИК

Б.С.ТЕЛЬПУХОВСКИЙ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1946